

ISSN 2409-8671

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-07-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru
ISSN: 2409-8671

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-07-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Ryzhov Igor' Valer'evich - doktor istoricheskikh nauk, federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo", zaveduyushchii kafedroi istorii i politiki Rossii, 603005, Rossiya, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2, of. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Скоба Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН 123001, Россия, Москва, ул. Спириidonовка, д. 30/1 fvrdr@rambler.ru

Тиберио Грациани – директор Института изучения geopolитики и смежных дисциплин

(Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Фролов Дмитрий Борисович — доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой "Компьютерное право" НИЯУ МИФИ. 115409, г. Москва, Каширское ш., 31 fdb@mail.cbr.ru

Аринин Александр Николаевич - доктор политических наук, академик РАН, директор Автономной некоммерческой организации "Институт федерализма и гражданского общества". 115035, Россия, г. Москва г, ул.Ордынка Б., 21.

Безбородов Александр Борисович - доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 103012, Россия, г. Москва ул. Никольская, 15, кабинет 20.

Борисов Николай Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, исторический факультет

Будanova Вера Павловна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН

Галлямова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. 690022, Россия, г. Владивосток, Пушкинская, 89

Данилов Александр Анатольевич - доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.

Ершова Галина Гавриловна - доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления итальянского Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия). 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

Мартынова Марина Юрьевна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии Российской академии наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН

Аюрова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) ,

профессор, 117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96,
48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжков Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Editorial collegium

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544
dvvasiliev@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru .

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudargin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudargin@madi.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Vasily Rudolfovich Filippov — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1 fvrdrambler.ru

Tiberio Graziani is the Director of the Institute for the Study of Geopolitics and Related Disciplines (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Frolov Dmitry Borisovich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of

the Department of "Computer Law" of NRU MEPhI. 115409, Moscow, Kashirskoe sh., 31
fdb@mail.cbr.ru

Arinin Alexander Nikolaevich - Doctor of Political Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Autonomous Non-profit organization "Institute of Federalism and Civil Society". 115035, Russia, Moscow g, Ordynka B. str., 21.

Bezborodov Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 103012, Russia, Moscow, Nikolskaya str., 15, office 20.

Nikolay Sergeevich Borisov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia before the Beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 119991, Moscow, Russia, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Faculty of History

Budanova Vera Pavlovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Lyudmila Gallyamova - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690022, Russia

Danilov Alexander Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. 88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.

Yershova Galina Gavrilovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov of the Russian State University for the Humanities. Director for Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico), Member of the Board of the Italian Center for American Studies (Circolo Amerindiano, Perugia, Italy). 125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6

Martynova Marina Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Dean of the Faculty of Law, 430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Osipenko str., 40, sq. -, yulenka@mail.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

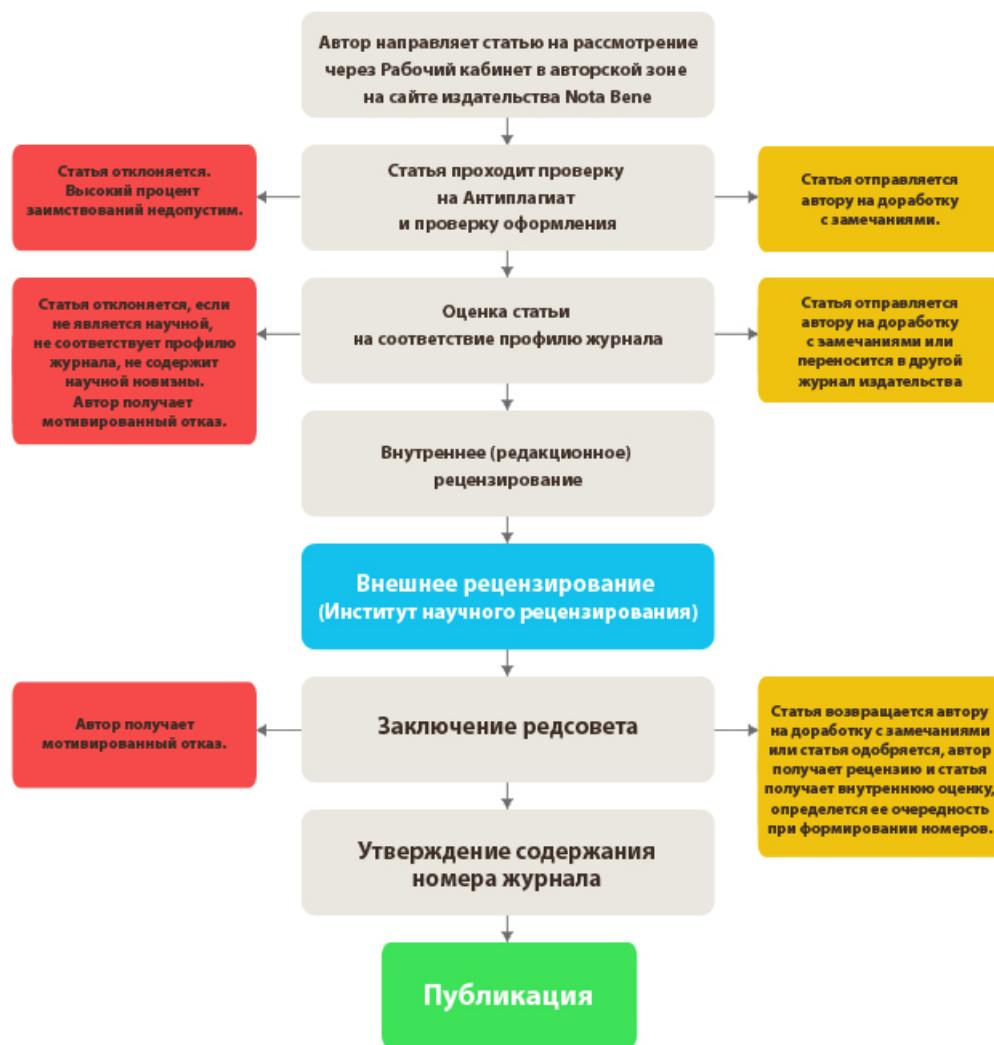
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Хадыров Р.Ю. К вопросу об институциональном статусе вооруженных сил Таджикистана	1
Эльзени Н.Х. Социально-политические факторы военного конфликта в Сирийской Арабской Республике	11
Сосницкая В.Д. Трансатлантические отношения в сфере безопасности: проблемы релевантности НАТО	20
Хань Ш. К дискуссии между китайскими и российскими учеными об определении сотрудничества в области обороны и безопасности	32
Бежина Ю.В. Североевропейское оборонное сотрудничество в постбиполярный период	41
Гавриленко Н.В. Украинский вектор внешней политики Великобритании на фоне российской специальной военной операции	59
Стенько А.И. Духовное присутствие Русской Православной Церкви в Африке: текущая ситуация, актуальные риски и потенциальные угрозы	74
Англоязычные метаданные	84

Contents

Khadyrov R.Y. On the Institutional Status of the Armed forces of Tajikistan	1
El'zeni N.K. Socio-Political Factors of the Military Conflict in the Syrian Arab Republic	11
Sosnitskaia V. Transatlantic Security Relations: NATO Relevance Issues	20
Han S. Discussion of definition of defence and security cooperation between Chinese and Russian scientists	32
Bezhina Y.V. Nordic Defence Cooperation in the Post-Bipolar World	41
Gavrilenko N.V. The Ukrainian dimension of Britain's foreign policy amid the Russian special military operation	59
Stenko A.I. The spiritual presence of the Russian Orthodox Church in Africa: recent situation, current risks and potential threats	74
Metadata in english	84

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Хадыров Р.Ю. — К вопросу об институциональном статусе вооруженных сил Таджикистана // Мировая политика. – 2023. – № 2. – С. 1 - 10. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.39864 EDN: JDEBHE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39864

К вопросу об институциональном статусе вооруженных сил Таджикистана

Хадыров Равшан Юнусович

кандидат политических наук

аспирант, кафедра кафедра мировых политических процессов, МГИМО

115764, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Москва, 63, оф. Москва

✉ khadyrov.r.u@mail.ru

[Статья из рубрики "Политическая стабильность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.2.39864

EDN:

JDEBHE

Дата направления статьи в редакцию:

23-02-2023

Дата публикации:

02-03-2023

Аннотация: Статья привлекает внимание к актуальной и новой теме определения институционального статуса Национальной армии в государственно-политической системе Таджикистана. Интерес вызывает позиционирование института армии в совокупности политических институтов государства и общества, его эволюция в процессе деполитизации силовых структур. Установлено, что институт армии Таджикистана эволюционировал из политического института времен гражданской войны в инструмент политики властей мирного времени, а собственно силовая составляющая эффективности не в полной мере соответствует уровню внешних угроз. 30 лет назад 23 февраля 1993 года родились вооруженные силы (далее будем использовать термин – армия) независимого Таджикистана. К юбилейной дате публикуются выступления президента, политических и военных деятелей, ученых, раскрывающих выдающуюся роль армии в спасении государства в тяжелые годы жестокого политического и военного противостояния светских патриотических и исламистских сил. Однако тема связи армии и политики, роли армии в политике не находится в фокусе интереса

научного сообщества Таджикистана, хотя обращение к этой проблематике актуально в свете быстрых и опасных изменений военно-политической обстановки в мире и центральноазиатском регионе. Эти обстоятельства определили исследовательский вопрос о статусе армии Таджикистана - это политический институт или инструмент политики, а также цель и задачи публикации – раскрыть условия и процесс институализации армии Таджикистана, ее функции и состояние как института государства и общества.

Ключевые слова:

Таджикистан, армия, армия как институт, политические институты, деполитизация, вооруженные силы, политический режим, политический процесс, политика, государство

30 лет назад 23 февраля 1993 года родились вооруженные силы (далее будем использовать термин – армия) независимого Таджикистана. К юбилейной дате публикуются выступления президента, политических и военных деятелей, ученых, раскрывающих выдающуюся роль армии в спасении государства в тяжелые годы жестокого политического и военного противостояния светских патриотических и исламистских сил. Однако тема связи армии и политики, роли армии в политике не находится в фокусе интереса научного сообщества Таджикистана, хотя обращение к этой проблематике актуально в свете быстрых и опасных изменений военно-политической обстановки в мире и центральноазиатском регионе.

Эти обстоятельства определили исследовательский вопрос о статусе армии Таджикистана – это политический институт или инструмент политики, а также цель и задачи публикации – раскрыть условия и процесс институализации армии Таджикистана, ее функции и состояние как института государства и общества. Решая исследовательские задачи, будем следовать рекомендации К.Ю. Колесниченко, предложившего два уровня осмыслиения роли армии в политике: первый, теоретический уровень, изучение совокупности взглядов на роль и место армии в различных политических режимах; второй – анализ реально существующего положения и роли вооруженных сил в политических процессах [13, 6].

В научной литературе представлены как минимум три точки зрения: армия является политическим институтом, субъектом политики, неотъемлемым элементом политической системы; армия – объект и инструмент политики; армия вне или над политикой. И сторонники каждой точки зрения правы – аргументы справедливы в зависимости от конкретной страны, ее политической истории и позиции армии в политике и обществе. К.Ю. Колесниченко пишет, что в теории армия вместе с государством относятся к институциональной подсистеме политической системы, при определенных условиях может «приобретать качества самостоятельного политического института, обладая потенциалом вносить качественные изменения в политической системе» [13, 16]. Обобщенные теоретические аргументы сводятся к следующим тезисам: армия создается, совершенствуется, управляется политическими решениями государства (ядра политической системы); она участник политической жизни страны, взаимодействует с органами власти, другими институтами политической системы общества, является инструментом достижения политических целей, в которых реализуются политические функции силовыми средствами.

Действительно, любая армия исторически является государственным институтом,

следовательно, и институтом политической системы общества в котором институты государства являются системообразующими. В одних странах армия является институтом, который участвует в принятии и реализации политических решений, в других - армия применяется как силовой, но политически нейтральный инструмент государства, что считается признаком демократического государства. Между ними большой список стран, в которых армии в разной степени влияния участвуют в политике, являются опорой политических режимов или находятся под контролем (разной глубины, жесткости и форм) власти, общества [\[11, 12\]](#).

В годы существования СССР политическая система советского общества вовлекала военнослужащих в политическую жизнь, организовывала взаимодействие армии с институтами политической системы. Это взаимодействие организовывалось военно-политическими органами, организациями КПСС и ВЛКСМ как штатных структур частей и подразделений. Научно-идеологическое обеспечение этого политического института фундировалось теорией марксизма-ленинизма, объясняющей политическое положение армии как вооруженной силы трудового народа в классовой борьбе. Правда, в Конституции СССР в главе 1. Политическая система, где перечислены ее основные институты, армия не упоминается [\[6\]](#).

После распада СССР одну из первых попыток осмыслить возникшие между армией и новой властью отношения сделал военный ученый В.М. Родачин, полагая, что от них «зависят характер развития и устойчивость общественно-политического строя». Он определил роль армии как гаранта стабильности политической власти при сохранении характера специфического политического института в условиях деполитизации. Процесс постсоветской деполитизации армии, по мнению В.М. Родачина – это не изоляция армии от политики, просто теперь она не является институтом и самостоятельным субъектом политики [\[16, 13\]](#). В его логике армия - элемент государства и политической системы общества, это политический институт, выполняющий политические функции в жизни страны, обеспечивающие политическую стабильность «неучастием в политической борьбе», «отсутствием партийных симпатий и антипатий» [\[16, 12\]](#).

В СССР деполитизация института армии стартовала 24-29 августа 1991 года с указа президента М. Горбачева, упразднившего военно-политические органы ВС СССР [\[7\]](#), вслед были упразднены армейские организации КПСС и ВЛКСМ, хотя союзное законодательство не предусматривало институциональной, кадровой деполитизации и департизации силовых структур [\[9, 120\]](#). По мнению Е.И. Волгина в эти годы произошла не столько деполитизация, сколько deinституционализация армии СССР и России, ставших «составной частью общей стратегии борьбы за власть» [\[9, 130\]](#). Спустя годы армия России одержала победы в контртеррористических операциях в Северо-Кавказском регионе, в спецоперации по принуждению к миру в Грузии, при выполнении специальных задач на территории Сирии. Эти победы и всенародная поддержка армии в специальной военной операции на Украине вновь институализировали армию как важнейшего политического института, решающего политические задачи военными средствами.

Мощными политическими институтами являются армии Китая и Пакистана. В этих странах армия исторически сложилась как авторитетный национальный институт, обладающий огромным политическим весом и влиянием в государстве и обществе. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) – не только системообразующий институт, обеспечивающий внешнюю безопасность страны, но и эффективный инструмент государственной власти, поддерживающий внутриполитическую стабильность. НОАК,

обладая колоссальным политическим весом и влиянием во властных и партийных структурах, является действенным силовым рычагом регулирования внешнеполитических и внутренних политических процессов. Это престижный социальный институт, своеобразный карьерный трамплин для всех слоев общества. Такой статус обеспечивается безраздельным руководством НОАК со стороны Центрального военного совета ЦК КПК, председатель которого выполняет функции Верховного главнокомандующего всеми вооруженными структурами страны. Хотя, как отмечают эксперты, «происходит определенное разделение на институциональном уровне военной и политической иерархии», а профессионализация военной службы приводит «к частичному освобождению вооружённых сил от излишне плотной партийно-политической опеки» [\[17, 24\]](#).

Со дня возникновения независимого Пакистана его армия значительно влияла на ход внутриполитических событий. Высшие армейские элиты четырежды выходили на политическую авансцену страны и брали власть в свои руки [\[15, 324\]](#). В годы правления военного режима генерала М. Зия уль-Хака (1977–1988 гг.) политическая роль военных в пакистанском обществе существенно возросла, военные открыто управляли страной, на армию возлагалась миссия реформирования пакистанского общества в рамках программы исламизации страны. В период правления генерала П. Мушаррафа (1999–2008 гг.) участие военных в политике было замаскировано определенной «демократической ширмой», при генерале А.П. Кияни была выработана новая модель взаимоотношения военных с гражданской властью – роль политического арбитра, не допускавшая какой-либо неконституционной смены власти [\[10, 162\]](#). Однако и после этого недовольная курсом сближения страны с Россией армейская верхушка оказала мощное политическое давление на Национальную ассамблею, добиваясь отставки премьер-министра Имран Хана. После его отставки начальник штаба Сухопутных войск Пакистана К.Дж. Баджва в ноябре 2022 года заявил «После долгих раздумий армия приняла решение, что никогда не будет вмешиваться в политический процесс» [\[19\]](#). Однако армия как военно-политический институт пакистанского общества, военные элиты представляют собой самую влиятельную институализированную социальную группу, «определенную не только основные принципы в сфере обороны и безопасности, но и приоритеты во внешней политике страны. Генералитет является и ключевым актором во внутриполитическом процессе» [\[14\]](#).

Институт армии Таджикистана формировался с момента объявления независимости в совершенно иных внутриполитических условиях, при отсутствии собственных регулярных воинских формирований, какого-либо самостоятельного опыта военного строительства, специалистов, кроме незначительного числа кадровых офицеров-таджиков Советской Армии. В разгар гражданской войны состоялась XVI сессия Верховного Совета республики (16.11–02.12 1992 года), принявшая исторические решения по укреплению основ государственности.

Уже 18 декабря 1992 года вышел Указ Президиума Верховного Совета «О создании Вооруженных Сил Республики Таджикистан», с которого началось формирование Национальной армии. Ее кадровую основу составили бойцы Народного фронта, коммунисты, беспартийные активисты и другие силы, поддерживающие светское, конституционное правительство. Военное строительство началось с объединения отдельных повстанческих и ополченческих отрядов Народного фронта в регулярные части Национальной армии и сопровождалось ее институционализацией в обществе через победы в тяжелых боях, общественное признание заслуг в сохранении единого,

светского государства и жизней десятков тысяч граждан, повышение боеспособности, обеспеченного передачей военной техники, боевого опыта российскими военнослужащими 201-й Гатчинской дважды Краснознамённой мотострелковой дивизии (с 2004 года – 201-й российской военной базы).

23 февраля 1993 года состоялся первый военный парад, и эта дата официально празднуется как День создания Национальной армии Таджикистана [18]. Законодательное оформление института армии продолжилось с принятием закона 25 июня 1993 года «О Вооруженных Силах Республики Таджикистан» [1, Ст.2]. На начальном этапе гражданской войны 1992-1997 годах армия Таджикистана фактически приобрела признаки субъекта политического процесса: определяла, кому быть в органах центральной власти, принуждала оружием военно-политические структуры Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) к миру, была действенным инструментом управления еще политически разобщенного общества.

С 1997 года после победы Народного фронта и подписания Соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане в штабы армейских соединений и штаты подразделений в соответствии с соглашением поступили на службу несколько тысяч бывших полевых командиров и боевиков отрядов ОТО. Они в своем большинстве оставались идеяными исламистами-антикоммунистами, политическими врагами секулярной власти и левоцентристского правительства. Вот здесь и были задействованы конституционно-правовые механизмы деполитизации армии как силового инструмента государства, а не внутренне конфликтной вооруженной силы, участвующей или влияющей на исход борьбы за власть. Армия была исключена из управления обществом, ее функции сосредоточились на защите страны от военной опасности извне и борьбе с внутренними экстремистами, мятежниками. Так реализовывалась модель взаимодействия армии с политической системой демократического общества.

При изучении законодательства, правовой практики органов власти Таджикистана, обнаруживаются следующие механизмы деполитизации армии и других силовых структур: регламентация Конституцией и законами предназначения, комплектования и способов применения армии в мирное и военное время [3, Ст.7, 11], [4, 8]; реализация принципов безусловного подчинения армии исполнительным, законодательным, судебным органам государственной власти; правовое запрещение деятельности в армии политических партий и движений [3, Ст.7, 17], [1, Ст.12]; жесткий правовой, контрразведывательный, отчасти – парламентский контроль за деятельностью армии [1, Ст.13]; ограничение политических прав и свобод военнослужащих (за исключением избирательных), возможности участвовать в политической деятельности [2, Ст.7, Ст.8.1]; отбор на ключевые должности офицерских кадров лояльных власти, режиму; увольнение с воинской службы, ликвидация мятежных военнослужащих, выступающих с оружием против власти; воинское, морально политическое воспитание личного состава, устраняющее влияние негосударственных структур и партийно-политических сил. Эти меры исключили самостоятельную политическую активность руководства армии, обеспечили монопольное господство государства над армией и внутри нее.

В этих условиях постепенно формировалась военная элита из высших офицеров, обучавшаяся в военных академиях России и ставшая ядром нового армейского института. В последние годы в рамках «многовекторной» внешней политики таджикистанские офицеры и курсанты обучаются в военных академиях Азербайджана, Казахстана, Индии, Китая, Пакистана, Чехии и ряда других западных стран. В

функционировании института армии заметны и кадровые перекосы - почти все высшие командные должности в Минобороны, других силовых структурах замещали представители кланов-авлодов из Хатлонской области.

Дангаринский авлод: Э. Рахмон, президент и главнокомандующий, Х. Шарипов, министр МВД (1996-2006 гг.), Ш. Хайруллоев, министр обороны (1995-2013 гг.), С. Касымов, командир бригады спецназа ВВ МВД (1994-2007 гг.), Х. Абдурахимов, министр безопасности (в 1999-2006 гг.), председатель ГКНТ (2006-2010 гг.). Пархорский и другие авлоды области: Г. Мирзоев, командующий Президентской гвардией (1999-2005 гг.), Г. Авзалов, министр безопасности (1999-2006 гг.), председатель ГКНБ (2006-2010 гг.), С. Ятимов, председатель ГКНБ (2010-н.в.), Р. Рахимзода, министр внутренних дел (2012-н.в.), Ш. Мирзо, министр обороны (2013-н.в.).

Непростые регионально-клановые отношения в Таджикистане и кадровые перекосы не могут не отражаться на эффективности функционирования армейского института, которая оценивается уровнем подготовки и боеспособности войск, вооружения и военно-технического оснащения, морально-психологическим состоянием и дисциплиной личного состава и рядом других показателей эффективности. Ошибки в кадровой политике привели и к ряду вооруженных мятежей. Еще в 1996-1998 годы полковник, командир бригады Минобороны Таджикистана М. Худойбердыев, бывший влиятельный командир Народного фронта, трижды предпринимал попытки мятежей, чтобы свергнуть власть в Душанбе, а в ноябре 1998 года захватил на время Худжанд, объявив властью «Движение за справедливый мир в Таджикистане». В апреле-сентябре 2015 года мятежи возглавили бывшие полевые командиры ОТО. Сначала полковник МВД Таджикистана Г. Халимов, выступив с оружием против правительства, перешел на сторону запрещенной группировки «Исламское государство», стал одним из ее военных руководителей, затем генерал-майор А.М. Назарзода, заместитель министра обороны, поднял мятеж и был убит при его подавлении. После этих событий в кадрах нынешних армии почти не осталось ни бывших боевиков, ни офицеров-участников Народного фронта, имеющих реальный боевой опыт.

Эксперты признают, что уровень боеспособности, состояния боевой техники и вооружения, ее количество и номенклатура не соответствуют нарастающим вызовам и трансграничным угрозам со стороны Исламского эмирата Афганистан (ИЭА). Институт армии, как известно, «слепок» общества. Армия Таджикистана комплектуется по призыву гражданами, различающимися по образованию, мировоззрению, степени лояльности к политическому режиму, власти и отношению к воинской службе. Негативное отношение к службе, которая не считается общественно престижной, низкое политico-моральное состояние личного состава армии вызывают тревогу.

Руководству Минобороны долгие годы не удается поднять уровень дисциплины, навести порядок с материально-техническим, бытовым обеспечением войск. Проблема комплектования армии из-за уклонения призывников не решается многие годы: плохие бытовые условия, распространение неуставных взаимоотношений приводят к массовому уклонению от военной службы, поэтому сотрудники военных комиссариатов используют силовые меры призыва («отлов» призывников), что подрывает авторитет армейской службы [12]. В феврале 2015 года президент Э. Рахмон утвердил новую Концепцию политico-воспитательной работы в вооруженных силах страны. Концепция приводит в систему политическую подготовку, кадровую работу, морально-духовное воспитание личного состава, меры государственной политики по повышению статуса и авторитета армии в обществе [5].

Определенные положительные сдвиги произошли в мобилизационной подготовке. 22 июля 2021 года впервые в истории Таджикистана по приказу Э. Рахмона были подняты по тревоге для проведения войсковых учений «Марз -2021» все военнослужащие, а также граждане, пребывающие в мобилизационном резерве (всего 230 тыс. человек). Учения показали, что при нависшей внешней угрозе обычные таджикистанцы умеют объединиться с армией в едином строю. Это необходимые меры по сплочению армии, власти и общества перед военной опасностью, исходящей от вооруженных группировок Талибана, превосходящих армию Таджикистана по боевому опыту, а также по численности и вооружениям – в десятки раз. Власти, армия и большинство народа по-прежнему связывают гарантии безопасности Таджикистана со сдерживающим боевым потенциалом 201-й военной базы России и Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ [8].

В реалиях Таджикистана сложно отнести армию к политическому институту, то есть к структуре, где принимаются политические решения. Текущий институциональный статус армии не претендует на значимое положение среди системных политических институтов. В отличие от Китая и Пакистана армия Таджикистана не имеет такого политического веса и авторитета в обществе. Армия – не политический институт, а объект политики, он не связан с непосредственной деятельностью партийно-политических сил общества и полностью деполитизирован. Перед армией Таджикистана стоят только военные задачи, ее внутриполитическое участие ограничивается подавлением мятежных выступлений, провокаций экстремистов и локализацией приграничных стычек с Киргизстаном. Эффективность института армии Таджикистана достаточна как инструмент внутренней политики, но не как инструмент современной войны. Его развитие возможно в тесном сотрудничестве с ОДКБ и в рамках двухсторонних военно-технических отношений с Россией. Только тогда армия Таджикистана станет главным фактором и гарантом военной безопасности государства и устойчивости политической власти.

Библиография

1. О Вооруженных Силах Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 25.06. 1993 г. : закон РТ в ред . закона РТ от 26.07.2014 г. № 1099 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан, 1993 г., № 14, ст. 285.;
2. О статусе военнослужащих : закон РТ от 1.03. 2005 г. № 90. : офиц. текст // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2005 г., №3, ст. 130.;
3. Об обороне : закон Республики Таджикистан от 4.11. 1995 г., № 208 : офиц. текст в ред. закона от 08.06.2022. №1875.;
4. Военная доктрина Республики Таджикистан Утверждена Постановлением Маджлиси Намояндагон Мадждиси Оли Республики Таджикистан от 3.10. 2005 г. №103. – 13 с.;
5. Концепция политico-воспитательной работы в Вооруженных Силах Республики Таджикистан. Утверждена Указом президента Республики Таджикистан 20.02. 2015 г. № 369.;
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (в ред. закона СССР от 26.12. 1990 г. № 86-I., прекратила действие). Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/977/red_977/549448/. (дата обращения : 16.01.2023);
7. Об упразднении военно-политических органов в Вооруженных силах СССР, войсках Комитета государственной безопасности СССР, внутренних войсках Министерства внутренних дел СССР : указ президента СССР от 29.08. 1991 г. N УП-2488. [Сайт].

- Режим доступа: <https://base.garant.ru/6334637/>. (дата обращения : 19.01.2023).;
8. Абдулло Р.Г. ОДКБ – гарант безопасности Таджикистана? / ИА Кабар Азия. Режим доступа: <http://cabar.asia. https://cabar.asia/ru/cabar-asia-odkb-garant-bezopasnosti-tadzhikistana>. (дата обращения : 08.02.2023).;
  9. Волгин Е. И. Проблема деполитизации вооруженных сил и правоохранительных органов СССР и РСФСР — РФ в начале 1990-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество), 2018.-№ 2. – С. 113-134.;
  10. Воробьев В. В. Роль армии в современном Пакистане // Вестник МГИМО-Университета, 2014.-№ 3(36). – С. 156-164.;
  11. Зырянов А. В. Вооруженные силы как элемент и фактор государственно-политической системы (международный опыт) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2022.-Т. 8.-№ 3.-С. 5—15.;
  12. Камари А. IWPR Tajikistan: Таджикскую армию продолжают пополнять принудительно/ ИА Кабар Азия. [Сайт]. Режим доступа: <http://cabar.asia/ru/iwpr-tajikistan-tadzhiksuyu-armiyu-prodolzhayut-popolnyat-prinuditelno/> (дата обращения : 08.02.2023).;
  13. Колесниченко К. Ю. Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа : монография / К.Ю. Колесниченко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 144 с.;
  14. Макаревич Г. Г. Генералы уходят, армия остается: политический контекст новых назначений в военном командовании Пакистана // ИМЭМО РАН, 27.11.2022. [Сайт]. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/generals-leave-army-stays-the-political-context-of-new-appointments-in-pakistans-military-command>. (дата обращения : 11.02.2023).;
  15. Москаленко В. Н. Политическая роль пакистанской армии : сборник статей / Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / отв. ред. В. М. Ахмедов.-М. : ИИИиБВ, 2002. – 400 с.;
  16. Родачин В. М. Армия и политическая власть // Военная мысль, 1993,-№ 5.-С. 12-19.;
  17. Роль Народно-Освободительной Армии в общественно-политической системе Китая. Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики // Отв. ред. А. А. Кривопалов – М. : Научный эксперт, 2016. – 112 с.;
  18. Саидзода М. Военная реформа в Вооруженных Силах страны продолжается : интервью министра обороны Таджикистана Ш: Мирзо // НИАТ «Ховар», 23.02.2021. [Сайт]. Режим доступа: [https://tajikistan24.com/sheralli-mirzo-voennaja-reformav-vooruzhennyh-silah-strany-prodolzaetsja-ministr-oborony-tadzhikistana-otvetil-na-voprosy-korrespondenta-niat-hovar/](https://tajikistan24.com/sheralli-mirzo-voennaja-reforma-v-vooruzhennyh-silah-strany-prodolzaetsja-ministr-oborony-tadzhikistana-otvetil-na-voprosy-korrespondenta-niat-hovar/). (дата обращения : 01.02.2023).;
  19. In his last public address, COAS Bajwa slams anti-army narrative, asks political stakeholders to move forward // Dawn, Pakistan daily newspaper, 23. 2022. [Сайт]. Режим доступа: <https://www.dawn.com/news/722654>. (дата обращения : 09.02.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования являются институциональные формы вовлечения/дистанцирования армии от политики на примере институционального статуса

вооружённых сил современного Таджикистана. Автор вполне справедливо указывает на лакуны в исследованиях процессов и форм институционализации (не)участия армии в политике, что, несомненно, теоретическую актуальность рецензируемой работы. Практическая значимость статьи обусловлена множеством наблюдаемых в различных странах фактов использования армий в качестве инструмента политики, а также необходимостью разграничения сфер ответственности политической и оборонной подсистем общества. К сожалению, автор, вполне корректно поставив научную задачу и обосновав актуальность её решения, пренебрёг обязанностью аргументировать собственный теоретико-методологический выбор. Однако из контекста можно понять, что кроме традиционных общенациональных аналитических методов использовались институциональный и исторический методы, а также некоторые элементы системного анализа. При изучении нормативных актов, определяющих институциональный статус вооружённых сил Таджикистана, применялся также контент-анализ. Вполне корректное (несмотря на некоторые погрешности, например: в научной работе выражения «Эксперты признают, что...» принято сопровождать соответствующими ссылками на опубликованные экспертные заключения) использование указанной методологии автору удалось получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, саму тему институциональных форм (не)участия армии в политике Таджикистана следует признать достаточно новаторской. Не меньший интерес представляет общее заключение автора о деполитизированном статусе вооружённых сил Таджикистана, что существенно отличает их от армий Китая и Пакистана. Любопытен также несколько парадоксальный вывод автора о том, что участие армии Таджикистана во внутренней политике «ограничивается подавлением мятежных выступлений, провокаций экстремистов и локализацией приграничных стычек с Киргизстаном». Разве это не является непосредственной вовлечённостью армии в политику? Да, прецедентов участия армии Таджикистана в военных переворотах (каковые мы много раз видели в странах Латинской Америки) мы пока не знаем. Однако это не означает полностью деполитизированного статуса армии. Тем не менее, несмотря на некоторые разногласия с автором, рецензент полагает необходимым обсуждение в научном сообществе полученных в рецензируемой работе результатов, для чего статью необходимо опубликовать. В структурном плане статья не вызывает особых нареканий: несмотря на отсутствие рубрикации, логика текста последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Стилистически статью также можно квалифицировать в качестве научной работы. В тексте иногда встречаются довольно редкие стилистические (например, четырёхкратное повторение слова «является» в трёх предложениях четвёртого абзаца текста; собственно, и само название статьи «К вопросу о...» сегодня не считается стилистически удачным) и грамматические (например, несогласованное предложение «...В теории армия вместе с государством относятся к институциональной подсистеме политической системы, при определённых условиях может...»; или пропущенная запятая перед придаточным предложением «...Армия... является ... институтом политической системы общества в котором институты государства являются системообразующими...»; и др.) погрешности, однако в целом он написан достаточно грамотно, хорошим научным языком, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 19 наименований и в достаточной мере презентирует состояние исследований по проблематике статьи, хотя и могла бы быть существенно усиlena за счёт большего использования источников на иностранных языках. На будущее автору можно порекомендовать в качестве кейсов для сравнения с Таджикистаном взять некоторые страны Латинской Америки (например, Бразилию, Аргентину, Чили и Уругвай). Это позволит получить новые результаты. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении основных трактовок институционального

статуса вооружённых сил в разных странах.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного строительства, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Эльзени Н.Х. — Социально-политические факторы военного конфликта в Сирийской Арабской Республике // Мировая политика. – 2023. – № 2. – С. 11 - 19. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.39996 EDN: LDGJRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39996

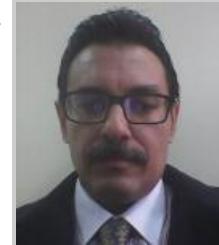
Социально-политические факторы военного конфликта в Сирийской Арабской Республике

Эльзени Недал Хафез Закария Хафез

кандидат политических наук

аспирант, Институт международных отношений и мировой истории, Университет Лобачевского
603022, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 37

✉ nedalzakariya@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные конфликты"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.2.39996

EDN:

LDGJRW

Дата направления статьи в редакцию:

17-03-2023

Дата публикации:

04-04-2023

Аннотация: В статье «Социально-политические факторы военного конфликта в Сирийской Арабской Республике» рассматриваются основные факторы, оказывающие влияние на конфликт в Сирии. Исследование базируется на анализе статистических данных и результатов опроса, проведенного в Сирии. Статья показывает, что военный конфликт в Сирии обусловлен политической нестабильностью, экономическими проблемами и разногласиями между различными политическими группами. Кроме того, этические и религиозные разногласия и влияние внешних сил на ситуацию в стране являются также важными факторами конфликта. Выводы исследования подчеркивают необходимость продолжения работ по урегулированию конфликта в Сирии путем политического диалога и мирных переговоров между сторонами, а также создания условий для политической стабильности, справедливости и экономического благополучия для всех слоев населения. Военный конфликт в Сирийской Арабской Республике имеет множество причин и факторов, которые взаимодействуют между собой и усиливают ситуацию в стране. Политическая нестабильность и разногласия между

различными политическими группами, наличие экономических проблем и несправедливости, этические и религиозные разногласия и влияние внешних сил на ситуацию в стране - все эти факторы способствуют усугублению конфликта. Однако, несмотря на сложность ситуации в Сирии, существуют шансы на урегулирование конфликта путем политического диалога и мирных переговоров между сторонами. Для этого необходимо устраниć корни конфликта, обеспечить политическую стабильность, справедливость и экономическое благополучие для всех слоев населения. Таким образом, важно продолжать исследования социально-политических факторов военного конфликта в Сирии и работать над созданием условий для мирного разрешения конфликта, что позволит обеспечить безопасность и благополучие жителям этой страны.

Ключевые слова:

Сирия, военный конфликт, социально-политические факторы, международная политика, гражданская война, экономический кризис, религиозные разногласия, беженцы, терроризм, реконструкция и стабилизация

Методология исследования:

- теоретические (анализ, синтез, обобщение, построение гипотез);
- эмпирические (наблюдение, тестирование);
- экспериментальные (констатирующий и формирующий эксперименты).

Цель: анализ основных факторов, влияющих на военный конфликт в Сирии, и выявлении связей между ними.

Задачи:

- 1 . Анализ существующих научных исследований, касающихся военного конфликта в Сирии.
- 2 . Выявление основных социально-политических факторов, влияющих на конфликт, и анализ их взаимодействия.
- 3 . Оценка международной роли в конфликте, включая роль различных государств и международных организаций.
- 4 . Анализ воздействия экономического кризиса на развитие конфликта и его решение.

Основной текст.

Военный конфликт в Сирийской Арабской Республике продолжается уже восьмой год, и его причины и последствия до сих пор вызывают споры и дискуссии в международном сообществе. В этой статье мы рассмотрим социально-политические факторы, которые способствовали возникновению и продолжению этого конфликта.

Одним из главных факторов является политическая нестабильность в Сирии.

В ходе исследования этой темы было выявлено множество факторов, включая экономические, политические, социальные, религиозные и этнические, которые привели к конфликту и продолжают его поддерживать.

По мнению Dorseу: «Процесс дестабилизации начался в Сирии еще до восстания в 2011 году, поскольку режим Башара Асада сосредотачивал власть и богатство в руках узкой элиты, в основном из альавитского сообщества, в ущерб остальным этническим и религиозным группам» [\[7\]](#).

Сирийская Арабская Республика долгое время была авторитарным государством, где одна партия контролировала все аспекты жизни страны. Однако, начиная с 2011 года, в стране началась серия массовых протестов, которые требовали реформ и свободы. Эти протесты были жестоко подавлены правительством, что привело к более широкому восстанию и кровавому конфликту.

Другим важным фактором является религиозный аспект конфликта. Сирия – это многонациональное и многоконфессиональное государство, где проживают сунниты, шииты, алавиты, христиане и друзы. В конфликте участвуют различные религиозные группы, которые борются за власть и контроль над ресурсами. Некоторые группы, например, ИГИЛ, привлекают своих сторонников, обещая им установление исламского государства [\[2\]](#).

Еще одним фактором является экономическая ситуация в стране. Сирия – это страна с ограниченными ресурсами, которые зависят от нефти и газа. Конфликт привел к значительному ухудшению экономической ситуации в стране, сократив производство и торговлю и существенно ухудшив жизненный уровень многих граждан. Экономические проблемы стали одной из главных причин, по которой люди присоединяются к различным вооруженным группам [\[9\]](#).

Еще одним важным фактором является геополитическое положение Сирии. Сирия – это стратегически важная страна, расположенная на пересечении ключевых маршрутов транспортировки нефти и газа, а также на границе с Израилем, Турцией, Ираком и Ливаном. В этом контексте военный конфликт в Сирии стал одним из ключевых элементов глобальной геополитической игры. Военные действия в Сирии привлекли к себе внимание многих государств и международных организаций, которые вступили в конфликт как стороны или же поддерживают различные вооруженные группировки.

Существует несколько группировок, участвующих в конфликте в Сирии, каждая из которых имеет свои интересы и цели. Сирийская армия, которая поддерживает правительство, борется против оппозиционных вооруженных групп, которые стремятся свергнуть Башара Асада. Кроме того, в Сирии действуют различные террористические организации, такие как ИГИЛ и Ан-Нусра, которые используют насилие и терроризм в своих целях [\[11\]](#).

Из исследования социально-политических факторов военного конфликта в Сирийской Арабской Республике, было выявлено множество взаимосвязей между различными факторами, влияющими на развитие этого конфликта.

Социальные факторы, такие как экономическая нестабильность, высокий уровень безработицы, социальная и этническая дискриминация, являются важными причинами социальной напряженности в стране, которая дала толчок для начала конфликта. Кроме того, религиозные разногласия, наличие этнических меньшинств и культурных различий также способствовали эскалации конфликта.

Политические факторы, такие как наличие авторитарного режима и его жестокие методы управления, коррупция и низкий уровень прав человека, также вносят свой вклад в

конфликт. Кроме того, geopolитические интересы международных игроков, в том числе России, США и Ирана, также оказывают влияние на конфликт.

По словам R. Hinnebusc: «Другой фактор, способствующий конфликту, был связан с глобальными изменениями в регионе Ближнего Востока, включая распад Советского Союза, Иракскую войну и Арабскую весну» [\[4\]](#).

«Арабская весна» – это цепь массовых протестов, которые начались в конце 2010 года в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки. В основном, протесты были вызваны общественным недовольством экономической и политической ситуацией в регионе. Существует множество факторов, которые привели к возникновению «Арабской весны».

Один из ключевых факторов, который привел к «Арабской весне», - это высокий уровень безработицы и экономической нестабильности в регионе. Как отмечает эксперт по Ближнему Востоку Фуад Ажман, «Многие молодые люди не могут найти работу, а те, кто работает, зарабатывают крайне мало, что приводит к общественному недовольству и непрерывным протестам».

Другой важный фактор - это политическая репрессия и отсутствие свободы слова в регионе. Люди не могут свободно выражать свои мнения и высказываться против правительства, что вызывает недовольство и протесты. Как пишет автор и исламский историк Тарик Рамадан: «Политическая система в регионе отличается отсутствием демократии, коррупцией и авторитаризмом, что приводит к общественному недовольству и беспорядкам» [\[10\]](#).

Политическая система также основывается, по личному мнению, на деятельности политиков, которые играют ключевую роль в военном конфликте в Сирии. Ниже представлены некоторые примеры их влияния:

Президент Башар аль-Асад: он является главным политическим лидером в Сирии и возглавляет правительство страны. Аль-Асад был критикован за жестокое подавление мирных протестов в начале конфликта, и его режим был обвинен в совершении многочисленных нарушений прав человека и военных преступлений.

Российский президент Владимир Путин: Россия является одним из главных союзников правительства Сирии и активно поддерживает его в военном конфликте. Путин неоднократно выражал поддержку правительенным войскам и подписал несколько соглашений о военном сотрудничестве с Сирией [\[13\]](#).

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган: Турция является одним из главных оппонентов правительства Сирии и поддерживает оппозиционных боевиков. Эрдоган выступал за создание безлетной зоны над северной Сирией, которая могла бы служить убежищем для беженцев и базой для оппозиционных сил.

Президент США Джо Байден: США также являются оппонентами правительства Сирии и поддерживают оппозиционных боевиков. Байден обещал продолжать политику своего предшественника, Барака Обамы, по поддержке оппозиции и оказанию гуманитарной помощи сирийским беженцам.

Лидер ИГИЛ Абу Bakr al-Baghdadi: ИГИЛ была одной из основных сил во время конфликта в Сирии и захватила большую часть территории страны. Аль-Багдади был лидером организации до своей гибели в 2019 году. Он был обвинен в многочисленных

преступлениях против человечности, включая убийства и пытки [\[16\]](#).

Политические деятели, как внутри страны, так и за ее пределами, играют ключевую роль в развитии военного конфликта в Сирии. Они определяют стратегию и тактику военных операций, а также влияют на настроения и мнения населения.

Внутри Сирии важную роль играет президент Башар Асад и его окружение. Они определяют политику страны в отношении конфликта и принимают решения о военных действиях. Кроме того, они имеют значительное влияние на восприятие конфликта населением и формируют общественное мнение.

Также следует учитывать роль социальных медиа и Интернета в возникновении «Арабской весны». Социальные медиа дали возможность людям свободно общаться и обмениваться информацией, что усилило их мобилизационную способность и способствовало возникновению массовых протестов. Как отмечает американский социолог Мануэль Кастильо: «Социальные медиа стали средством массовой коммуникации, которое позволяет людям общаться и мобилизоваться, не выходя из дома, что усиливает их гражданскую активность» [\[12\]](#).

Также было выявлено, что различные факторы не являются причинами конфликта в изоляции друг от друга. Например, социальная напряженность может быть усиlena коррупцией и низким уровнем прав человека, что может привести к более серьезному конфликту. Также международные игроки могут использовать религиозные разногласия в стране для продвижения своих интересов и усиления своей власти в регионе.

Международные игроки, такие как США, Россия, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Китай и другие, играют важную роль в военном конфликте в Сирии. Каждая из этих стран имеет свои интересы и стратегии в регионе, которые могут как способствовать, так и препятствовать урегулированию конфликта [\[18\]](#).

Например, Россия и Иран поддерживают правительственные войска президента Асада и помогают им в борьбе против оппозиционных сил, в то время как США и их союзники предоставляют поддержку оппозиции. Турция проводит операции на севере Сирии, направленные против курдских боевиков, которых она считает террористами.

Внутренними игроками в военном конфликте в Сирии являются различные группы и силы, действующие на территории страны. Среди них можно выделить:

1. Правительственные войска и силы безопасности: армия, полиция, различные военные формирования и т.д.
2. Оппозиционные силы: вооруженные группировки, боевики, мятежники и т.д.
3. Курдские силы: Курдская национальная армия (SDF), Партия курдских демократов (PYD) и т.д.
4. Религиозные группировки: Хезболлах, аль-Каида, ИГИЛ (запрещена в России) и т.д.
- 5 . Международные террористические организации: аль-Каида, ИГИЛ (запрещена в России) и т.д.
6. Государства-участники конфликта: Россия, Иран, Турция, США, Саудовская Аравия и т.д.
- 7 . Гражданское население: жители, попавшие в зону военных действий, беженцы и

вынужденные переселенцы [\[3\]](#).

Внутренние игроки играют важную роль в военном конфликте в Сирии, так как они обладают значительной властью на территории страны и могут повлиять на ситуацию в различных регионах. Кроме того, внутренние игроки часто имеют сильную локальную базу поддержки и могут мобилизовать своих сторонников на действия во время конфликта.

В ходе исследования применена методология дескриптивной статистики, в частности, проанализировано распределение числа смертей в результате военных действий в Сирии по годам за период с 2011 по 2021 годы [\[1\]](#).

Table 1: Distribution of deaths due to hostilities in Syria by year from 2011 to 2021.

Год	Число смертей
2011	2 900
2012	17 500
2013	73 000
2014	76 000
2015	55 000
2016	50 000
2017	35 000
2018	19 000
2019	9 000
2020	5 000
2021	2 500

В результате проведенного анализа, можно резюмировать о том, что из представленной дескриптивной статистики с 2011 года в Сирии происходят военные действия, которые привели к значительному числу смертей. Максимальный пик числа смертей был достигнут в 2014 году, а с тех пор количество смертей постепенно снижается, хотя остается на высоком уровне. Эти данные свидетельствуют о продолжающейся напряженной ситуации в Сирии и необходимости дальнейших усилий для прекращения конфликта и восстановления мира в этой стране [\[5\]](#).

Представленная дескриптивная статистика связана с социально-политическими факторами, которые способствовали развитию военного конфликта в Сирии. Одним из таких факторов, может быть, отсутствие политической стабильности и конфликты между различными политическими группами в стране. Это могло привести к использованию насилия и вооруженных действий для решения политических разногласий, что могло способствовать увеличению числа жертв.

Другим фактором может быть наличие внешних игроков в конфликте, которые могли поставлять вооружения и поддерживать определенные стороны в конфликте. Это могло усилить насилие и увеличить число смертей в результате военных действий.

Также важным фактором могут быть социально-экономические проблемы, такие как высокая безработица и неравномерное распределение богатства в стране, что могло привести к социальной напряженности и неудовлетворенности, способствующим росту конфликта.

В целом, представленная дескриптивная статистика свидетельствует о сложности и

многогранности социально-политических факторов, которые могут влиять на развитие военных конфликтов в Сирии и в других странах.

Библиография

1. Абубакаров А.А. Военный конфликт в Сирии: причины, последствия и перспективы разрешения // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2021.-467-475 с.
2. Попов Д.А. Конфликт в Сирии: политические и социальные факторы // Мировая экономика и международные отношения. 2019.-33-42 с.
3. Хильберг М.А. Исторический опыт современной Сирии: социокультурный фон и глобальный контекст // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2018.-200-216 с.
4. Hinnebusch, R., & Al-Nakhal, A. Syria: Revolution from Above. Journal of International Affairs, 2019. – p. 49-64.
5. Hoffman, D. The Syrian Conflict: A Clash of Interests, Strategies, and Proxy Wars. Journal of Strategic Studies, 2018. – p. 369-401.
6. Pierret, T. Religion and Revolution in Syria: The Sunni Ulama's Role. Studies in Conflict & Terrorism, 2019. – p. 289-305.
7. Saad-Filho, A., & Morais, L. The Political Economy of the Syrian Conflict. Third World Quarterly, 2019. – p. 1059-1078.
8. Sayigh, Y. The Syrian Military and the State: Between Repression and Consent. Middle East Journal, 2020. – p. 196-214.
9. Siegel, T. What Remains? The Political Economy of Syria's Reconstruction. Middle East Report, 2018. – p. 22-31.
10. Tarabishi, B. Why the Syrian Regime Endures: A Political Economy Analysis. Journal of Conflict Transformation & Security, 2020. – p. 50-69.
11. Teitelbaum, J. Power, Sect, and State in Syria: The Politics of Marriage and Identity among the Druze. International Journal of Middle East Studies, 2018. – p. 1-18.
12. Walt, S. M. The Syrian Conflict and the Principle of Non-Intervention. International Relations, 2018. – p. 26-45.
13. Yacoubian, M. The Future of Syria: Intractable Conflict or Path to Peace?. The Washington Quarterly, 2018. – p. 59-74.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию причин, приведших к началу гражданской войны в Сирии (2012 г.) и повлекших существенное обострение региональной ситуации на Ближнем Востоке, а также многочисленные гуманитарные проблемы. Поскольку гражданский конфликт в Сирии по-прежнему далек от завершения (хотя военная фаза в целом завершена), актуальность данной темы не вызывает сомнений.

Заметно хуже дело обстоит с методологией данного исследования. В самом начале автор перечисляет (именно "перечисляет", а не обосновывает) использованные им методы, среди которых мы обнаруживаем "теоретический", "эмпирический" и "экспериментальный". Больше всего вопросов вызывает последний метод, поскольку остается совершенно неясным - какие эксперименты (и каким образом) автор провел в

ходе своего исследования? Впрочем, автор также не формулирует никакой гипотезы, не делает обобщений и не предоставляет результаты своих наблюдений. Это заставляет сомневаться в том, что "теоретический" и "эмпирический" методы действительно были использованы в данной работе. Скорее, приходится констатировать что методология в привычном понимании здесь отсутствует.

То же самое можно сказать и о научной новизне - автор не объясняет, что нового в существующие знания привносит его исследование. Что в общем-то неудивительно, поскольку автор не ссылается на научные работы других исследователей - в библиографическом списке присутствует только одна (!) ссылка на академический труд (об "Арабской весне"). Все остальное - это официальные источники и доклады.

Стиль статьи также далек от идеала. Например, абзац, начинающийся словами "*While not denying the importance of confessional differences in Syria...*" повторяется дважды, что свидетельствует о том, что автор не вычитал текст, прежде чем отправить его на рассмотрение. При этом для центральной части своего исследования автор не придумал лучшего названия, чем "*основное содержание текста*", которое не разделено на какие бы то ни было смысловые или логические части. Выводам посвящено всего несколько строк и они практически не отражают того, о чем идет речь в основной части. О конкретных причинах войны в Сирии не сказано почти ничего.

При этом авторская аргументация и содержание выводов вызывают большие сомнения. Так, автор утверждает, что началу войны в Сирии способствовало этно-религиозное разнообразие сирийского общества. Желая подкрепить этот тезис, автор пишет о том, что составляющие религиозное меньшинство алавиты контролируют политическую систему Сирии, в то время как суннитское большинство отстранено от решения наиболее важных вопросов. Однако, это сложно назвать следствием этно-религиозного разнообразия общества. Скорее, это проблема политического представительства, сложившаяся в стране в годы правления Хафеза и Башара Асадов. Далее, автор утверждает, что одной из причин войны в Сирии стала неподготовленность Б. Асада к управлению страной. При этом автор ссылается на то, что Б. Асад по специальности офтальмолог и "взошел на трон" (так в тексте) по воле своего отца. Тем не менее, Б. Асаду как-то удавалось управлять страной на протяжении более чем 10 лет, в весьма непростых внешних и внутренних условиях. Это обстоятельство заставляет сомневаться в тезисе автора. Еще одной (внешней) причиной войны в Сирии автор называет США, которые вслед за вторжением в Ирак в 2003 году стремились осуществить аналогичную интервенцию в Сирию. К сожалению, автор не подкрепляет это утверждения реальными фактами. В этом отношении, стоит отметить, что автор нередко дает сведения без необходимых ссылок на источники. Например, характеризуя этно-религиозную структуру сирийского общества, автор не указывает источник данных. Кроме того, ссылаясь на выступление посла России в Сирии, автор также не обозначает первоисточник. Принимая во внимание, что библиографический список включает всего лишь 10 наименований, это недостаток представляется особенно серьезным. С учетом сказанного, считаю что данную рукопись сложно назвать научным трудом и поэтому она вряд ли представляет интерес для аудитории Журнала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данное исследование посвящено анализу ведущих причин и факторов, повлиявших на затянувшийся военный конфликт в Сирийской Арабской Республике. Автор

предпринимает попытку описания основных точек бифуркации, приведших к острой фазе противостояние различных религиозных и политических группировок как внутри страны, так и за ее пределами. Наиболее значимым фактором обострения с точки зрения автора выступают религиозное разнообразие и события так называемой «Арабской Весны». Статья написана, разумеется, на весьма актуальную тематику, поскольку международные конфликты на Ближнем Востоке не затихают, и в них по-прежнему вовлечены различные мировые игроки. Россия также играет значимую роль в поддержке сирийского правительства и противостоянии различным деструктивным силам в регионе (однако, этот аспект в данной статье автором по непонятным причинам не проанализирован).

Прежде всего, обращает на себя внимание несколько некорректный заголовок статьи, который не позволяет свидетельствовать как об основном исследовательском вопросе публикации, так и о ключевых акцентах предпринятого исследования.

Рекомендую автору продублировать название и на английском и сформулировать его в зависимости от основной исследовательской установки. Например, в качестве рабочего варианта, исходя из логики изложения материала может быть предложен следующий заголовок:

"Социально-политические факторы военного конфликта в Сирийской Арабской Республике". Далее, в структурном плане статья вполне совершенна, поскольку содержит формальное разделение на введение, основную часть и заключение. Желательно артикулировать методологическую часть, описать ключевые исследовательские компоненты: цель, задачи и методы исследования.

Что касается списка литературы, то он в принципе не переведен на английский язык.

С точки зрения научного языка и стиля статья написана на хорошем научном языке, автор владеет ключевыми концептами в области социально-политического анализа, поэтому публикация имеет определенный потенциал.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Сосницкая В.Д. — Трансатлантические отношения в сфере безопасности: проблемы релевантности НАТО // Мировая политика. – 2023. – № 2. – С. 20 - 31. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.40029 EDN: MSWXFF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40029

Трансатлантические отношения в сфере безопасности: проблемы релевантности НАТО

Сосница Виктория Дмитриевна

студент, кафедра мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76Б

✉ 17.vs@mail.ru

[Статья из рубрики "Мировая политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.2.40029

EDN:

MSWXFF

Дата направления статьи в редакцию:

22-03-2023

Дата публикации:

11-04-2023

Аннотация: В данной статье внимание уделяется кризису трансатлантических отношений, которые серьезно влияют на формирование европейской архитектуры безопасности. Автор рассматривает систему взаимодействия европейских стран в исторической перспективе с целью поиска предпосылок сложившихся связей внутри Альянса. Анализ трансформации НАТО после Холодной войны также позволяет выявить взаимосвязь между целями объединения и реализацией в основном своих интересов под прикрытием всеобщей безопасности, что довольно явно прослеживается в отношениях США и НАТО. Высокая неопределенность Альянса в распределении приоритетов, различие в позициях по поводу регионального фокуса объединения и зачастую невозможность консолидации в вопросах мобилизации имеющихся ресурсов уже много лет разъедают единство союза, что делает его довольно спорным инструментом глобального управления по поддержанию мирного сосуществования государств. Основным выводом проведенного исследования является заключение о том, что главный вызов, с которым не справляется НАТО - внутренней кризис,

обусловленный несогласованностью действий стран-участниц, преобладанием американского доминирования в принятии любого решения объединения, нездоровой зависимостью экономик европейских стран от США. Выступая поставщиком международной безопасности, в действительности же объединение скорее является инструментом реализации национальных интересов отдельных государств-участников военно-политического блока. Несмотря, на то, что вопрос о релевантности НАТО поднимался за всю историю его существования не один раз, Альянс продолжает тяготеть к расширению. Однако, это едва ли спасет его от внутренних противоречий, которые с каждым новым вызовом извне обнажаются все отчетливей и вызывают все больше обеспокоенности у созависимых членов Альянса.

Ключевые слова:

НАТО, мировая политика, международная безопасность, вызовы НАТО, Европа, Холодная война, расширение НАТО, США, коллективная безопасность, внешняя политика

С середины прошлого столетия проблема обеспечения европейской безопасности стала неразрывно связана с существованием Североатлантического альянса. Военно-политический блок НАТО, созданный 9 апреля 1949 года десятью европейскими государствами, Канадой и США, обозначал своей целью отражение всех угроз, которым могут подвергнуться члены Альянса извне.^[1] На протяжении своего существования НАТО не раз сталкивался с новыми вызовами, к которым приходилось адаптироваться заново, принимая новые концепции стратегии блока и формируя новые цели. Но так или иначе Альянс всегда придерживался своего основного принципа коллективной обороны, закрепленном в Статье № 5 Вашингтонского договора, обязывающий всех подписавших договор защищать друг друга в случае, если национальная безопасность хоть одного из них окажется под угрозой. НАТО связывает два континента, являясь альянсом государств от Европы до Северной Америки и обеспечивает тем самым возможность их прямого сотрудничества и консультаций в вопросах безопасности.

Последняя Стратегическая концепция, где отражены обновленные ценности и цели Альянса была разработана в 2022 году во время саммита в Мадриде.^[2] Новые цели сформулированы с учетом нынешней политической обстановки и основаны на тех же трех базовых принципах, что и Концепция 2010 года, которые за все это время не потеряли свою актуальность: коллективная оборона, обеспечение безопасности на основе сотрудничества и кризисное регулирование. Также за основу взяты и договоренности, достигнутые на Брюссельском саммите 2021 года и рекомендации по повестке дня 2030. ^[3]

Тем не менее, несмотря на регулярное обновление повестки, Альянс не смог избежать вызовов изнутри, связанных со взаимоотношениями США и Европы. В разные периоды истории американская администрация и лидеры европейских стран видели в существовании НАТО разные цели, что неизбежно приводило к кризисам и внутренней дестабилизации объединения. Автор данной статьи ставит перед собой цель выявить кризисы НАТО, с которыми Альянс в итоге не справился или не справляется на данный момент, что могло бы послужить весомым аргументом в поддержку тезиса о снижении релевантности НАТО как объединения, действительно выполняющего свою первичную функцию – обеспечение безопасности в трансатлантическом регионе и, в основном, в

Европе.

Система европейской безопасности

Основы современной системы Европейской безопасности были заложены окончившим сложный период Тридцатилетней войны Вестфальским миром, заключенным в 1648 году. Он отражал такие базовые положения как взаимное соблюдение суверенитета, признание странами друг друга и невмешательство во внутренние дела. Однако это вызывало противоречия между защитой собственных национальных интересов, обеспечением безопасности стран и соблюдением этих положений. Следующая попытка геополитического переустройства пришлась на период окончания Наполеоновских войн. Венский конгресс 1815 года не принес желанного мира на европейский континент, а на фоне решений конгресса между государствами-победителями возникли новые противоречия, которые и переформировали политический облик Европы. Особенно этим процессам способствовало объединение Италии и Германии в единые государства и бельгийская революция. Окончание Первой мировой войны закрепил Версальский мирный и еще ряд договоров, которые создали новый геополитический порядок. Базой для него все еще оставалась вестфальская система международных отношений, которая хоть и служила стабилизатором закрепленных взаимоотношений между победителями и побежденными, но при этом уже не раз успела доказать неэффективность существующих институтов. Во-первых, поиску новых путей решения вопроса безопасности европейского пространства послужило прочное установление демократических ценностей. Европейское общество больше не могло координироваться только волей политической элиты, в послевоенный период особенно обострился спрос на демократизацию международной политической системы. Во-вторых, массовое осознание катастрофических последствий Первой мировой войны всколыхнуло общество и подтолкнуло к созданию более надежного института по обеспечению всеобщей безопасности. [4]

Так, учитывая предложение Великобритании о создании международной организации, выдвинутое еще в 1915 году, во имя сохранения мира и обеспечения безопасности, 10 января 1920 года Версальским договором было закреплено создание первой всемирной организации – Лиги Наций. Членами Лиги были больше 50 государств, поэтому можно говорить о том, что эта система обеспечивала глобальную безопасность и ответственность за ее поддержание. Несмотря на то, что сама идея создания Лиги Наций принадлежала американскому президенту Вудро Вильсону, в итоге США не ратифицировали Версальский мирный договор, одним из положений которого и была реализация Лиги. После Первой мировой войны европейская система безопасности подверглась сильному влиянию США, поэтому отказ американской администрации от участия в организации сильно пошатнул, сложившийся порядок. В основном отказ Америки связан с тем, что проект договора, предложенный Вудро Вильсоном, не носил взаимовыгодный характер и скорее отображал желание США играть главенствующую роль и распространить свое влияние глубже в европейский регион и экономически привязать Европу. Кроме того, в планах Америки было включение Германии в состав организации, чего европейские государства, перед жителями которых еще вполне ясно стояла картина недавней войны, принять никак не могли. Как ни странно, против этого проекта выступала и американская общественность, которая полагала, что новый договор может стать фактором, ограничивающим свободу и независимость США. Так, игнорируя усилия президента, Сенат Версальский договор не ратифицировал. [5]

Лига Наций просуществовала недолго, пережив Вторую мировую войну, она сменилась

Организацией Объединенных Наций (далее – ООН), куда уже изначально вошло 50 стран плюс Польша, которая не смогла прибыть на конференцию в Сан-Франциско в 1945 году. Сейчас же в организации насчитывается 193 страны-участницы. Однако из-за образовавшейся после Второй Мировой Войны bipolarной системы международных отношений, такая глобальная и универсальная организация оказалась не способна проблему обеспечения европейской безопасности. Теперь, после того как мир разделился на два идеологически и политически разных лагеря, наибольшую опасность для Европы стал представлять именно Советский Союз, вышедший победителем из Второй Мировой войны. Таким образом, в ответ на создание Организации варшавского договора, образование Коминтерна и активную идеологическую экспансию СССР по всему миру, в 1946 году страны Европы и Северной Атлантики пришли к необходимости создания альтернативной организации, которая могла бы защитить наиболее географически уязвимые страны Европы.^[6] Через 2 года американским государственным секретарем Джорджем К. Маршалом уже был предложен и начал реализовываться План Маршала, окончательно привязавший экономики европейских государств к США. Пострадавшие от последствий Второй мировой войны государства охотно приняли помочь по восстановлению их экономик, которая, по сути, представляла собой обязательство применения получателем программ перезапуска политических и экономических процессов под непосредственным контролем инвестора. К тому же, кредитные деньги европейские страны могли тратить только на товары из США. Гарантией выполнения обязательств при этом стали золотые резервы стран, которые американская администрация физически вывезла на свою территорию. Впоследствии только Франция под руководством Де Голля сумела выкупить собственный резерв назад, лишая Штаты очередного рычага давления. Тем не менее остальные 16 стран сохранили эту зависимость и в таком формате продолжают сотрудничество с США уже в рамках НАТО.^[4]

НАТО и его трансформация после холодной войны

Североатлантический альянс – единственный военно-политический блок, который существует такое продолжительное время. Уже практически век, с 1946 по настоящее время, НАТО продолжает адаптироваться к современным вызовам и развиваться, расширяя географические границы и распространяя свое влияние. Другие когда-либо существовавшие союзные блоки, например Антанта, создавались только на время, пока их членам угрожала опасность. В отличие от них члены НАТО имели договор, целью которого было не противостояние какой-то конкретной угрозе, а коллективное обеспечение безопасности каждому члену блока. Наличие договора и обновляющихся стратегических концепций позволяли НАТО проходить не одну трансформацию, сохраняя при этом целостность союза.^[7] Конечно, за это время возникало немало противоречий между странами-участницами, начиная с условий создания блока. Как и при обсуждении основания Лиги Наций, против существования Североатлантического союза выступало все американское общество, опасаясь, что такая политика наложит на страну дополнительные ограничения, к тому же гражданам сложно было объяснить целесообразность финансирования безопасности других континентов. Тогда страны сформировали концепцию, по которой членами организации считались только непосредственно страны Европы и Атлантики, и действие договора распространялось исключительно на географическую территорию этих государств, не учитывая колонии. Конечно, Польша, Португалия, Франция, Бельгия, Англия беспокоились о судьбе своих колоний, но гораздо больше их волновала экспансия СССР на Запад, поэтому они согласились на условия, выдвигаемые США, для которых в свою очередь основной

целью являлось противодействие коммунистическому влиянию и распространение собственного. Годы существования на протяжении Холодной Войны считались довольно эффективными для Альянса. Противостояние биполярной системы оправдывало их кооперацию, НАТО имело постоянную цель, Европе экономически было удобно подчиняться США. К тому же, в случае развертывания полномасштабного конфликта с СССР, основным театром боевых действий была бы территория Европейского континента, куда США обязывались перебросить свои военные силы в течение пяти дней. [\[8\]](#)

После окончания Холодной Войны, в отсутствие конкретного противника Альянс настиг экзистенциальный кризис, который нужно было преодолеть, ведь НАТО был не просто блоком, а международной организацией, участие в которой в условиях нестабильной анархичности системы международных отношений обеспечивает государствам безопасную среду для дальнейшей кооперации и развития. Более того, страны Европы привыкли к такому виду сотрудничества и уже не помнят, как мирно существовать без НАТО, так что союз они рассматривали как безальтернативный вариант гарантии безопасности в новой формирующейся системе. Тем более что вкладываться в союз гораздо выгоднее, чем тратить бюджет на собственную оборону. [\[9\]](#) Одним из катализаторов трансформации НАТО стал югославский кризис, в решении которого европейские государства не преуспели, продемонстрировав узость подхода, не учитывавшего национальных особенностей проблемы. В этот переломный период многие эксперты высказывались не в пользу дальнейшего развития трансатлантического союзничества. Например, один из представителей администрации Дж. Буша Роберт Зеллик признавал, что несмотря на то, что американцы и европейцы зачастую сталкиваются с одинаковыми вызовами, их интересы не всегда имеют общий вектор. [\[10\]](#) Альянсу необходима была новая масштабная цель, которую американская администрация увидела в распространении демократии и либеральных ценностей в глобальном масштабе. Однако две стратегических концепций 1990-х, отражающие эти новые ориентиры НАТО, оказались практически бесполезными, так как прогремевшие 11 сентября 2001 года теракты полностью изменили восприятие вопроса безопасности Альянсом. Теперь под ударом оказалась не Европа, а США. И в этот раз удар был настолько ощутимым, что заставил прибегнуть к первой и пока единственной реализации Статьи №5 Вашингтонского договора. [\[11\]](#)

На фоне этих событий набирал обороты и процесс глобализации, который определил дальнейшее функционирование системы обеспечения международной безопасности. Теперь любой региональный конфликт оказывал влияние на глобальную безопасность, соответственно и региональную безопасность стало невозможно поддерживать, не контролируя ситуацию на международной арене в целом. Таким образом, стратегия НАТО переориентировалась на выход за границы евроатлантического региона. То есть теперь Альянс условно брал на себя ответственность по переформированию режимов других стран с целью борьбы с международным терроризмом, а также по противодействию таким новым вызовам как распространение оружия массового уничтожения, гибридные войны, и позже кибер-атаки.

НАТО и современные вызовы

Еще в конце 1990-х США начали говорить об инфантилизме Европы и ее излишней прежде всего финансовой зависимости от своих коллег за океаном. [\[12\]](#) С уходом с мировой арены главного противника Запада – Советского Союза американское общество стало задавать правительству логичные вопросы о том, почему США все еще вынуждены обеспечивать безопасность всего европейского региона, сохраняя свое членство в

НАТО. Странам стало сложно договариваться о дальнейших действиях внутри Альянса. Так, иракская операция была проведена «коалициями желающих», идея которых была выдвинута Францией и Германией, так как внутри Североатлантического объединения страны не смогли договориться о том, стоит ли НАТО принимать участие в разрешении иракского кризиса в том формате, который был в итоге осуществлен коалицией в составе США, Италии и Испании.^[10] Германия, например, не присоединилась к процессу. К началу 2000-х странами Европы был образован Европейский союз. Кроме того, стараясь избежать такой прямой зависимости от США, европейские правительства инициировали процесс формирования собственного зонта безопасности. В 2003 году, когда страны-члены чувствовали себя практически в безопасности и без постоянной поддержки США, была выпущена Стратегия Безопасности Европейского Союза, которая успешно выполняла свои функции, пока в 2004 году не прогремели серии терактов, охватившие территории стран ЕС. Тогда, помимо новой угрозы, страны ЕС обнаружили себя в ситуации, что при отказе от лидерства США в рамках трансатлантического Альянса, главную инициативу на себя перехватят Германия и Франция, что абсолютно не устраивало остальные европейские страны. Для США Альянс теперь стал не просто инструментом для реализации своей политики, но и политической и тыловой поддержкой американских военных операций. ^[13]

Однако со своей стороны, ЕС все активнее стали выступать за «мягкие» методы международного регулирования и разработку долгосрочных программ по разрешению конфликтов, которые не предусматривают вмешательство во внутренние дела государств с целью смены режимов и установления демократии. ^[14] Стремление совмещать свое «мягкое» лидерство с преимуществами прямого сотрудничества с США посредством союзнических отношений в рамках НАТО неизбежно порождает разногласия в трансатлантических отношениях. Большинство европейских стран не способны заменить или пополнить американские ресурсы, необходимые для проведения боевых операций, либо они чаще всего выражают критику в отношении откровенно односторонних силовых действий США. В то время как американская администрация не одобряет долгосрочную перспективу европейского подхода, считая ее недостаточно эффективной для разрешения горячих конфликтов или реализации, так называемой, превентивной политики, которой придерживается НАТО в отношении решения вопросов распространения терроризма, наркотрафика и оружия массового уничтожения. В 2019 году президент Франции как единственной страны ЕС, состоящей в Совете Безопасностей и являющейся основательницей Союза заявил о том, что НАТО просто необходимо пересмотреть форматы взаимодействия, так как существующие не раз доказали свою неэффективность. ^[15] Также важным фактором является неспособность стран-участниц грамотно разделить финансовое бремя союзнических обязательств. К 2022 году из тридцати членов НАТО, оговоренные 2% от ВПП, выплачиваются в общий бюджет только 10 стран, причем это необязательно самые экономически развитые страны – Германия и Италия, например, не входят в их число. ^[16]

Для многих стран европейского континента ориентация на атлантизм стала своеобразной лакмусовой бумажкой, проверкой на «нормальность» внешнеполитического курса, даже если это противоречит интересам какой-то конкретной страны. Например, история Италии и Франции знает случаи, когда политики, занимая высокий пост, отказывались от своих предвыборных убеждений, которые противоречили основной линии политики, проводимой НАТО. Один из премьер-министров Италии в своих мемуарах вспоминает свое не оправдавшее себя стремление предотвратить интервенцию НАТО на Балканах,

где Альянс показал свою полную несостоятельность, как блока, обеспечивающего безопасность региона, выйдя своими открытыми военными действиями далеко за рамки мандата ООН и превысив все допустимые пределы миротворческой операции.^[17] Его идея имела поддержку, и он открыто продвигал ее, однако, когда стал премьер-министром, ему пришлось столкнуться с необходимостью согласиться в этом вопросе с атлантическим военно-политическим блоком, чтобы показать, что Италия все еще ориентирована на Атлантизм и Европеизм.

Пандемия стала очередным вызовом, который подсветил внутренние противоречия Альянса, которые чаще всего заключаются в противостоянии национальных интересов европейских государств-членов блока и видимого обеспечения безопасности региона. Отношения НАТО с такой новой для современного мирового сообщества угрозой, как COVID-19 можно рассматривать с двух точек зрения: как появление смертельного вируса, в качестве актора на международной арене действует на Альянс и как Альянс действует в условиях его широкого распространения. Основным механизмом реагирования НАТО на гражданские чрезвычайные ситуации в евроатлантическом регионе является Евроатлантический координационный центр реагирования на стихийные бедствия. Именно он занимается координированием помощи по противодействию распространения COVID-19 странам-членам Альянса и странам, не входящим в него.^[18] Центр работает в круглосуточном режиме и в целом функционирует как система информационного обмена по запросам и предложением о помощи в случае природных и техногенных катастроф. С начала 2020 года выполнен план помощи НАТО в борьбе с COVID-19 13 странам. С одной стороны, организация показала себя способной вовремя предпринимать срочные меры по противодействию новой угрозе, но в то же время пандемия сильно сказалась на здоровье самого Альянса и лишний раз подчеркнула описанные выше проблемы во внутренней координации между странами-участницами. Пандемия коронавируса стала масштабной катастрофой, наносящей ущерб не только сфере здравоохранения и непосредственно человеческому ресурсу планеты, но и международной экономике. В подобных условиях любому политику, а нашем случае целой организации, сложно убедить людей продолжать поддерживать идею увеличения расходов на оборону за счет их налогов и ресурсов стран.^[19] Предлагалось даже квалифицировать распространение вируса как вооруженное нападение, что позволило бы оправдать эти расходы и обеспечило бы более активную поддержку совместных действий Альянса по разработке коллективного ответа. Еще до появления вируса внутри НАТО, как уже было сказано, наблюдалась разногласия в вопросах распределения финансового бремени. Несмотря на сохраняющийся рост расходов на оборонную промышленность Альянса после так называемой аннексии Крыма, США последние несколько лет стремятся уменьшить свой процент в финансировании организации, хотя изначально поставили себя в позицию главных вкладчиков. Таким образом, в такое тяжелое для Евросоюза время США в рамках натовского взаимодействия оставляет своих союзников с минимальной поддержкой.^[20] Кроме того, потоки мигрантов, которые и ранее создавали немало проблем, повышая уровень преступности в европейских государствах и создавая дополнительное налоговое бремя для граждан, стали представлять почти смертельную угрозу, становясь главными источниками распространения коронавируса. Первоначальная неэффективность действий НАТО в области борьбы с новой угрозой положила начало губительной для объединения тенденции на перераспределение бюджета и ресурсов отдельных стран с военных нужд Альянса на внутренние.^[21] Глобально и давно определила эту тенденцию еще Великобритания, выведя свои войска из иракской учебной миссии и переправив их на службу внутри страны. Кроме того, возвращаясь к пандемическому кризису изначально

низкую результативность действий НАТО можно определить тем фактом, что помочь европейским странам не раз оказывалась со стороны. Например, направленная российской стороной гуманитарная помощь Италии в виде медицинских специалистов и необходимого стране оборудования.

В контексте украинского же кризиса действия стран-участниц НАТО внешне выглядят более согласованно и целенаправленно, однако не стоит забывать за чей счет происходит обеспечение Украины всевозможной боевой техникой и боеприпасами. Кроме того, практически все санкции, вводимые коллективным Западом, скорее играют на руку США, чем помогают Европе «противостоять российской угрозе», при этом создавая экономически бедственное положение в большинстве стран ЕС, ввиду сильнейшей инфляции, повышения цен на энергию, роста безработицы и отрицательного торгового баланса. [22] Эта статья не ставит задачи рассмотреть поведение стран НАТО в контексте нынешнего кризиса, так как мы пока находимся в самом его эпицентре, однако уже сейчас можно проследить, что объединение продолжает свою привычную, сложившуюся за годы доминирования США, политику.

Заключение

За все время своего существования Североатлантический альянс не раз оказывался в центре противоречий. И судя по тому, как он эти противоречия решает, можно сделать вывод, что, выступая поставщиком международной безопасности, в действительности же объединение скорее является инструментом реализации национальных интересов отдельных государств-участников военно-политического блока. Причем в основном речь идет об интересах США. Настоящий кризис отчетливо подсветил существующую в Альянсе разницу между позицией безоговорочно доминирующего главного вкладчика и зажатыми в тиски обязательств перед блоком и внутренними экономическими и политическими кризисами позициями остальных стран-членов. Так, главным вызовом, с которым не справляется Альянс, является его внутренний кризис, выражющийся в жесткой зависимости стран-членов от политики блока, которая зачастую противоречит их национальным интересам.

Высокая внутренняя неопределенность Альянса в распределении приоритетов, различие в позициях по поводу регионального фокуса объединения и выхода Альянса на глобальную арену в качестве главного поставщика международной безопасности, а также зачастую невозможность консолидации в вопросах мобилизации имеющихся ресурсов уже много лет разъедают единство Альянса. [23] Тем не менее НАТО позиционирует себя, как уверенный в своем будущем союз, вопрос только в том, найдет ли он эффективные механизмы для решения своих внутренних кризисов.

Библиография

1. Североатлантический договор от 4 апреля 1949 года URL:
https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm
2. Стратегическая концепция НАТО 2022. URL:
https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf
3. Официальный документ по итогам саммита в Брюсселе 2021. URL:
https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm
4. Ennio Di Nolfo. Storia delle Relazioni Internazionali. 1918–1999. Bari, Editori Laterza, 2016.

5. Магадеев, И. Э. Первая мировая война и тренды европейской истории XX века. Москва: Аспект Пресс, 2021. С. 257.
6. Сагалова. А. Л. Функциональная организация во взглядах Дэвида Митрани. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 14
7. М.А. Троицкий. Трансатлантический союз. 1991–2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада bipolarности. М.: НОФМО, 2004. С. 252.
8. Powell C. The American Commitment to European Security / / Survival. Summer 1992. Pp. 3-11
9. Zelikow P., Rice C., Spohr K., Goldgeier J., Mastny V. Ending the Cold War and Entering a New Era: Perspectives on To Build a Better World. // Journal of Cold War Studies 2021. 23 (4): Pp. 181–210.
10. Истомин И. А., Болгова И. В. Будущее НАТО: источники неопределенности и возможные сценарии развития. // Дискуссионный клуб Валдай. 2018.
11. Peterson. James W. NATO and Terrorism // The Continuum International Publishing Group, New York, 2011.
12. Blackwill R. Archik K. Task Force on the Future of Transatlantic Relations: How Much Does the Transatlantic Relationship Matter After the End of the Cold War? // Council on Foreign Relations. January 1997.
13. Risso L. NATO and the Environment: The Committee on the Challenges of Modern Society. // Contemporary European History. 2016. 25(3), Pp. 505-535.
14. Недель. А. Ю. Нежелательный контент: политическая власть в эпоху возникновения новой антропологии / А. Ю. Недель, Е. Н. Фанайлова; СПб: Алетейя, 2021. С. 263.
15. Trachtenberg M. The United States and the NATO Non-extension Assurances of 1990: New Light on an Old Problem? // International Security. 2021. Vol. 45 No. 3 (Winter 2020/21). Pp. 162-203
16. Надточей Ю. И., Христенко Д. Н. Разделение финансового бремени в НАТО: старая проблема в новом звучании. // Актуальные проблемы Европы, 2019. № 1. С. 56–77.
17. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №2(65). С. 32–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-32-56>
18. Костин К. Б., Хомченко Е. А. Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику. // Экономические отношения. 2020. Том 10. № 4. С. 961–980.
19. Международная безопасность: глобальные и региональные акторы монография / Е. А. Антохова, Е. Я. Арапова, С. П. Артеев [и др.]; отв. ред. М. М. Лебедева, Ю. А. Никитина. М: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 320
20. Саква Р. Россия против остальных: кризис мирового порядка после окончания холодной войны / Р. Саква; ред. А. Бондаренко; пер. с англ. Н. В. Заборина, Е. Лукиной, С. Сафьян. М.: Весь Мир, 2020. С. 416
21. Mazzaglia R. The Ghetto in European Perception: From Cities to Bodies. // PAJ: A Journal of Performance and Art. 2022. № 44 (1 (130)): Pp. 66–78.
22. Oatley Th. Energy and the Complexity of International Order. // Global Environmental Politics. 2021. № 21 (4). Pp. 20–41.
23. Европейский Союз и региональные конфликты / Отв. ред. – Арбатова Н. К., Кокеев А. М. М.: ИМЭМО РАН. 2011. С. 143

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию релевантности НАТО в контексте трансатлантических отношений в сфере безопасности. Учитывая современные реалии нарастающей конфронтации между Россией и Североатлантическим альянсом, актуальность темы представляется очевидной. Больше сомнений вызывает методология исследования, которая в статье не заявлена напрямую. Полагаю, автору стоило бы начать с формулировки цели – что именно он/она хотят выяснить? Исходя из названия рукописи, можно предположить, что целью статьи является оценка релевантности НАТО как сообщества коллективной безопасности в современных условиях. Но даже если так, то об этом стоит написать непосредственно в тексте статьи. Далее, нужно определить способ достижения этой цели, то есть методологию. Например, автор может выбрать несколько кейсов (допустим, 1) НАТО в ходе Боснийского кризиса; 2) НАТО в ходе Косовского кризиса; 3) НАТО и современный конфликт на Украине) и проанализировать то, как Альянс справлялся со своими функциями. Исходя из этого, можно будет сделать вывод о том, насколько НАТО сохраняет релевантность для трансатлантической безопасности сегодня (по сравнению с ситуацией 1990-х гг.). Наверняка возможны и другие подходы к исследованию проблемы, но автору следует это ясно и четко сформулировать. Это, в свою очередь, позволит прояснить в чем заключается научная новизна работы. В представленном варианте рукописи данный момент никак не обозначен. Автор опирается на уже известные данные и скорее констатирует определенные реалии, в которых НАТО существует сегодня, чем приходит к по-настоящему новым выводам. С точки зрения структуры статьи, я бы рекомендовал выделить раздел «заключение». В текущей версии текста его нет. В то же время, мне представляется неудачным название раздела «Проблемы релевантности НАТО», поскольку оно фактически повторяет название рукописи. Что касается библиографии, то главная проблема заключается в том, что автор не дает ни одной (!) сноски на Стратегические доктрины НАТО. При этом в начале упоминается концепция НАТО, принятая на саммите Альянса в Мадриде (2022 г.), но сноски на документ нет. Также нет сносок на более ранние концепции (например, по итогам саммита в Ньюпорте, в 2014 г.). Как следствие, эмпирическая база исследования оказывается очень слабой. Этот недостаток также не позволяет автору прийти к значимым и обоснованным выводам, которые могли бы быть интересны специалистам по данной теме. Наконец, в тексте присутствуют стилистические погрешности и фактологические ошибки. Например, правильно не «Роберт Целлик», а Роберт Зеллик, не «коалиция желания», а «коалиция желающих» ("coalition of the willing"). Также непонятно что автор имеет в виду под «несекретными стратегическими концепциями». Утверждение о том, что в начале 21 века «стратегия НАТО переориентировалась на концепцию превентивного удара» вряд ли соответствует действительности. Далее, автор пишет, что «Альянс взял на себя ответственность по переформатированию режимов на Большом Ближнем Востоке», но это относится только к случаю Афганистана. Нигде больше на Большом Ближнем Востоке НАТО не проводила военных операций. Наконец, автор пишет, что «два государства европейского региона – Финляндия и Швейцария – подали заявки на вступление в объединение». На самом деле, не Швейцария, а Швеция. И это только некоторые из примеров. С учетом изложенного выше, считаю необходимым существенно переработать текст рукописи - сформулировать цель, обозначить методологию и новизну, включить в библиографию первичные источники, добавить раздел "заключение", исправить

стилистические и фактические ошибки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В настоящее время не только различные аналитики - политологи, социологи, экономисты, философы, - но и рядовые наблюдатели отмечают напряжённость международной обстановки, во многом определяемой происходящей на наших глазах динамичной трансформацией монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором помимо Вашингтона ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Разумеется, что только многополярный мир может учитывать интересы различных субъектов, но временное осложнение международной обстановки не могло не привести к пристальному вниманию к военно-политическим блокам.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является роль НАТО в обеспечении трансатлантической безопасности. Автор ставит своими задачами проанализировать систему европейской безопасности, рассмотреть перемены в НАТО в годы холодной войны и в современный период, а также определить кризисы НАТО, с которыми Альянс в итоге не справился или не справляется на данный момент.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать способность НАТО выполнять свою основную функцию - обеспечение трансатлантической безопасности.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников отметим нормативно-правовые акты, а также материалы саммитов НАТО. Из используемых исследований укажем на труды И.А. Истомина и И.В. Болговой, Е.Г. Пономаревой и А.В. Фроловой, в центре внимания которых различные аспекты деятельности НАТО в разрешении кризисов. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как военного-политической обстановкой в мире, в целом, так и блоком НАТО, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «несмотря на регулярное обновление повестки, Альянс не смог избежать вызовов изнутри, связанных со взаимоотношениями США и

Европы». Автор обращает внимание на то, что НАТО в целом успешно находит общие цели для участников блока, так, после холодной войны произошло переориентация на борьбу с терроризмом. В работе показано, что «для многих стран европейского континента ориентация на атлантизм стала своеобразной лакмусовой бумажкой, проверкой на «нормальность» внешнеполитического курса, даже если это противоречит интересам какой-то конкретной страны».

Главным выводом статьи является то, что основным «вызовом, с которым не справляется Альянс, является его внутренний кризис, выражющийся в жесткой зависимости стран-членов от политики блока, которая зачастую противоречит их национальным интересам». Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования стратегий международных отношений.

В то же время к статье есть замечания:

1) Автор пишет: «Польша, Португалия, Франция, Бельгия, Англия беспокоились о судьбе своих колоний». Однако у Польши колоний не было. Этую ошибку следует убрать из текста.

2) Следует привести в соответствие с требованиями библиографию, в частности 7 источник.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Мировая политика».

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Хань Ш. — К дискуссии между китайскими и российскими учеными об определении сотрудничества в области обороны и безопасности // Мировая политика. – 2023. – № 2. – С. 32 - 40. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.40401 EDN: RGFMR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40401

К дискуссии между китайскими и российскими учеными об определении сотрудничества в области обороны и безопасности

Хань Шин

кандидат политических наук

аспирант, кафедра международной безопасности, Московского государственного университета имени МВЛомоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ hanshiying@bfsu.edu.cn

[Статья из рубрики "Теория и методология международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.2.40401

EDN:

RGFMNR

Дата направления статьи в редакцию:

08-04-2023

Дата публикации:

05-07-2023

Аннотация: В связи с непрерывным расширением и углублением деловых контактов между Китаем и Россией, особенно актуальным для учёных обеих стран является исследование вопросов международного сотрудничества, в том числе в области безопасности и обороны. Однако из-за разницы в подходах к изучению проблемы различными научными школами понятие «сотрудничество в области безопасности и обороны» китайские и российские учёные определяют по-разному. Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей интерпретации терминов «безопасность» и «сотрудничество» учёными обеих стран. Для достижения этой цели автором были выполнены следующие задачи: подобрана и изучена соответствующая китайская и российская литература, проведен углубленный анализ и обсуждение результатов исследований учёных, научным интересом которых является определение сотрудничества в области безопасности и обороны. Новизна настоящей статьи

заключается, прежде всего, в том, что в ней рассматриваются и анализируются различные точки зрения, в то время как ранее ученые, как правило, выбирали один аспект, оставляя другие без внимания. Статья исследует проблему, крайне актуальную с учетом как текущего состояния китайско-российских отношений, так и перспективы дальнейшего сближения двух соседних государств. Несомненно, результаты работы, а также представленные ссылки послужат для будущих углубленных исследований в этой области. Подводя итог, можно сделать следующие выводы: под сотрудничеством в области обороны и безопасности понимаются формальные или относительно неформальные взаимодействия в сфере обороны и безопасности между двумя или более акторами в международном сообществе в целях защиты собственных интересов и достижения общих целей, а также для смягчения взаимных противоречий, которые могут возникать в процессе этого сотрудничества.

Ключевые слова:

безопасность, сотрудничество, Китай, Россия, теория международных отношений, угроза, интересы, реализм, либерализм, конструктивизм

Постепенное осуществление Россией политики «поворота на Восток» и стратегическое сближение с Китаем в последние годы придает особое значение исследованию такого важного для обеих стран вопроса как сотрудничество в области безопасности и обороны. В свете сложности определения термина «безопасность», особенно после окончания «холодной войны», академические круги в основном концентрировали свое внимание на нетрадиционной безопасности. Новизна исследования, которое проводит автор данной статьи, заключается в более широком взгляде на проблему, когда рассматривается как традиционная, так и нетрадиционная безопасность, проводится сопоставительный анализ различных характеристик термина.

В китайском и русском словарях слово «безопасность» обычно описывает какое-либо состояние. Например, С.И. Ожегов определяет безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность кому-либо или чему-либо» [\[6, с.84\]](#). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля это слово определяется как «отсутствие опасности, сохранность, надежность». Это определение похоже на то, которое можно найти в «Словаре современного китайского языка» — «безопасность — это отсутствие опасности, отсутствие угрозы, отсутствие несчастного случая». С точки зрения теории международных отношений ученые обеих стран согласны с мнением, которое обычно признают реалисты. Под безопасностью в теории международных отношений понимается состояние, обеспечивающее стабильность государства. Что касается элементов концепции обеспечения безопасности, и китайские, и российские ученые солидарны со специалистом в области международных отношений - конструктивистом Барри Бузаном, считающим, что концепция безопасности не ограничиваться традиционной областью, а должна быть расширена, чтобы также учитывать и нетрадиционные аспекты безопасности [\[10\]](#).

Однако, существуют некоторые расхождения во взглядах, касающихся деталей определения безопасности. Большинство китайских ученых опирается на теорию Арнольда Оскара Вольферса, согласно которой в общем смысле безопасность включает в себя как субъективные, так и объективные аспекты. Безопасность в объективном смысле определяется отсутствием угроз приобретенным ценностям, в субъективном

смысле – отсутствием опасения, что эти ценности подвергнутся нападению [9, с.150]. Исходя из этого, китайский ученый Сунь Цзиньпин полагает, что безопасность – это относительно стабильное и полное состояние, свободное от угроз и страхов, а также способность поддерживать такое состояние [19].

Опираясь на данное определение, китайский ученый Су Хао добавил некоторые элементы конструктивизма. Он считает, что термин «безопасность» имеет двойное значение. Первое значение – состояние отсутствия угрозы, второе значение – это субъективное осознание реальных или возможных угроз [20].

Китайские ученые Ван Фан и Лу Цзин усовершенствовали эту концепцию, определив ее как отражение ценностей. Разные страны на разных этапах развития сталкиваются с разными угрозами безопасности. Поэтому интересы, которые они преследуют в области безопасности, также содержат разные ценностные мотивы. Например, развитые страны Запада и бедные страны Африки предъявляют совершенно разные требования к безопасности. Кроме того, Ван Фан и Лу Цзин добавили новое определение безопасности. По их мнению, безопасность – это не только состояние, но и продукт отношений между акторами международных отношений. Если между акторами международных отношений нет взаимодействия, то не существует безопасности [16, с.12].

Среди российских ученых немногие, например, А.А.Бартош, согласны с определением, данным Арнольдом Оскаром Вольферсом, но большинство склоняется к подходу, который направлен на защиту национальных интересов в целях обеспечения безопасности [1, с. 13]. В частности, П. А. Цыганков критиковал ограничение понятия безопасности только состоянием и субъективным осознанием. Он считает, что национальная безопасность должна прежде всего обеспечить гарантии неуязвимости основных жизненно важных интересов, таких как национальный суверенитет, территориальная целостность государства нации и защита его населения. Эти интересы являются настолько значимыми, что государство скорее согласится на войну, чем на компромисс [8, с. 320]. И. Б. Кардашова, ссылаясь на работы У. Липпмана, Дж. Коллинза, В. Тейлора, Г. Брауна и других авторов, утверждает, что безопасность – это искусство и наука, которые помогают использовать государственную мощь для достижения желаемой степени и формы контроля над противостоящей стороной, используя угрозы, силу, непрямое давление, дипломатию, хитрость и другие средства в целях обеспечения интересов и целей национальной безопасности [11, 3].

По сравнению с расхождениями при определении термина «безопасность» гораздо меньше разногласий у китайских и российских ученых вызывает определение термина «международное сотрудничество». Ученые обеих стран склонны принимать определение, данное представительницей либеральной школы Хелен Милнер: "Сотрудничество происходит, когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других через процесс взаимной координации политик. Координация политики означает, что страны корректируют свою политику, чтобы уменьшить негативные последствия для других стран" [13, 2, 8, 15].

Концепция Хелен Милнер сфокусирована на двух аспектах: 1) поведение каждого государства направлено на достижение одновременно нескольких целей, причем не все акторы стремятся удовлетворить одни и те же цели; 2) сотрудничество приносит выгоды или вознаграждения акторам.

Кроме того, и российские, и китайские учёные сходятся во мнении, что текущие

исследования по международному сотрудничеству можно распределить на три категории: школа политического реализма, либерализма и конструктивизма.

Либерализм и реализм разделяют общую идею о том, что международное сообщество находится в состоянии анархии. Одним из ключевых различий двух этих школ является то, что либералы более оптимистичны относительно международного сотрудничества и считают, что главным фактором в создании и поддержании международного сотрудничества являются международные институты [17]. С другой стороны, реалисты считают, что из-за анархического состояния мирового сообщества международное сотрудничество трудно наладить, а конфликт является основным и самым широким типом международного процесса.

В свою очередь, конструктивисты придерживаются мнения, что международное сотрудничество играет важную роль в международном обществе, и цель сотрудничества между странами заключается не только в получении выгод, но и в формировании чувства идентичности. Для исторических институционалистов сотрудничество является результатом международных и внутренних исторических социальных и политических факторов [8, с.454].

Различия существуют не только в определении безопасности, также у китайских и российских ученых есть свои предпочтения в выборе теоретических подходов. Китайские ученые в своих исследованиях чаще цитируют работы либеральных исследователей, таких как Роберта Кохейна, Джозефа Ная-младшего, Хелен В. Милнер и других [15, 16, 18]. Среди них широко обсуждается теория гегемонистской стабильности Роберта Кохейна, считающего, что «раздор, который является противоположностью гармонии, стимулирует требования к корректировке политики, что может привести либо к сотрудничеству, либо к продолжающемуся усиленному разладу» [12, с.61].

Российские ученые не разделяют позицию своих китайских коллег в отношении либеральной школы мысли, и хотя они в целом согласны с выводами Хелен Мильнер, тем не менее, в процессе исследования уделяют большее внимание достижениям исследователей-реалистов, таких как Арнольд Уолферс, Моргентау, Стивен Краснер и других [4, 7]. В вопросах безопасности российские исследователи, сосредоточены на интересах государств и их позициях на международной арене. Концепции этих ученых характеризуются пессимистичным отношением к сотрудничеству, в целом.

Что же касается определения сотрудничества в области обороны и безопасности, то необходимо отметить, что до сих пор нет международного признанного определения концепции в целом из-за нечеткости формулировок определения безопасности и различных направлений исследований. Несмотря на различия школ и взглядов на проблему безопасности и международного сотрудничества, по ряду важных вопросов мнения отдельных исследователей начали сближаться. Так, например, П.А.Цыганков считает, что понятие «международное сотрудничество» отражает такой процесс взаимодействия двух или нескольких акторов международных отношений, в котором исключается применение вооруженного насилия и доминируют совместные поиски реализации общих интересов. Как и в случае с исследованием безопасности, ранние работы, посвященные теме международного сотрудничества, в основном ограничивались областью проблем внешней политики и дипломатии. Однако с развитием международного сообщества сфера интересов исследователей стала охватывать и другие сферы, такие как экономика, безопасность, охрана окружающей среды и т. д [5, 8]. Ли Сюэбао

обобщил взгляды Су Хао, Янь Сюэтунга и других китайских политологов и в итоге пришел к выводу, что международное сотрудничество в области обороны и безопасности - это меры, которые были приняты между двумя или более государствами (акторами) в международном сообществе для защиты собственных интересов безопасности, достижения общих целей безопасности и урегулирования противоречий и конфликтов посредством координации, диалога, интеграции, союзов и т. д [18].

Проведенный анализ и сопоставление точек зрения ученых, принадлежащих к различным научным школам, позволяет сделать следующие выводы: с учетом того, что понятие "национальная оборона" включает в себя политические, экономические, дипломатические, культурные характеристики, а также предусматривает выработку мер по подготовке к вооружённой защите государства, целостности и неприкосновенности его территории, в понятие "национальной оборонной безопасности" мы можем включать применение вооруженного насилия; Под сотрудничеством в области обороны и безопасности понимаются формальные или относительно неформальные взаимодействия в сфере обороны и безопасности между двумя или более акторами в международном сообществе в целях защиты собственных интересов и достижения общих целей, а также для смягчения взаимных противоречий, которые могут возникать в процессе этого сотрудничества.

Библиография

1. Бартош А. А. Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019. 320 С.
2. Ивонина, О. И. Теория международных отношений: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2015. 188 С.
3. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 332 С.
4. Ланко, Д. А. Проблема сотрудничества в третьем "большом споре" в теории международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 2. С. 92-97.
5. Мунтян М.А. Основы теории международных отношений. Учебное пособие. М.: Изд-во МАБиУ, 2006. 164 С.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е издю, испр. и доп. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. С. 84
7. Романова Т. А. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 3 (май-июнь). С. 8-21.
8. Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. 590 С.
9. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essay on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962, P. 150.
10. Buzan B, Wæver O, Wæver O, et al. Security: A new framework for analysis. Boulder & London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 237 P.
11. Collins J.M. Grand Strategy: Principles and Practices, 1973. Definitions of Grand or National Security Strategy and Statecraft // Course 1: Foundations of National Security Strategy. National War College. Washington, DC, 1993.PP. 1-4.
12. Keohane R. O. After hegemony: Cooperation and Discord in the World Political

- Economy. Princeton: Princeton university press, 1985. 290 P.
13. Milner H. International theories of cooperation among nations: Strengths and weaknesses // World politics. 1992. Issue. 44(3): PP. 466-496.
  14. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge University Press, 1999. 429 P.
  15. Ван Бо, Цинь Хуэйинь. Гоцзи хэцзо яньцю: люпай чжэнмин, лилунь чэнго цзи цзюйсянь [Исследования международного сотрудничества: полемика школ, теоретические достижения и ограничения] // Ухань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2007. № 3. С. 433-439.
  16. Ван Фань, Лу Цзин. Гоцзи аньцюань гайлунь [Введение в Современную международную безопасность]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2016. С. 12.
  17. Ван Цзюньшэн. Чжэнтисин хэцзо лилунь юй чжоубянь хэцзо [Теория целостного сотрудничества и сотрудничество Китая с соседями] // Чжунгун чжунян дансяо (гоцзя синчжэн сюэюань) сюэбао. 2020. № 4. С. 69-78.
  18. Ли Сюэбао. Дандай гоцзи аньцюань хэцзо дэ таньсо юй чжэнмин [Исследование и противоречие современного международного сотрудничества в области безопасности]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2006. 281 С.
  19. Сунь Цзиньбин. Гоцзи гуаньси лилунь чжун дэ гоцзяньцюань лилунь [Теория национальной безопасности в теории международных отношений] // Гоцзи гуаньси сюэюань сюэбао. 2000. № 4. С. 3-9.
  20. Су Хао. Цун ялин дао ганьлань: ятай аньцюань хэцзо яньцю [От гантелей к оливкам: исследование сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003. С. 4.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью "К дискуссии между китайскими и российскими учеными об определении сотрудничества в области обороны и безопасности".

Предмет исследования заявлен автором в названии работы и кроме того пояснен в тексте статьи. Методология исследования базируется на сравнительном анализе исследования китайского и российского подхода к системе безопасности и сотрудничества в области обороны и безопасности.

Актуальность темы обусловлена сложившейся в настоящее время геополитической ситуацией, усилением отношений между Россией и Китаем в сфере межгосударственных отношений в области обороны и безопасности.

Говоря о цели, задачах и актуальности исследования автор пишет, что в работе «проводится более глубокий анализ и обсуждение соответствующих результатов исследований двух стран, а также предоставляются ссылки для будущих углубленных исследований в этой области». Научная новизна работы заключается в самой постановке темы и в полученных в ходе работы над темой результатах.

Стиль работы академический, при этом текст написан понятным языком для массового читателя. Это и оправданно, учитывая актуальность темы в настоящее время. Структура работы состоит из двух частей: основной части и выводов. Содержание статьи логично и направлено на раскрытие темы. В начале работы дано разъяснение что есть

безопасность, как ее понимают китайские и российские исследователи, приводится разъяснение понятия безопасность из словаря Ожегова, Даля и современного китайского словаря. Далее автор разъясняет на каких теоретических позициях стоят китайские и российские исследователи. Так, китайские исследователи (большинство) разделяют «теорию Арнольда Оскара Вольферса, которая состоит в том, что в общем смысле безопасность включает в себя как субъективные, так и объективные аспекты: безопасность в объективном смысле определяется отсутствием угроз приобретенным ценностям, в субъективном смысле — отсутствием боязни, что эти ценности подвергнутся нападению». Но есть исследователи, которые добавили и новое определение безопасности, также есть те, кто стоит на конструктивистских позициях. Среди российских исследователей также есть сторонники теории Арнольда Оскара Вольферса, но значительная часть «больше склоняются к подходу к защищенности в целях обеспечения защиты национальных интересов», отмечает автор. Автор статьи пишет, что если по вопросу, что такое безопасность есть какие-то разногласия, то «по поводу определения международного сотрудничества» меньше разногласий и «ученые в обеих странах склонны принимать определение, данное либеральным ученым Хелен Милнер». Автор отмечает, что хотя российские исследователи принимают данное определение, но в процессе исследования они уделяют больше внимания достижению ученых-реалистов, таких как Арнольд Уолферс, Моргентау, Стивен Краснер и др.». Особенность российских исследователей в том, что «они больше сосредоточены на интересах и позициях, и обычно характеризуются негативистским и пессимистическим отношением к сотрудничеству в целом», пишет автор. В целом статья посвящена раскрытию на каких позициях стоят китайские и на каких стоят российские, что у них есть общего и что отличного. Содержание ста Библиография работы состоит из 20 источников. В библиографии даны работы российских, занимающихся проблемами безопасности, в том числе авторов учебников и также монографий по теме: Бартуш А. А., Ивонина, О. ИЗ.Кардашовой И. Б., Ланко, Д. А., Мунтян М.А. Цыганкова П. А.) и работ китайских исследователей. Библиография будет интересна специалистам, студентам и аспирантам, т.к. позволит выяснить более детально поднимаемые авторов вопросы. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации. Подытоживая работы автор пишет в выводах: «Учитывая, что сама национальная оборона имеет характеристики «политические, экономические, дипломатические, культурные меры по подготовке к вооружённой защите государства, целостности и неприкосновенности его территории», поэтому в национальной оборонной безопасности мы можем включать применение вооруженного насилия». Далее он делает следующие выводы: « под сотрудничеством в области обороны и безопасности понимаются формальные или относительно неформальные взаимодействия в сфере обороны и безопасности между двумя или более акторами в международном сообществе в целях защиты собственных интересов, достижения общих целей и смягчения взаимных противоречий в области обороны и безопасности». Статья в определенной мере может быть интересна читателям журнала, как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующимся проблемами безопасности в сложившейся в настоящее время ситуации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают концептуальные различия во

взглядах российских и китайских учёных на проблемы национальной безопасности и международного сотрудничества. Автор справедливо связывает высокую актуальность своего исследования с осуществляющей в России последних лет политикой «поворота на Восток», что делает необходимым сближение позиций российской и китайской науки, а также политической практики по указанным вопросам. К сожалению, автор, не дал себе труда должным образом отрефлексировать методологию собственного исследования. Однако из контекста можно понять, что помимо традиционных для подобного рода исследований общенаучных аналитических методов, в процессе работы применялся метод концептуального анализа, а также элементы контент- и дискурс-анализа. Не уделив должного внимания аргументации своего методологического выбора, автор, тем не менее, попытался описать новизну полученных им результатов. Хотя согласиться с его описанием не получается, при всём желании. «Более широкий взгляд на проблему» не может претендовать на научную новизну. Наука движется в направлении всё большей специализации, и «более широкий взгляд», как правило, означает только размытие предмета. Со всеми вытекающими... Не может быть новаторским и «сопоставительный анализ различных характеристик термина», хотя бы в силу того, что «различными характеристиками» термины наделяют их авторы, а не те, кто указанные характеристики между собой сравнивает. Введение нового термина (если, конечно, он раскрывает тот или иной аспект реальности) может претендовать на научную новизну; уточнение существующего термина – тоже; сравнение же «различных характеристик» терминов между собой может быть только средством, но никак не целью исследования и, соответственно, не может претендовать на научную новизну. Тем не менее, новаторство в рецензируемой работе имеет место, автор просто не смог его представить должным образом. Прежде всего, речь идёт об экспликации автором пунктов разногласий между российскими и китайскими учёными в определении форм и содержания обеспечения национальной безопасности и обороны. В этом контексте можно говорить об уточнении терминов «нетрадиционная безопасность» и «сотрудничество в области обороны и безопасности». Наконец, любопытен (хотя и небесспорен) выявленный автором скептицизм российских учёных в отношении сотрудничества на международной арене. С точки зрения структуры рецензируемая работа представляет собой законченное исследование, основные аспекты которого логично развернуты в тексте статьи. Несмотря на некоторую скомканность заключительной части, а также отсутствие рубрикации, логика работы достаточно последовательна. В тексте условно можно выделить следующие разделы: - вводная часть, где формулируется научная проблема, аргументируется её актуальность, но, к сожалению, отсутствует теоретико-методологическая рефлексия; - сравнительный анализ взглядов российских и китайских учёных на проблему национальной безопасности; - аналогичный упомянутому выше анализ позиций в отношении международного сотрудничества; - заключительная часть, где резюмируются основные результаты проведённого исследования. С точки зрения стиля работу можно характеризовать в качестве научной, несмотря на некоторые погрешности. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, «осуществление и сближение», почему-то, «придаёт значение» в первом же предложении, хотя значение могут придавать только существа, в той или иной степени наделённые интеллектом, но никак не социальные процессы) и грамматических (например, отсутствие запятой в предложении «По сравнению с расхождениями при определении термина "безопасность" гораздо меньше разногласий...»; или незаконченное предложение в заключительной части статьи: «Проведенный анализ... мы можем включать применение вооружённого насилия;») ошибок. Есть и логические погрешности в аргументации. Так, довольно странно выглядит аргумент от «сложности определения термина 'безопасность'», якобы имеющий следствием акцентуацию

внимания академического сообщества на «нетрадиционной безопасности»; хотя то, что «нетрадиционно», по определению означает более сложную для исследования вещь, чем «традиционная». Но в целом текст написан достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным (за некоторым исключением) употреблением научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам проходит красной нитью через всю статью в силу специфики самого сравнительного исследования.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Мировая политика» и будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного управления, национальной безопасности, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования выявлены некоторые недостатки, которые нужно устранить **ДО ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ:**

- во вводной части описать и аргументировать теоретико-методологический базис проведённого исследования;
- более тщательно продумать и уточнить научную новизну полученных результатов;
- вычитать весь текст на предмет стилистических и грамматических ошибок;
- доработать заключительную часть.

После устранения высказанных замечаний статью можно будет рекомендовать к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Бежина Ю.В. — Североевропейское оборонное сотрудничество в постбиполярный период // Мировая политика. – 2023. – № 2. – С. 41 - 58. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.40066 EDN: RGRIND URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40066

Североевропейское оборонное сотрудничество в постбиполярный период

Бежина Юлия Викторовна

ORCID: 0009-0006-8692-3974

студент, кафедра мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Россия, Москва, г. Москва, проспект Вернадского, 76

✉ julia.bezhina@gmail.com

[Статья из рубрики "Региональные конфигурации международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.2.40066

EDN:

RGRIND

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2023

Дата публикации:

05-07-2023

Аннотация: В статье исследуются специфические особенности оборонного сотрудничества в Северной Европе и рассматриваются его дальнейшие перспективы в условиях трансформации мирopolитического ландшафта. Автор рассматривает североевропейский субрегион в качестве регионального комплекса безопасности (РКБ) и детально останавливается на следующих вопросах: исторические сходства и различия в подходах североевропейских стран (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) к вопросам обеспечения безопасности; особенности североевропейского интеграционного процесса в общем и субрегионального оборонного сотрудничества в частности; структура, отличительные черты и возможные перспективы североевропейского форума в области безопасности NORDEFCO (The Nordic Defence Cooperation). Автор приходит к выводу, что оборонное сотрудничество является существенным углублением интеграционной модели в Северной Европе, демонстрирующим способность североевропейских государств тесно взаимодействовать

в сфере безопасности с учетом мозаичного участия в военно-политических блоках или интеграционных объединениях. Тем не менее, на фоне намерений Стокгольма и Хельсинки стать членами НАТО, NORDEFCO как дополняющий местный механизм безопасности уходит на второй план. Вкладом автора в исследование вопроса является построение сценариев развития североевропейского оборонного сотрудничества на основе политического прогнозирования. Вероятно, что NORDEFCO маргинализуется в рамках североевропейской кооперации, так как НАТО закроет все потребности государств субрегиона в области оборонного сотрудничества, так как декларируемая адаптация NORDEFCO под новые условия зафиксирована не является ключевой точкой риторики североевропейских политиков - на данный момент их фокус внимания лежит в атлантическом направлении. Научная новизна исследования обусловлена пересмотром странами Северной Европы внутри- и внешнеполитических приоритетов в области безопасности после событий 2014 г. и 2022 г., влиянием осложнения отношений Россия-Запад на оборонное сотрудничество в субрегионе и актуальностью вопроса для будущего России в политическом и военном аспектах.

Ключевые слова:

NORDEFCO, Северная Европа, НАТО, регионализм, региональная интеграция, субрегиональные группировки, оборонное сотрудничество, РКБ, национальная безопасность, постбиполярный период

Введение. Проблемы безопасности, в первую очередь в их традиционной «жесткой» трактовке, исторически занимали ведущее место при разработке теоретических подходов к изучению международных отношений и мировой политики. Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция – эти североевропейские государства исторически имели «особый путь», в том числе и в сфере обеспечения национальной безопасности. В данной статье исследуются специфические особенности североевропейского оборонного сотрудничества и рассматриваются его дальнейшие перспективы.

Ю. И. Надточей замечал, что европейское субрегиональное сотрудничество в области безопасности и обороны является недостаточно полно исследованным [1]. Вопрос политического облика североевропейских стран не является малоизученным, однако, тем не менее, перечень научной литературы по данной теме нельзя назвать обширным. В особенности это касается узкоспециализированной темы оборонного сотрудничества, которая чаще всего остается на периферии исследовательских работ и затрагивается лишь частично (исключением могут являться труды таких авторов, как Ю. И. Надточей и В. П. Журавель). Вопросы региональной безопасности и развивающейся субрегионализации в целом и на севере Европы в частности изучали Б. Бузан и У. Уэвер [2], создавшие глубокие теоретические подходы к изучению этой темы. В российской научной среде можно выделить выдающихся исследователей, посвятивших фундаментальному изучению политических процессов на севере Европы множество трудов: Л. С. Воронкова [3] и К. В. Воронова [4]. Вопросы безопасности в североевропейском контексте вызывали особый интерес ряда зарубежных авторов, таких как Н. Грэгер [5], Н. Гледич [6], Н. Падельфорд [7] и Н. Орвик [8]. Особое внимание североевропейскому оборонному сотрудничеству уделили Ю. И. Надточей [1] и В. П. Журавель [9]. Существенный вклад в развитие отечественной школы внесли Институт Европы РАН [10] и Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М.

Примакова РАН [\[11\]](#). Исследуемой проблематике также посвящены работы Л. О. Бабыниной [\[12\]](#) и Н. С. Плевако [\[13\]](#).

Региональный процесс на севере Европы рассматривался через призму теории региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и У. Уэвера. Теория региональных комплексов безопасности имеет связи со многими тенденциями биполярного и постбиполярного периодов и представляет собой более глубокий взгляд на проблему функционирования регионов, нежели однополярный подход или выделение центра и периферии, и вместе с тем дополняет вышеназванные модели. Она одновременно имеет черты и реалистского, и либерального подхода с немалой примесью конструктивистского компонента. РКБ — это «группа акторов, чьи основные приоритеты в области безопасности, а также процессы секьюритизации и десекьюритизации крепко взаимосвязаны друг с другом таким образом, что их проблемы безопасности не могут эффективно рассмотрены или разрешены отдельно друг от друга [\[2\]](#)». Процессы секьюритизации и десекьюритизации, то есть социального (де)конструирования угроз, будут носить особую специфику в рамках регионального кластера. На формирование и функционирование РКБ решающую роль оказывают дружественные или враждебные отношения между компонентами комплекса, наличие или отсутствие признаков общей идентичности, которые в итоге и формируют взаимозависимость в вопросах безопасности.

На формирование РКБ большое влияние оказывают также следующие факторы: анархический характер мировой политики, возникающий в связи с ним баланс сил и географическая близость. Региональный уровень обеспечения безопасности является безусловным приоритетом для большинства государств мира: в рамках региона безопасность одного актора неразрывно связана с безопасностью другого, потому они не могут быть разделены и должны рассматриваться в комплексе. Важно отметить, что РКБ — это регион именно в области безопасности. Если мы пытаемся интерпретировать взаимосвязи акторов в других сферах (экономической, социальной, культурной и пр.), то в этом случае регион может и совпадать, и не совпадать с регионом в его понимании в рамках региональных комплексов безопасности.

Необходимо заметить, что процессы секьюритизации в странах Северной Европы действительно связаны между собой, что подтверждает существование североевропейского РКБ. Например, несмотря на ощутимые различия в миграционной политике, после 2015 г. скандинавские государства выбрали для себя одну и ту же стратегию в области миграции — ужесточили контроль за границами. Это та стратегия, которая влекла за собой определенные риски (к примеру, такой шаг мог быть расценен как нарушение положений Конвенции о статусе беженцев 1951 г.). Тем не менее, страны Скандинавии остановили свой выбор именно на этом подходе, для обоснования верности такого шага приводя схожие аргументы — и это с учетом изначально различных подходов к миграционному вопросу. Эти аргументы включали в себя нарратив о необходимости поддержания модели государства всеобщего благосостояния в стабильном состоянии, а также выражении солидарности с беженцами и привычном позиционировании государств как защитников гуманитарных принципов [\[14\]](#).

Процессы десекьюритизации в странах Северной Европы также перекликаются между собой. В государствах развивались схожие тенденции в области десекьюритизации как в биполярный, то и в постбиполярный период [\[15\]](#).

Научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом при изучении

политики всех пяти стран субрегиона в области взаимоотношений обороны и безопасности, а также анализом последних мирополитических тенденций и международных событий, оказывающих влияние на трансформацию этой политики. В работе принимаются во внимание последние тенденции развития внешнеполитических стратегий североевропейских стран. Особый вклад автора в исследование данной проблематики заключается в построении сценариев, учитывающих возможные перспективы развития субрегионального формата оборонного сотрудничества государств Северной Европы. Предложенные в работе сценарии могут быть изучены специалистами в области международных отношений для дальнейших исследований в данной области, а также в практической деятельности при изучении проблем международной безопасности.

Особенности североевропейского сотрудничества в области обеспечения национальной безопасности после окончания холодной войны. Государства Северной Европы, находящиеся на «стыке геополитических линий [11]», в первую очередь нацелены на поддержание состояния защищенности субрегиона. Североевропейские государства представляют собой единое стратегическое пространство, и кризис, который может возникнуть в его границах, окажет негативное влияние на все страны субрегиона [16]. Командующий финскими силами обороны Т. Кивинен указывал, что близость североевропейских государств (в историческом, социокультурном, политическом, экономическом и идеологическом смыслах) обуславливает общность угроз и вызовов [17]. Это замечание подтверждает существование регионального комплекса безопасности (РКБ) на севере Европы. Понимание взаимосвязанности угроз в субрегионе существует уже давно, и скандинавские политики неоднократно заявляли о том, что безопасность североевропейских стран не может оцениваться в каждом случае изолированно [18]. Исследователи также отмечали, что страны Северной Европы взяли на вооружение схожие подходы к новым угрозам постбиполярного периода, делая особый акцент на вопросах «мягкой» безопасности [15]. Существование общей же идентичности в Северной Европе также не ставится аналитиками под сомнение. К примеру, Ю. Вильхельмсен отмечает, что североевропейские государства стали единым целым, противопоставляющим себя «российскому Другому» [19]. Сложно также отрицать существование особой «европейской идентичности» и в более широком смысле, выходящем за границы вопросов безопасности. [20]

Группировки субрегионального уровня ранее рассматривались некоторыми странами как промежуточная ступень перехода к евроатлантическому или европейскому сотрудничеству [21]. Однако ввиду сложившейся международной обстановки субрегиональное сотрудничество, основанное на общности угроз, выходит на первый план. Большое внимание к внутрирегиональной системе безопасности обусловлено тремя основными группами причин [22]. Во-первых, внутрирегиональная оборонная политика оказывается более финансово эффективной. Во-вторых, нестабильная обстановка в Европе в связи с ухудшением отношений между Россией и Западом и обострением украинского вопроса вынуждает государства искать новые способы обеспечения собственной безопасности. В-третьих, волнообразное усиление внутрирегионального взаимодействия может объясняться периодическим нарастанием евроскептических и антиатлантических настроений в мире. Тем не менее, и по сей день оборонное направление сохраняет свои слабые позиции в общем интеграционном взаимодействии субрегиона, что не позволяет проводить полноценное сравнение с развитыми оборонными формами сотрудничества в НАТО и ЕС.

Малые североевропейские страны, объединенные общей судьбой и идентичностью, являются неоднородными по многим показателям, начиная от территории и населения и заканчивая неравномерным участием в различных международных объединениях. Швеция и Финляндия долгое время являлись нейтральными, внеблоковыми государствами (и на данный момент формально не являются членами Североатлантического альянса), в то время как Дания, Норвегия и Исландия — страны-основатели НАТО. Швеция, Финляндия и Дания входят в состав ЕС. Несмотря на общность многих взглядов и подходов североевропейских стран, эта близость не является абсолютной. Северной Европе удалось построить общее социокультурное пространство на своих территориях и установить эффективное и развитое сотрудничество по широкому кругу вопросов [7], однако их внешнеполитические интересы долгое время были разнонаправленными. Это стало одним из факторов неудачных попыток создания структур сотрудничества в области обороны в прошлом веке [4]. Но после окончания холодной войны страны смогли развить новые институты, pragmatically убирая с повестки дня «спорные» вопросы, но продуктивно сотрудничая по направлениям взаимного интереса. Государства Северной Европы стремятся представлять и на международной арене единую консолидированную силу с общей позицией, что позволяет им оказывать большее политическое влияние на международные процессы. Данная стратегия уже неоднократно доказала свою состоятельность.

Постбиполярный миропорядок принес с собой более универсализированные принципы политической жизни и гомогенизированные угрозы и вызовы. Североевропейским государствам приходилось трансформировать свой внешнеполитический курс на фоне развития таких центробежных тенденций мировой политики, как ослабление роли Запада в виде безусловного мирового лидера, сопровождающееся усилением других регионов мира, и снижение эффективности международных институтов [5]. Распад bipolarной системы, с одной стороны, оказал негативное влияние на североевропейскую идентичность — исчез особый статус предлагаемого государствами субрегиона «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом. Разрушилась особая североевропейская система безопасности, основанная на балансировании между двумя сверхдержавами и нейтралистских принципах (т.н. «северный баланс»). Это подсистема bipolarного мира, выражаясь в создании «буферной зоны» в контексте противостояния СССР и США. Она включала в себя следующие элементы [3]: 1) нейтральный статус Швеции; 2) нейтральный статус Финляндии, тесные финляндско-советские связи на основе Советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничество и взаимной помощи 1948 г.; 3) блоковые Дания, Исландия и Норвегия как члены НАТО, но придерживающиеся «внебазовой» политики [23] отказа от размещения ядерного оружия и иностранных вооруженных сил. Такой курс позволил Северной Европе избежать превращения в очередную арену противостояния между двумя центрами силы. Казалось, это было практически неминуемо, если учесть стратегическое географическое расположение субрегиона на прямой линии между СССР и США и в непосредственной близости от обоих [6].

Несмотря на то, что североевропейские государства являются неотъемлемой частью сообщества западных государств, их идентичность строилась во многом на обособлении от остального европейского пространства. Конфликт Запада и Востока был для государств региона осью развития политики безопасности: в этом кроется причина их внимания к военным аспектам безопасности [24]. Но с другой стороны — разрушение «северного баланса» оказалось положительное влияние на сближение стран,

пространство безопасности которых раньше было условно разделено. Такое разделение в условиях исторических и географических предпосылок кажется неестественным. Последовавшее расширение сотрудничества на сферу безопасности стало прорывом для государств Северной Европы — наконец они смогли перенести свои принципы высокоэффективной «паутинной» интеграции [8] с обилием разнонаправленных и разноуровневых, в том числе неформальных, связей в такую важную и чувствительную область. Новые принципы организации постбиполярного миропорядка и еще больше сплотивший североевропейские государства кризис европейской безопасности 2014 г. привели к тому, что к 2021 г. государства Северной Европы имели крайне схожие взгляды на вопросы обеспечения национальной и международной безопасности [25].

NORDEFCO как ключевой формат североевропейского оборонного сотрудничества. После неудачного опыта строительства североевропейского оборонного союза в XX в. повторная попытка состоялась лишь в новом тысячелетии. В 2009 г. бывший министр обороны и иностранных дел Норвегии Т. Столтенберг выступил архитектором новой комплексной структуры. Североевропейская интеграция с момента создания в 1952 г. Северного Совета прошла достаточный путь, чтобы созреть для углубления сотрудничества в области безопасности — «табуированной» зоне биполярного периода. С 2009 г., после подписания министрами обороны Меморандума о взаимопонимании, североевропейские страны совместно работают по оборонному направлению в рамках единой структуры — NORDEFCO (The Nordic Defence Cooperation). Эта низкоинституционализированная структура с незначительным уровнем формализации упорядочивала и объединяла другие виды военно-оборонного сотрудничества, существовавшие в регионе: Северное сотрудничество в сфере вооружений (NORDAC), Северный координационный механизм для поддержания мира (NORDCAPS) и Северную структуру поддержки (NORDSUP) [9], появившиеся после окончания холодной войны. Она стремилась разрешить узловую проблему североевропейского оборонного сотрудничества — неравномерную блоковость членов и их мозаичную принадлежность к ЕС.

Структура NORDEFCO имеет два уровня: политический и военный. Исландия участвует в деятельности объединения только на политическом уровне и не может председательствовать ввиду своей специфики — отсутствия собственных регулярных вооруженных сил и министерства обороны. Председатель сменяется на ротационной основе один раз в год. На политическом уровне организацией руководят министры обороны государств, на военном — Военно-координационный комитет, который работает по пяти основным направлениям (областям сотрудничества, COPAs): оперативная деятельность (COPA OPS), кадровые ресурсы и образование (COPA HR&E), военный потенциал (COPA CAPA), профессиональная подготовка и учения (COPA TEX), вооружения (COPA ARMA). На обоих уровнях встречи руководителей проходят как минимум дважды в год. В 2023 г. кресло председателя принадлежит Швеции. В роль председателя Стокгольм, что ожидаемо, сконцентрировался на дальнейшей помощи Украине и адаптации оборонного североевропейского сотрудничества к новым обстоятельствам [26], к которым, помимо острого кризиса европейской безопасности, можно отнести ожидаемое присоединение Швеции и Финляндии к НАТО и отмену сохранявшихся с момента вступления Дании в ЕС оговорок в области ОПБО [12].

Формат NORDEFCO — это внеблоковая форма сотрудничества. Низкий уровень формализации структуры обусловливает отсутствие постоянных институтов: помимо регулярных встреч, деятельность организации базируется на отдельных, в том числе

неформальных, контактах. NORDEFCO — не военное объединение с жесткими обязывающими условиями участия, ведь североевропейским государствам ближе «британская модель» интеграции с сохранением всей полноты суверенитета [27]. Североевропейское сотрудничество как таковое отказывается от наднационального принципа, и исключением не является, разумеется, и более «чувствительная» оборонная сфера [11].

На NORDEFCO распространяются традиционные принципы североевропейского сотрудничества: добровольность участия и необязательность комплексной вовлеченности. Такое объединение действует скорее по принципу форума. В ходе деятельности NORDEFCO каждая страна-участница, по обыкновению, сама определяет направления сотрудничества и его объем: NORDEFCO ориентирована на обеспечение национальной обороны стран-участниц, объединение сил по направлениям взаимного интереса и разработку согласованных и результативных решений [28]. Это позволяло добиваться максимально возможной эффективности в оборонном вопросе с учетом различающихся взглядов государств субрегиона на вопросы национальной безопасности и их неравномерной блоковости.

NORDEFCO развивается, пусть и неспешными темпами, но в соответствии с изменяющимися международно-политическими условиями. В условиях пандемии был введен в использование Механизм кризисных консультаций в рамках NORDEFCO [29]. В годовом отчете NORDEFCO за 2020 г. говорится о том, что оборонное сотрудничество в рамках структуры за прошедшие годы было значительно укреплено, а пандемия еще раз доказала необходимость существования такого института для обеспечения надежности и безопасности поставок [30]. Таким образом, пандемия коронавируса дала толчок к секьюритизации новых аспектов в сфере безопасности в рамках NORDEFCO. В 2020 г. была проведена первая официальная встреча представителей NORDEFCO и США по вопросам военного взаимодействия [31]. Это являлось закономерной реализацией одной из основных целей NORDEFCO в ближайшей перспективе – развития трансатлантических отношений и создания механизмов для совместных действий. Это обуславливается в том числе и желанием получить статусные выгоды от такого взаимодействия, что представляется весьма важной мотивацией для малых государств, существующих в условиях ограниченности ресурсов для конструирования своего имиджа и укрепления положения на международной арене [32]. Северная Европа и США исторически имеют крепкие связи друг с другом. США и НАТО представляли в роли все более крупного центра притяжения для стран Северной Европы параллельно с тем, как усиливалась напряженность в отношениях с Россией. Несмотря на то, что «идейный вдохновитель» [33] североевропейского военного сотрудничества Т. Столтенберг подчеркивал, что оно должно развиваться в гармоничном сочетании со скандинавско-российским взаимодействием, мирополитические процессы проводят всё более явную разграничительную линию между Северной Европой и Россией. Это во многом подталкивает североевропейские страны, особенно Швецию, к наращиванию военной мощи и более тесному взаимодействию с НАТО. Помимо прочего, более глубокое сотрудничество с ЕС и НАТО в оборонном вопросе помогает малым государствам Севера частично нивелировать ограничения своего военного потенциала, которые существуют просто в связи с их статусом «малых государств» [34]. Таким образом, членство в НАТО стало всерьез оцениваться в прежде нейтральных государствах как один из эффективных путей обеспечения национальной безопасности [35], а действия Москвы уже давно расцениваются в субрегионе как ревизионистские и экспансионистские [36].

Подобная линия, по утверждению министра обороны Финляндии Ю. Ниинистё, подкреплена значительными ресурсами, возможностями и амбициями [37]. NORDEFCO видит РФ в качестве возмутителя международного порядка, от которого исходит опасность не только в традиционном военном смысле, но и в сфере новых угроз: киберпреступности, нелегальной разведывательной деятельности и т. д. Начиная с 2014 г., общеевропейский фокус отчетливо внимания сместился с кооперации на конфронтацию [38], и страны Северной Европы не стали исключением. В 2015 г. представители североевропейских государств заявили о намерении наращивать сотрудничество в оборонной сфере: «продолжающаяся агрессия на востоке Украины значительно ухудшила международную безопасность и обусловила наращивание военной мощи в нашем регионе [16]». Таким образом, после 2014 г. североевропейские страны сделали особый акцент на традиционные угрозы безопасности – например, военное сотрудничество в условиях возможного вооруженного конфликта [39]. После того, как украинский вопрос стимулировал секьюритизацию «восточной угрозы» для стран Северной Европы в рамках политического дискурса, государства субрегиона пересмотрели свои приоритеты сотрудничества в формате NORDEFCO, сместив фокус внимания с вопросов «мягкой» безопасности. Например, государства субрегиона начали планировать реализацию возможности свободного перемещения войск друг друга на всем североевропейском пространстве [40]. 24 февраля 2022 г. стало же переломным моментом для европейской безопасности, «разделив жизнь на «до» и «после» [41]. Подтверждает этот тезис и сенсационное решение Финляндии и Швеции об отказе от доктринального нейтралитета, который за долгие годы нейтралистского курса стал важной традицией и элементов менталитета этих стран субрегиона [13]. Конфликт на Украине выступил как крупный импульс сплочения и углубления оборонного сотрудничества в Северной Европе. Ответом на действия России стали «единство, решимость и солидарность» [42].

Разработанная в 2018 г. в рамках NORDEFCO «Перспектива 2025» (Nordic Defence Cooperation Vision 2025) отмечает и актуальность новых гибридных угроз [43]. Любопытным приоритетом NORDEFCO является развитие «зелёной» обороны, учитывающей необходимость сохранения окружающей среды через сокращение углеродного следа, возникающего вследствие мероприятий военного характера (что соотносится с имиджем Северной Европы как актора, активно продвигающего экологическую повестку – так, М. Л. Лучко говорит об «экологическом менталитете» [44]). Также в зоне непосредственных интересов NORDEFCO лежат вопросы сотрудничества с государствами Балтии и в Арктике. Еще одним направлением деятельности для структуры стал поиск возможностей по использованию европейских инструментов в военной сфере на пользу североевропейскому сотрудничеству: например, механизмов Европейского оборонного фонда. С момента начала деятельности NORDEFCO организация основывалась на широком, не ограниченном лишь военными угрозами понимании безопасности.

Однако сокращение публичного освещения деятельности NORDEFCO на официальных ресурсах оборонного форума в 2022-2023 гг. позволяет предположить, что заинтересованность североевропейских государств в этом формате взаимодействия снижается, а фокус внимания все больше безальтернативно смещается в сторону Североатлантического альянса. Однако как данное положение дел могло бы измениться в будущем?

Построение сценариев развития североевропейского сотрудничества в сфере безопасности.

Изучение североевропейского оборонного сотрудничества и приоритетов стран Северной Европы в области безопасности позволяет применить метод политического прогнозирования для построения предположений о будущем статусе североевропейского РКБ и его элементов.

Таблица 1

Сценарии развития североевропейского сотрудничества в сфере безопасности

Scenarios for the future of Nordic security cooperation

Североевропейский сценарий	Наименее вероятным вариантом развития событий в текущих условиях является усиление и развитие NORDEFCO до того уровня, на котором группировка могла бы свободно конкурировать с НАТО и ЕС. Возможно, государства Северной Европы попытались бы воссоздать «буферную зону» биполярного периода на своем пространстве в условиях усилившейся международной анархии, менее связанный международными институтами, ввиду устоявшегося исторического тяготения к такому подходу. В первую очередь Северная Европа сосредоточилась бы на внутренних проблемах, отказавшись от активного участия в урегулировании конфликтов по всему миру.
	<p><i>Роль НАТО и ЕС:</i> Данный сценарий предполагает резкое и значительное ослабление НАТО и ЕС как центров силы и влияния, которое может быть обусловлено глубокими дезинтеграционными процессами, спровоцированными внешними обстоятельствами.</p> <p><i>Статус NORDEFCO</i> в условиях существования нынешних НАТО и ЕС NORDEFCO никогда не смогла бы стать сопоставимой с ними по потенциалу и возможностям, так как ресурсы североевропейской структуры значительно ограничены просто в силу природы самих североевропейских государств. Однако в случае внезапной и резкой эрозии главных институтов евроатлантической безопасности NORDEFCO могла бы стать для североевропейских государств единственной возможной альтернативой, что вызвало бы резкое смещение фокуса и вливания новых ресурсов в североевропейскую структуру. Приоритетом для североевропейских государств в данном случае выступали бы вопросы «жесткой» безопасности и обеспечения территориальной неприкосновенности субрегиона, вероятно, усилилась бы институционализация NORDEFCO.</p> <p><i>Отношения с Россией:</i> Россия в этом сценарии выступает в роли основной угрозы, поэтому сотрудничество</p>

	<p>минимизировано, однако, по возможности, ведется в нейтральном ключе «буферного подхода».</p> <p>Оценка: Логика наследия холодной войны для стран Северной Европы обуславливает изоляционистский подход в условиях менее регулируемой анархии в международных отношениях, что актуализирует дилемму безопасности в рамках региона и наносит ущерб международной безопасности в целом. Однако возвращение к прежнему изоляционизму на данный момент представляется крайне маловероятным.</p>
Инерционный сценарий	<p>Сохранится многолетняя тенденция к укреплению субрегионального сотрудничества через развитие общих механизмов и практик, преимущественно в области «мягкой» безопасности, которое, тем не менее, не приобретет статус возможной полной замены общеевропейской и евроатлантической альтернатив. Представляется крайне маловероятным ввиду внешних обстоятельств, оказывающих сильное давление на регион.</p> <p>Роль НАТО и ЕС Приоритетом для внеблоковых государств останется развитие политики безопасности на уровне ЕС, но так как в европейском интеграционном объединении назрели глубокие структурные противоречия, то немалое внимание Стокгольм и Хельсинки будут уделять сотрудничеству с НАТО. Вместе с ограничением американского влияния сотрудничество с НАТО и США будет углубляться, и со временем характер взаимоотношений NORDEFCO-США станет уверенно-партнерским, американская сторона приобретет особый, привилегированный статус.</p> <p>Статус NORDEFCO: Дополняющий механизм.</p> <p>Отношения с Россией: Россия в этом сценарии остается опасным соседом, с которым необходимо выстраивать конструктивное сотрудничество, но настоящее доверие и готовность выстраивать общее пространство безопасности в этих отношениях отсутствуют.</p> <p>Оценка: Этот наиболее благоприятный для России и сбалансированный сценарий представляется маловероятным, так как крайняя турбулентность международных отношений, установившаяся после эскалации конфликта на Украине, не позволяет Северной Европе поддерживать прежние взаимоотношения с Российской Федерацией и обуславливает ее проактивные действия на атлантическом направлении.</p>
Европейский сценарий	Предполагает развитие сильной, единой Европы, дальнейшее укрепление интеграционной европейской модели через разрешение внутренних кризисов и

	<p>противоречий.</p> <p><i>Роль НАТО и ЕС</i> В этом случае можно ожидать усиления эффективности ОВПБ и ОПБО, превращения Евросоюза в самостоятельный центр силы в области безопасности, мощный конкурирующий полюс влияния наравне с НАТО, который может предоставить солидные реальные гарантии безопасности. Возможно, усиление роли и значимости ЕС подтолкнет Норвегию и Исландию к вступлению в ряды членов Союза из-за опасений возможной маргинализации своего статуса в Европе, ослабит сильную атлантическую ориентированность стран.</p> <p><i>Статус NORDEFCO</i> NORDEFCO может выступать в виде субрегиональной младшей структуры ЕС с сохранением значительной автономии и самостоятельности, в которой Норвегия и Исландия могут выступать условно внешними партнерами (аналогично ситуации с Шенгенской зоной). На NORDEFCO станут распространяться общие принципы и правила ЕС, что снизит самостоятельность группировки и сделает её более формализованной и институционализированной.</p> <p><i>Отношения с Россией:</i> в условиях острого кризиса в области международной безопасности ожидается ярко выраженный антагонизм между группировками. Вместе с тем такое противостояние носило бы более стабильный характер, нежели конфронтация с НАТО.</p> <p><i>Оценка:</i> Возможно ослабление влияния НАТО в субрегионе, органичное встраивание Северной Европы в единую европейскую систему безопасности и отказ от прежнего «мозаичного» членства в организациях — государства Северной Европы смогут наконец полноценно объединиться в рамках крупной макро-структуры. Является маловероятным в условиях возросшего значения НАТО для Северной Европы на фоне кризиса на Украине.</p>
Атлантический сценарий	<p>Предполагает дальнейшее позиционирование и усиление НАТО как единственного гаранта глобальной безопасности и слабые оборонные структуры ЕС, подверженные эрозии. Необходимым компонентом в этом сценарии также является наличие крупной внешней угрозы, в первую очередь со стороны России.</p> <p><i>Роль НАТО и ЕС</i> Вместе со вступлением Швеции и Финляндии в НАТО Североатлантический альянс становится доминирующей структурой в североевропейской структуре безопасности.</p> <p><i>Статус NORDEFCO</i> в составе НАТО NORDEFCO утратит практически всю независимость и станет общим</p>

	<p>«северным флангом» Североатлантического альянса. Вероятно размывание оборонного сотрудничества до формата NB8 (5 стран Северной Европы и 3 государства Балтии).</p> <p><i>Отношения с Россией:</i> В этом случае ожидается резкое усиление напряженности по линии Россия-Запад, значительно возросшая дальнейшая милитаризация североевропейского субрегиона за счет наращивания военного присутствия НАТО, политизация и военизация границ государств Северной Европы, прежде всего Финляндии. Россия будет рассматриваться как недружественный, агрессивный соперник, что приведёт к крайнему ухудшению дипломатических и экономических отношений между Северной Европой и РФ.</p> <p><i>Оценка:</i> Полная потеря самостоятельности и резкое возрастание напряженности в субрегионе приведет к его ускоренной милитаризации и подорвет национальную безопасность отдельных государств.</p>
--	--

Заключение. В Финляндии неоднократно заявляли, что, несмотря на различные подходы к обеспечению национальной безопасности и фрагментированность региона в вопросе членства в важнейших международных организациях, эти особенности не вредят сотрудничеству, а делают его более гибким и прагматичным, что в целом способствует укреплению региональной безопасности [18]. NORDEFCO служит как дополнение, так и противовес обязательствам государств в НАТО и ЕС, с одной стороны, позволяя реализовывать уже достигнутые договоренности наиболее эффективным и результативным способом, а с другой — предотвращая доминирование более крупных группировок над малыми североевропейскими странами. NORDEFCO, неспособная самостоятельно конкурировать с общеевропейской и трансатлантической системами безопасности, создает вспомогательную местную систему безопасности.

В сфере военной кооперации североевропейские государства больше вовлечены во взаимодействие в рамках НАТО. Тем не менее, появление даже такого «вторичного» формата субрегионального взаимодействия являлось значительным достижением для североевропейских стран. Более того, существуют вопросы, которым североевропейские государства уделяют особое внимание, но в зоне интересов НАТО они занимают периферийное положение. Одним из ярких примеров долгое время являлся арктический вопрос, который в последние годы стремительно секьюритизируется и в дискурсе НАТО, однако приобретает новое значение и для всех новых неарктических государств [45]. Сотрудничество по таким «уязвимым» направлениям на субрегиональном уровне закрывает пробелы в военно-оборонной сфере. Однако ввиду крайней напряженности в отношениях между Россией и сообществом западных стран наиболее вероятным является укрепление сотрудничества Северной Европы и НАТО для противостояния возможной угрозе со стороны «восточного соседа» североевропейского субрегиона. Такая динамика с высокой долей вероятности сделает самостоятельный субрегиональный формат оборонного сотрудничества несостоительным и существующим лишь на бумаге, границы которого к тому же могут размыться до североевропейско-прибалтийского приложения к НАТО [46].

Несмотря на то, что важность NORDEFCO как механизма сглаживания неравномерной блоковости североевропейских государств падает, эта система сотрудничества потенциально может оставаться важным элементом североевропейского сотрудничества для укрепления синергетических усилий стран в области безопасности, если государства субрегиона смогут реализовать заявленные амбициозные цели по выработке новой концепции развития NORDEFCO с учетом происходящих мирополитических сдвигов. Однако декларируемая адаптация NORDEFCO под новые условия зафиксирована лишь в нескольких узкоспециализированных программных документах и не является ключевой точкой риторики североевропейских политиков. На данный момент их основной фокус внимания лежит в атлантическом направлении – форматы сотрудничества более низкого уровня оказались во всепоглощающей тени НАТО.

Библиография

1. Надточей Ю. И. Военно-политические аспекты субрегиональной интеграции в Европе // Знание. Понимание. Умение. 2017. №1. С. 175-184.
2. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Воронков Л. С. «Северное сотрудничество» и особенности североевропейской интеграции / М.: МГИМО-Университет, 2016.
4. Воронов К. В. Северные страны в трансатлантическом партнерстве: проверка на прочность // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №3. С. 27-35.
5. Græger N. Illiberalism, geopolitics, and middle power security: Lessons from the Norwegian case // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2019. 71(1). Pp. 84-102.
6. Gleditsch N. P. The strategic significance of the Nordic countries // Current Research on Peace and Violence. 1986. 9(1/2). Pp. 28-42.
7. Padelford N. Regional Cooperation in Scandinavia // International Organization. 1957. 11(4). Pp. 597-614.
8. Ørvik N. Nordic Cooperation and High Politics // International Organization. 1974. 28(1). Pp. 61-88.
9. Журавель В. П. Сотрудничество стран Северной Европы в военной сфере и тенденции его развития // Зарубежное военное обозрение. 2017. №4. С. 23-29.
10. Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. М.: Весь Мир, 2008.
11. Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / Отв. ред. Н. К. Арбатова.-М. : ИМЭМО РАН, 2009.
12. Бабынина Л. О. Референдум об отмене исключений в сфере обороны ЕС в Дании // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. №19. С. 73-79.
13. Плевако Н. С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. №2. С. 24-31
14. Naper A. A. Compassionate Border Securitisation? Border Control in the Scandinavian News Media during the «Refugee Crisis» // Nordic Journal of Migration Research. 2022. 12 (1). Pp. 4-20.
15. Bailes A., Herolf G., Sundelius B. (Eds.) The Nordic Countries and the European Security and Defence Policy. New York: Oxford University Press, 2006.
16. NORDEFCO Annual Report 2019 // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website].
<https://www.nordefco.org/Files/Nordefco%20Annual%20Report%202019%20Webb.pdf>

- (дата обращения: 03.01.2023).
17. Nordic defence cooperation strengthens regional stability // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/nordic-defence-cooperation-strengthens-regional-stability> (дата обращения: 03.02.2023).
  18. Speech by Permanent Secretary Arto Räty at the European Security: Military and Political Approach-conference in Moscow // Ministry of Defence of the Finnish Government: [official website]. URL: https://www.defmin.fi/en/topical/speeches/speech_by_permanent_secretary_arto_raty_at_the_european_security_military_and_political_approach_-conference_in_moscow.5521.news (дата обращения: 05.03.2023).
  19. Wilhelmsen J. Spiraling toward a New Cold War in the North? The Effect of Mutual and Multifaceted Securitization // Journal of Global Security Studies. 2021. 6 (3). Pp. 1-19.
  20. Friis K. Analyzing Security Subregions: Forces of Push, Pull, and Resistance in Nordic Defense Cooperation // Journal of Global Security Studies. 2021. 0(0). Pp. 1-18.
  21. Надточей Ю. И. Оборонное сотрудничество в Европе: субрегиональный уровень // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3(48). С. 134-143.
  22. Надточей Ю. И. Модели оборонной кооперации на Северном и восточном фланге ЕС (опыт «Нордена» и Вишеградской группы) // Сравнительная политика. 2018. №2. С. 26-40.
  23. Комиссаров Ю. Д. Безопасность и сотрудничество: опыт европейского Севера / М.: Междунар. отношения, 1989.
  24. Wæver O. Nordic nostalgia: Northern Europe after the Cold War // International Affairs. 1992. 68(1). Pp. 77-102.
  25. Haugevik K., Svendsen Ø., Creutz K., Olesen M. R., Regnér A. L., Schmidt J. L. Security debates and partnership choices in the Nordic states: From differentiation to alignment. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), 2022.
  26. New vision for Nordic defence cooperation a priority during Sweden's 2023 chairmanship of NORDEFCO // Government Offices of Sweden: [official website]. URL: <https://www.government.se/articles/2023/02/new-vision-for-nordic-defence-cooperation-a-priority-during-swedens-2023-chairmanship-of-nordefco/> (дата обращения: 26.03.2023).
  27. Воронов К. В. Страны Севера и новая трансформация системы европейской безопасности в постбиполярный период (1990-е годы) // Северная Европа: Проблемы истории. М.: Наука, 1999. С. 265-284.
  28. Memorandum of understanding on Nordic defence cooperation // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO) [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/files/Design/ARMA/NORDEFCO%20MoU.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).
  29. Speech by Minister for Defence Peter Hultqvist at Hanating, 17 November 2020 // Government Offices of Sweden: [official website]. URL: <https://www.government.se/speeches/2020/11/speech-by-minister-for-defence-peter-hultqvist-at-hanating-17-november-2020/> (дата обращения: 15.02.2023).
  30. NORDEFCO Annual Report 2020 // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/files/NORDEFCO-annual-report-2020.pdf> (дата обращения: 05.03.2023).
  31. First meeting between NORDEFCO and the United States at the military level // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/First-meeting-between-NORDEFCO-and-the-United-States->

- at-the-military-level (дата обращения: 11.03.2023).
32. Græger N. From «forces for good» to forces for «status»? // Small State Status Seeking. London: Routledge, 2014. Pp. 86-107.
  33. Северный союз // Российский совет по международным делам: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnyy-soyuz/> (дата обращения: 23.01.2023).
  34. Thorhallsson B. How Do Little Frogs Fly?: Small States in the European Union. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), 2015.
  35. Худолей К. К, Ланко Д. А. Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63 (№ 3). С. 13-20.
  36. Goverment's Defence Report 2017 // Ministry of Defence of the Finnish Government: [official website]. URL: https://www.defmin.fi/files/3688/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf (дата обращения: 05.01.2023).
  37. Minister of Defence Jussi Niinistö at the Security Seminar in Stockholm // Ministry of Defence of the Finnish Government: [official website]. URL: https://www.defmin.fi/en/topical/speeches/minister_of_defence_jussi_niinisto_at_the_security_seminar_in_stockholm.8587.news (дата обращения: 26.01.2023).
  38. Данилов Д. А. Финляндия и Швеция на пути в НАТО // Обозреватель. 2022. №5-6. С. 27-39.
  39. Saxi H. L. Alignment but not Alliance: Nordic Operational Military Cooperation // Arctic Review on Law and Politics. 2022. 13. Pp. 53-71.
  40. Wegge N. The Strategic Role of Land Power on NATO's Northern Flank // Arctic Review on Law and Politics. 2022. 13. Pp. 94-113.
  41. «У России станет больше врагов» Финляндия и Швеция скоро вступят в НАТО. Чем это угрожает России? // Сетевое издание «Лента.Ру»: [сайт]. URL: https://m.lenta.ru/articles/2022/04/27/fin_sve/ (дата обращения: 15.01.2023).
  42. Opening speech by the Minister for Defence Pål Jonson at the conference on security and defence within the framework of Sweden's presidency of the EU // Government Offices of Sweden: [official website]. URL: <https://www.government.se/speeches/2023/02/opening-speech-by-the-minister-for-defence-pal-jonson-at-the-conference-on-security-and-defence-within-the-framework-of-swedens-presidency-of-the-eu/> (дата обращения: 21.03.2023).
  43. Nordic Defence Cooperation Vision 2025 // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/Files/nordefco-vision-2025-signed.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).
  44. Лучко М. Л. Позиции стран Северной Европы через призму международных рейтингов // Современная Европа. 2020. №3. С. 83-95.
  45. Воронов К. В. Северные страны и Россия: «неприкосновенный запас» прочности двухсторонних отношений // Современная Европа. 2021. №1. С. 33-40.
  46. Ålander M. End of an era: Future of Nordic security from a Finnish perspective. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию особенностей и перспектив Североевропейского оборонного сотрудничества (NORDEFCO) в контексте нарастающей конфронтации между Россией и странами Запада. Автор фокусируется на специфике взаимодействия Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании и Исландии в сфере безопасности и выявляет несколько сценариев развития этого сотрудничества. Принимая во внимание современные геополитические реалии, актуальность такой постановки проблемы сомнений не вызывает. Что касается методологической основы исследования, то она ясно не определена автором. Поначалу складывается впечатление, что автор опирается на теорию "комплексов региональной безопасности" Б. Бузана и О. Уэвера. Так, в начале второго раздела статьи автор дает цитату командующего силами обороны Финляндии относительно общности угроз и вызовов, стоящих перед странами Северной Европы, а также ссылается на выступление А. Рати. Это представляется автору достаточным для того, чтобы говорить о существовании "североевропейского комплекса региональной безопасности". В заключении автор вскользь упоминает о "секьюритизации арктического вопроса". Очевидно, однако, что если речь идет о процессе секьюритизации, то в нем должно быть задействовано гораздо большее количество акторов, причем из всех стран стран Северной Европы (а не только из Финляндии). В остальных разделах статьи автор сосредотачивается на описании структуры, функций и основных сфер деятельности NORDEFCO, не предпринимая исследования взаимного влияния процессов секьюритизации (т.е., социального конструирования угроз) и распределения/перераспределения материальной мощи. Хотя только на основе такого анализа можно было бы говорить о существовании "североевропейского регионального комплекса безопасности". При этом автор добивается большего успеха в применении метода построения сценариев, хотя этот метод и не упомянут в тексте. По причине названных методологических недостатков научная новизна работы представляется неочевидной, тем более что автор четко не формулирует - в чем именно заключается вклад статьи в существующую литературу?

Также вызывает вопросы название статьи в части упоминания "постбиполярного периода", который, как известно, начался после распада СССР. Однако, исследуемая в статье NORDEFCO была создана в 2009 году, что ограничивает временные рамки работы последними 14 годами. Кроме того, в самом тексте также встречаются неточности. Например, автор использует выражение "внебазовая политика", хотя скорее всего речь идет о "внеблоковой политике". Также представляются неудачными такие выражения как "крупный импульс" и "биполярные сверхдержавы". Относительно последнего примера отмечу, что "биполярность" это свойство системы, а не отдельных государств. Что касается библиографии, то автор привлекает достаточно широкий круг первичных и вторичных источников. Однако, можно порекомендовать обратить внимание на такие работы как - 1) Худолей К., Ланко, Д. Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения, 2019, № 3; 2) Thorhallsson, B. The Role of Small States in the European Union, Aldershot: Routledge, 2000; 3) Carvalho, B., Neumann, I. Small State Status Seeking: Norway's Quest for International Standing. Abingdon: Routledge, 2014.

В целом, рукопись производит достаточно благоприятное впечатление и при условии исправления названных недочетов может представлять интерес для читательской аудитории журнала "Мировая политика".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является процесс и институты обеспечения североевропейского субрегионального сотрудничества в области безопасности и обороны. Учитывая тот факт, что в ближайшем будущем Финляндия и Швеция завершат процесс вступления в НАТО, что косвенно говорит об отсутствии у них уверенности в достаточности формата NORDEFCO для обеспечения их безопасности, актуальность темы оборонного сотрудничества европейских государств как альтернативы и/или дополнения НАТО трудно переоценить. Методологический базис рецензируемого исследования помимо вполне очевидного в данном контексте системного подхода составило удачное сочетание реалистского (геополитическая составляющая) и конструктивистского (теория (де-)секьюритизации) принципов в концепции региональных комплексов безопасности Б. Бузана и У. Уэвера. Довольно обстоятельно рассмотрев основные подходы к исследованию процессов обеспечения региональной безопасности, свой методологический выбор в пользу инструментария Копенгагенской школы международных отношений автор вполне справедливо объясняет более высокими эвристическими возможностями этого инструментария при изучении функционирования регионов в постбиполярном мире. Вполне корректное применение описанной методологии позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, эта новизна обусловлена самим комплексным подходом к изучению выбранных кейсов в контексте концепта европейского субрегионального сотрудничества. Кроме того, научный интерес представляет вывод автора о дополнительности субрегиональных оборонных союзов с общеевропейскими и трансатлантическими. При этом в работе признаётся, что субрегиональные форматы вроде NORDEFCO испытывают давление со стороны более глобальных форматов, ставя под вопрос само существование субрегионального сотрудничества, делая его «несостоятельным и существующим лишь на бумаге». Это делает необходимым реформирование субрегиональных организаций с целью их адаптации под задачи «синергетических усилий» в области безопасности вместе с организациями более высокого уровня. В структурном плане работа производит вполне положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные моменты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где формулируется научная проблема, аргументируется её актуальность, проводится краткий, но обстоятельный обзор основных подходов к исследованию этой проблемы, а также теоретико-методологическая рефлексия; - «Особенности североевропейского сотрудничества в области обеспечения национальной безопасности после окончания холодной войны», где исследуется специфика взаимодействия стран Северной Европы в области обеспечения безопасности на современном этапе развития международных отношений; - «NORDEFCO как ключевой формат североевропейского оборонного сотрудничества», где раскрывается история и основные характеристики NORDEFCO как одного из ключевых институтов обеспечения безопасности для североевропейских стран; - «Построение сценариев развития североевропейского сотрудничества в сфере безопасности», где с учётом выявленного в предыдущем разделе кризиса NORDEFCO выделяются четыре возможных сценария развития оборонного сотрудничества североевропейских стран; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. В отношении стиля рецензируемую статью также можно квалифицировать в качестве научной работы, оставляющей вполне положительное впечатление. В тексте встречается некоторое количество опечаток (например: «Особенности североевропейского сотрудничества... после окончания холодной войны»; или другой пример: «...Для

укрепления синергетических усилий стран в области безопасности...»), но в целом он написан грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 46 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам представлена в достаточно качественном обзоре литературы по теме работы. В числе достоинств рецензируемой статьи специально следует упомянуть об использовании автором иллюстративного материала – таблицы, в которой резюмированы возможные сценарии развития регионального комплекса безопасности североевропейских стран.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты обладают признаками научной новизны, соответствуют тематике журнала «Мировая политика» и будут представлять интерес для политологов, специалистов в области государственного управления, государственной безопасности, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Гавриленко Н.В. — Украинский вектор внешней политики Великобритании на фоне российской специальной военной операции // Мировая политика. – 2023. – № 2. – С. 59 - 73. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.40649 EDN: RGUFRA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40649

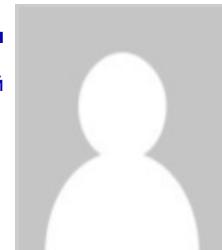
Украинский вектор внешней политики Великобритании на фоне российской специальной военной операции

Гавриленко Никита Владиславович

магистр, кафедра Прикладного анализа международных проблем, Московский государственный институт международных отношений (Университет)

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76

✉ gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru

[Статья из рубрики "Международные конфликты"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.2.40649

EDN:

RGUFRA

Дата направления статьи в редакцию:

04-05-2023

Дата публикации:

05-07-2023

Аннотация: Статья посвящена внешнеполитической деятельности Великобритании на украинском направлении в контексте специальной военной операции РФ. Автором рассматриваются исторические предпосылки вовлеченности Соединенного Королевства в конфликт, в частности раскрываются процесс формирования модели поведения государства на международной арене и этапы развития двусторонних отношений между Лондоном и Киевом. Также в исследовании определяется значимость рассматриваемых событий в Восточной Европе для Великобритании как державы с глобальными амбициями. В качестве теоретической основы статьи используется научная исследовательская программа реализма, а методологической — историко-генетический метод, дискурс-анализ и методика декомпозиции проблемного узла. В ходе работы над исследованием была предпринята попытка систематизировать все цели и интересы, которые преследует Соединенное Королевство. Был сформулирован вывод, что Лондон оказывается вовлечен в кризис на Украине по целому ряду причин, которые носят национальный, региональный и глобальный характер. Все усилия политического

руководства направлены на то, чтобы отвлечь внимание британских подданных от внутриполитических проблем, укрепить позиции государства на европейском континенте и не позволить Российской Федерации выполнить поставленные стратегические задачи, тем самым открывая для себя новые возможности в других регионах мира.

Ключевые слова:

Великобритания, Украина, Российская Федерация, Специальная военная операция, Украинский конфликт, Суверенитет, НАТО, Глобальная Британия, Демократия, Европа

Теоретико-методологическая основа исследования

С началом специальной военной операции (СВО) Российской Федерации на территории Украины конфликт между Москвой и Киевом приобрел полномасштабный характер. Однако противостояние не ограничивается столкновениями вооруженных сил и комментариями представителей власти двух соседствующих государств. Вовлеченные сторон, преследующих собственные интересы в данном конфликте, гораздо больше. И Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии не является исключением. Оказывая военную, финансовую и гуманитарную помощь Киеву и всячески осуждая действия Москвы, Лондон исходит из своей внутриполитической ситуации и изменяющегося международного политического ландшафта. В связи с этим, задача исследования состоит в том, чтобы подтвердить принципиальное значение нынешних событий в Восточной Европе для Великобритании за счет анализа особенностей ее взаимодействия с Украиной и определения предпосылок, побуждающих Королевство принимать активное – хоть и опосредованное – участие в конфликте.

При попытке определить логику поведения Лондона в рассматриваемом контексте были использованы положения научной исследовательской программы реализма (в соответствии с концепцией И. Лакатоса) [1]. Что касается методологической составляющей исследования, то для получения наиболее четкого представления о действиях британского истеблишмента были применены: историко-генетический метод, применяемый для объяснения становления паттернов поведения государства, в данном случае – Соединенного Королевства, – на международной арене; дискурс-анализ, необходимый для определения образов и представлений, которые применяются для того, чтобы обосновать оказание Лондоном помощи Киеву в противостоянии с Москвой; методика декомпозиции проблемного узла, а именно построение проблемного дерева, которое позволяет выделить набор вызовов и соответствующих интересов, присутствующих в рамках рассматриваемой ситуации и влияющих на ее развитие.

Историческое обоснование вовлеченности Великобритании в Украинский конфликт

Во внешней политике Лондон долгое время исходил из логики баланса сил. Для того, чтобы не допустить укрепления позиций других влиятельных игроков, он был готов сотрудничать со странами, которые придерживаются иных ценностей. На фоне этого возникало противоречие между принципами и национальными интересами.

Изменения стали происходить после Первой Мировой войны, когда премьер-министр Британии Д. Ллойд Джордж принимал активное участие в формировании нового формата взаимодействия на международной арене. Тогда были заложены основы универсальным нормам, в частности феномену «самоопределения». Был провозглашен отказ от диалога с нелегитимными режимами, а на смену балансу сил пришла идея создания «сообщества

силы», цель которого – предоставлять защиту жертвам агрессии. Таким образом начался переход от национальных интересов к либеральным принципам, которые должны были распространиться на все человечество [\[2\]](#).

Через почти три десятилетия, во время Второй Мировой войны, Ф. Рузвельт и У. Черчиль подpisали Атлантическую хартию, в которой было изложено видение нового мирового порядка и произошел отказ от идеи расширения территории как явления в международных отношениях. Вместо этого в качестве главного принципа внешней политики Великобритании стала объявляться защита не только своего национального суверенитета, но и других государств [\[3\]](#).

Опираясь именно на эти постулаты, Соединенное Королевство взяло на себя обязательство помогать Украине. В 1994 г., наряду с США и РФ, оно выступило в качестве гаранта соблюдения положений Будапештского меморандума. В нем говорилось об уважении независимости, суверенитета и существующих границ Украины, а также о необходимости оказывать помощь Киеву, если он станет жертвой нападения [\[4\]](#).

Рассмотренные случаи демонстрируют воспринимаемый переход к идеализму в международных отношениях. Но реальность такова, что универсальные нормы, о которых говорят сторонники данного подхода, навязываются другим странам и становятся инструментами реализации государствами-победителями собственных интересов [\[5\]](#). И как бы ни выступали против апологеты либеральной идеи, в международных отношениях доминирует реализм, опирающийся на идею противостояния великих держав. Главные аспекты подхода – баланс сил и распределение возможностей – определяют формат конкуренции за лидерство в мире. Это соперничество зачастую происходит в государствах, представляющих региональное значение. К ним относится и Украина, о чем осведомлена Великобритания, которая обращается к своим историческим принципам внешней политики, включающим маневрирование и применение всевозможных инструментов для достижения самых амбициозных целей [\[6\]](#).

В 2008 г. началось активное развитие отношений между двумя странами, и первым шагом со стороны Королевства было одобрение попыток Киева сблизиться с ЕС. Украина, в свою очередь, рассчитывала на помощь в процессе присоединения к НАТО, поэтому ею было принято решение укреплять сотрудничество с Лондоном в сфере обороны. На фоне этого было подписано Совместное заявление, впервые отметившее «стратегический» характер отношений двух государств (*A look at the UK's strategic partnership with Ukraine / GEDES, March 21, 2022*). Но ситуация складывалась не так, как хотелось Британии.

В 2009 г. Украина отложила идею вступления в Североатлантический альянс до более подходящего момента после того, как Германия, Франция и ряд других государств-членов выступили против присоединения страны к блоку. Учитывая новые условия, Соединенное Королевство посчитало целесообразным лobbировать в ЕС решение о заключении соглашения об ассоциации с Киевом. Но в 2013 г. президент В. Янукович в последний момент отказался подписывать подготовленный документ, что было расценено как попытка сближения с Россией [\[7\]](#). Следствием данного решения стал Евромайдан.

С 2014 г. Британия стремится нарастить экономическое и оборонное сотрудничество с Украиной, тем самым повышая способности последней сдерживать конфликт с Луганском и Донецком. В том же году на Саммите НАТО в Уэльсе Лондон добился двойного успеха: смог убедить страны подготовить итоговое коллективное заявление, выгодное для

Киева, а также был выбран главным партнером в рамках деятельности трастового фонда альянса, направленной на развитие ВСУ (*A look at the UK's strategic partnership with Ukraine / GEDES, March 21, 2022*).

Помимо поддержки в рамках военного блока Британия инициировала «Программы помощи в проведении реформ» на Украине с целью повысить уровень государственного управления и оказать содействие в реализации экономических преобразования в стране. Косвенно это привело к развитию торговых связей между двумя государствами. В октябре 2020 г. Великобритания и Украина подписали «соглашение преемственности», которое стало преобразованным вариантом соглашения между Киевом и Брюсселем. Необходимость данного шага была обусловлена подготовкой Соединенного Королевства к выходу из Европейского союза. Кроме того, сторонами было подписано «Соглашение о политическом сотрудничестве, свободной торговле и стратегическом партнерстве», ставшее воплощением договоренностей об усилении сотрудничества в военной и военно-политической сферах [\[8\]](#). Данные решения приобрели еще большую значимость после окончания процедуры Brexit. В стратегии «Глобальная Британия», принятой в 2021 г., Украина упоминается дважды, причем основной акцент делается на повышении ее сопротивляемости угрозам национальной безопасности и намерении продолжать наращивать возможности ВСУ [\[9\]](#).

Несмотря на развитие торгово-экономических связей, нельзя сказать, что они имеют принципиальное значение для Великобритании. Согласно отчету, опубликованному на сайте правительства, к концу второго квартала 2022 г., с учетом трех предыдущих, Украина занимала 69-е место в списке крупнейших партнеров Соединенного Королевства – на нее приходится 0,1% от всей торговли с контрагентами. Примечательно, что торговый баланс за этот период был отрицательным: Лондон экспортирует товары и услуги на сумму 826 млн ф. ст., а импортирует – на 1 млрд ф. ст. По сравнению с показателями за тот же промежуток времени, но годом ранее, можно отметить рост уровня взаимной торговли на 16,6% – или на 264 млн ф. ст., – причем наибольший прирост наблюдался во взаимной торговле услугами (*Trade & Investment Factsheets. Ukraine / GOV.UK, November 19, 2022*).

Исходя из всего вышеприведенного, можно заключить, что невзирая на скромные показатели взаимной торговли, Соединенное Королевство все равно видит в Киеве важного стратегического партнера в Европе, который при этом не входит в ЕС. Для того, чтобы иметь вес в регионе недостаточно поддерживать контакты с бывшими коллегами по объединению – какой бы степенью солидарности ни определялись действия «коллективного Запада», у стран внутри интеграционной группировки есть свои национальные интересы, которые могут вступать в противоречие с британскими из-за относительных выгод, которые, с точки зрения научной исследовательской программы реализма, представляют больший интерес, нежели абсолютные [\[10\]](#). В связи с этим, Лондону необходимо наращивать всевозможные связи за пределами союза, чтобы получать конкурентные преимущества в борьбе за лидерство на европейском континенте [\[11\]](#). Что касается Украины, то она смогла заручиться поддержкой влиятельного актора международных отношений в намерении восстановить территориальную целостность после того, как в 2014 г. Крым вернулся в состав РФ, а также углубить политико-дипломатический диалог, способствовавший наращиванию экономических и иных связей [\[12\]](#).

Специальная военная операция РФ на территории Украины и ответ Великобритании

Начало СВО не ввергло в шок правительство Соединенного Королевства, поскольку разведка страны, совместно со своими партнерами по организации «Пять глаз» (в которую входят также Австралия, Канада, Новая Зеландия и США), смогла получить сведения о «готовящемся Россией нападении» и передать их Киеву (*Ukraine has been a rare success for UK foreign policy / Financial Times, April 11, 2022*). Успешная деятельность соответствующих служб повышает значимость Великобритании как важного союзника Украины, а также укрепляет позиции страны на европейском континенте. Пока Берлин и Париж отказывались верить в намечающееся столкновение вооруженных сил двух крупнейших по территории государств региона, надеясь разрешить противоречия дипломатическим путем, Лондон готовился к конфликту. Как отмечают аналитики, если бы не «быстрые и отважные» действия стран «англосферы», Украина могла бы уже быть поверженной, а «свободная демократическая» Европа находилась бы в длительном отступлении (*Boris Johnson is using Ukraine crisis to launch a British comeback in Europe / Guardian, May 15, 2022*).

В феврале 2022 г. правительство Великобритании заняло довольно ожидаемую позицию в отношении действий российских вооруженных сил и президента В. Путина. На основе анализа выступлений и статей премьер-министра Б. Джонсона, министра иностранных дел Л. Трасс, а также представителей Соединенного Королевства в таких международных структурах, как ООН (Генеральная Ассамблея и Совет по правам человека) и ОБСЕ, удалось сформировать представление о дискурсе, который британский политический истеблишмент пытался распространить на протяжении первого месяца конфликта и которому продолжал следовать в дальнейшем.

Прежде всего, необходимо заметить, что ключевой фигурой, на которой делается акцент в проанализированных выступлениях и статьях, является президент РФ. С самого первого дня специальной военной операции британское правительство пыталось подчеркнуть, что происходящие события – это исключительно стратегия реализации В. Путиным своих «имперских амбиций» (*Prime Minister's speech in Poland on the Russian invasion of Ukraine: 1 March 2022 / GOV.UK, March 1, 2022*), что несильно отличается от того образа, который пытались сформировать на Западе в предыдущие годы [\[13\]](#). Так, практически во всех рассматриваемых текстах можно было встретить указание на то, что Лондон борется не с самой Россией как «великой страной с богатой историей и народом, которому есть, чем гордиться», а именно с главой государства и его «режимом». В связи с этим, Б. Джонсон обратился к гражданам РФ на русском языке, заявив (*PM message to the people of Ukraine and Russia: 25 February 2022 / GOV.UK, February 25, 2022*):

«Я не верю, что эта война ведется от вашего имени. Так быть не должно. Этот кризис, эта трагедия может и должна прийти к концу.»

Таким образом премьер-министр рассчитывал призвать население страны выступать категорически против действий своего президента и повлиять на происходящие в соседнем государстве события. Обращаясь к россиянам на родном для них языке, глава британского правительства пытался заслужить их доверие, тем самым имея рычаги давления на политическое сознание жителей РФ.

Делая акцент на фигуре В. Путина, Лондон стремится указать на существование «авторитарного» – или даже «тоталитарного» – режима в стране, что позволяет ему оправдывать участие Соединенного Королевства в событиях на Украине противостоянием либерально-демократического мира с идеологическим конкурентом, представляющим угрозу и нарушающим нормы международного права [\[14\]](#). Этому свидетельствуют, как минимум, два фактора. Во-первых, президент Российской

Федерации описывается как «русский диктатор» (Prime Minister's address to the nation on the Russian invasion of Ukraine: 24 February 2022 / GOV.UK, February 24, 2022), действия которого являются «реваншизмом», направленным на пересмотр сформировавшегося после окончания холодной войны мирового порядка (PM call with NATO leaders: 25 February 2022 / GOV.UK, February 25, 2022). Для этого он отправляет на Украину свою «военную машину» (PM article on Ukraine: 6 March 2022 / GOV.UK, March 6, 2022), одну из наиболее устрашающих в мире, тем самым подрывая «идею единой и свободной Европы» (Prime Minister's speech in Poland on the Russian invasion of Ukraine: 1 March 2022 / GOV.UK, March 1, 2022). Все упомянутые метафоры используются для описания настоящего самовластителя, что и пытаются делать британские политические элиты.

Отдельного внимания в данном контексте заслуживает то, что Л. Трасс, занимавшая на тот момент пост министра иностранных дел, прибегала к использованию фамилии президента России в качестве имени нарицательного. Призывая к преодолению стратегической зависимости, которая ставит под угрозу со стороны «злонамеренных акторов» экономику и безопасность западного мира, она указала на необходимость более решительных действий и демонстрации серьезных намерений в отношении «будущих Путиных» (The era of complacency is over: Atlantic Council Making lecture 2022 by the Foreign Secretary / GOV.UK, March 10, 2022). В представлении Трасс и политического истеблишмента страны в целом нет более жесткого и сурового главы государства, чем президент РФ. В связи с этим, в Лондоне считают, что необходимо предпринимать такие меры, которые бы не позволили появиться лидерам с таким же видением международной среды.

Во-вторых, развивая тезис об идеологической конфронтации, Б. Джонсон и его коллеги указывают на глобальное значение победы над Россией в нынешнем конфликте, поскольку сейчас ведется «борьба не только за свободу Украины и ее право на самоопределение, но и за свободу и безопасность» всего западного мира (Press conference with Baltic Foreign Minister, 3 March 2022: Foreign Secretary's opening statement / GOV.UK, February 25, 2022). В рамках двустороннего телефонного разговора глава британского правительства вместе с премьер-министром Канады Дж. Трюдо подчеркнули, что «нападение Владимира Путина на Украину является нападением на демократические страны повсюду, и миру необходимо держаться вместе и поддерживать украинцев в час нужды» (PM call with Prime Minister Justin Trudeau: 25 February 2022 / GOV.UK, February 25, 2022). В дополнение к этому, после голосования по резолюции, осуждающей действия РФ, представительница Великобритании в ООН Б. Вудворд подчеркнула, что весь «свободный мир на стороне народа Украины» (UN General Assembly vote on Russian aggression against Ukraine, 2 March 2022: UK statement / GOV.UK, March 2, 2022). Это лишь подтверждает тезис о существующем условном разделении мира на два блока, от которого отталкивается Запад, в частности Соединенное Королевство, в своей внешней политике, и нынешний конфликт в Восточной Европе ведется в рамках противостояния между ними.

Еще одной важной составляющей рассматриваемого дискурса является тезис об изоляции Российской Федерации в международном сообществе. Представители Великобритании неоднократно заявляли о том, что вследствие начала СВО от РФ отвернулся весь мир и никто не хочет с ней сотрудничать. В качестве подтверждения своих слов политики и дипломаты ссылаются на результаты голосования в ГА ООН. Так, 10 марта 2022 г., Л. Трасс выступила с лекцией в рамках мероприятия Атлантического совета. Одним из ее главных тезисов был (The era of complacency is over: Atlantic Council Making lecture 2022 by the Foreign Secretary / GOV.UK, March 10, 2022):

«На заседании Генеральной Ассамблеи ООН 141 государство проголосовало за осуждение действий России. Единственными сторонниками России оказались Сирия, Эритрея, Беларусь и Северная Корея. Мы никогда бы не подумали, что РФ сможет опуститься до такого уровня: за исключением Эритреи, ее единственные союзники – это вассальное государство, государство-изгой и государство во главе с военным преступником. Путина избегают, и он находится в изоляции. Он сделал свою страну глобальным изгоям».

Используя подобного рода высказывания, Соединенное Королевство пытается создавать дополнительное давление на руководство Российской Федерации, принуждая идти на уступки и положить конец военной операции, что означало бы геополитический проигрыш Москвы. Объясняется это тем, что международной изоляцией РФ с гораздо большей вероятностью закончится не продолжение конфликта на Украине, а неудачное завершение реализации стратегических задач, которые на данный момент стоят перед вооруженными силами и командованием. Иными словами, поражение может привести к тому, что дискурс, который навязывается британскими политиками и дипломатами, станет реальностью.

Помимо рассмотренных выше проявлений антироссийской риторики следует рассмотреть, как описывается в выступлениях сама специальная военная операция. Многие западные политики, включая британских, убеждены, что начало полномасштабного конфликта на Украине – это «ничем не спровоцированное» решение, ответственность за которое несет только президент России. В данном контексте довольно часто используется словосочетание «война по выбору» (Press conference with Baltic Foreign Minister, 3 March 2022: Foreign Secretary's opening statement / GOV.UK, February 25, 2022). Ранее оно использовалось Р. Хаасом в книге «Война по необходимости, война по выбору» в отношении действий США на Ближнем Востоке. Употребление данного термина, по нашему мнению, является спорным, хотя и соответствует логике коллективного Запада. Согласно определению З. Бжезинского, рассматриваемый феномен является стремлением «изменить характер других государств и оправдывать начало кампании амбициозными идеологическими и моральными целями» – именно от такого представления отталкивается Лондон. Однако в своей рецензии на труд Хааса бывший американский политик отмечает, что до тех пор, пока неизвестен результат конфликта, нельзя однозначно определить разницу между необходимостью и выбором [15]. у Российской Федерации свое обоснование происходит на Украине событиям, у «коллективного Запада» – свое оправдание использованию такой риторики. И только окончание СВО сможет рассудить противостоящие друг другу стороны.

Что касается Украины, то вокруг нее Соединенное Королевство сформировало прямо противоположный дискурс, который отвечает его геополитическим интересам. 1 марта 2022 г., во время своего визита в Эстонию, Б. Джонсон заявил следующее (Prime Minister's speech in Estonia on the Russian invasion of Ukraine: 1 March 2022 / GOV.UK, March 1, 2022):

«Суверенный и демократический народ борется за свое существование против врага, который желает подчинить его силой. Когда мы осознали, насколько ужасающие большими оказались амбиции президента Путина, мир поступил совершенно правильно, объединившись в восхвалении доблести и храбрости украинского народа, во главе которого стоит президент Владимир Зеленский».

Для того, чтобы дискурс о «диктаторе Путине» оказался убедительным, а опосредованное участие Великобритании в конфликте в Восточной Европе было

оправданным, прежде всего для собственного населения, Лондону было крайне необходимо создать противоположный российскому образ Украины. Так, она предстает государством, которое якобы стремится стать полноценной демократией, но которому мешает на этом пути сосед. 25 февраля, сразу после рассмотренной ранее реплики на русском языке, Джонсон перешел на украинский и сказал, что «миру нужна свободная и суверенная Украина» (PM message to the people of Ukraine and Russia: 25 February 2022 / GOV.UK, February 25, 2022). В связи с этим, правительство Соединенного Королевства всячески пыталось продвигать идею о том, что Киеву необходимо оказать всевозможную поддержку и нужно превозносить его за доблесть и мужество в борьбе со страной, превосходящей его по мощи.

Наконец, важно проанализировать то, каким Лондон видит себя на фоне происходящих событий. Для успешной реализации стратегии «Глобальная Британия» Соединенному Королевству необходимо создать образ актора, активно вовлеченного в управление мировыми политическими процессами и стремящегося за счет этого повысить свою значимость на международной арене [\[16\]](#). По этой причине консервативное правительство прибегает к следующим репликам (Press conference with Baltic Foreign Minister, 3 March 2022: Foreign Secretary's opening statement / GOV.UK, February 25, 2022):

«Мы усиливаем восточный фланг НАТО и поддерживаем безопасность в Европе за счет Объединенных экспедиционных сил, возглавляемых Соединенным Королевством. В том, что касается оказания поддержки Украине оборонительным вооружением, Великобритания стала первой европейской страной, которая предоставила его Киеву, и сейчас мы также оказываем гуманитарную помощь. Мы взяли на себя обязательство предоставить помочь в размере 220 млн ф. ст., и мы являемся крупнейшим донором в Европе. Помимо этого, мы находимся на передовой при оказании серьезного давления на Кремль посредством санкций, и сейчас крайне важно не сбавлять его».

Нarrатив ответственного глобального игрока, для которого важны безопасность и благополучие других государств, имеет ключевое значение для Великобритании. Он позволяет задавать тон при реализации коллективных действий прогрессивного западного мира как на уровне НАТО, так и на государственном уровне. За счет таких действий Лондон получает возможность поставить в невыгодное положение своих главных конкурентов в Европе – Германию и Францию.

Важно подчеркнуть, что меры и действия, предпринимаемые Соединенным Королевством на практике, не сильно отличаются от заявленных целей и сформировавшегося вокруг рассматриваемого конфликта дискурса. Так, согласно докладу К. Миллса, подготовленному для Палаты общин, по состоянию на 21 февраля 2023 г. Великобритания оказала Украине военную помощь на сумму 2,3 млрд ф. ст., причем 250 млн ф. ст. были пожертвованы в Международный фонд для Украины. По данному показателю Соединенное Королевство занимает второе место после США (29 млрд долл. США). В совокупности с экономической и гуманитарной помощью, начиная с февраля 2022 г. Лондон выделил 3,8 млрд ф. ст. (Military assistance to Ukraine since the Russian invasion / UK Parliament, February 21, 2023).

За год конфликта Соединенное Королевство предоставило смертоносное оружие, среди которого противотанковые ракеты, артиллерия, системы ПВО, боевые бронированные машины, бронебойные снаряды и три реактивные системы залпового огня M270. В январе 2023 г. Великобритания объявила о значительном увеличении боевой поддержки, включая поставку 14 танков Challenger II (UK confirms it will send Challenger

2 tanks to Ukraine and pressures Germany to increase support // *Guardian*, January 16, 2023).

Лондон также предоставил более 200 тыс. единиц нелетальной военной помощи, включая бронежилеты, каски, приборы ночного видения, медицинское оборудование и теплую одежду. В ноябре 2022 г. министерство обороны подтвердило, что на Украину был отправлен первый из трех списанных поисково-спасательных вертолетов Sea King (UK to give artillery rounds and helicopters as part of military aid to Ukraine / GOV.UK, November 23, 2022).

Кроме того, в июне 2022 г. Б. Джонсон дал старт программе «Интерфлекс», направленной на обучение до 10 тыс. новых и действующих солдат ВСУ каждые 120 дней. Данная инициатива стала заменой программы «Орбиталь», в рамках которой с 2015 по 2022 гг. военную подготовку прошли более 22 тыс. украинцев и проводились учения в Азовском море [17].

Наконец, в феврале 2023 г. встал вопрос о поставках Киеву реактивных истребителей. Именно это было главной целью визита президента В. Зеленского в Великобританию. Премьер-министр страны Р. Сунак запросил в министерстве обороны анализ существующих возможностей и объявил, что украинские пилоты пройдут соответствующее обучение, на которое, однако, может потребоваться до трех лет (Rishi Sunak may be keen to send Ukraine jets, but trouble is on the horizon // *Telegraph*, February 8, 2023). Но отдельного внимания заслуживает решение Соединенного Королевства поставлять Киеву снаряды, содержащие обедненный уран, что вызвало резонанс в мире ввиду вреда, причиняемого окружающей среде и людям при его применении (Putin says Russia 'will respond' if UK supplies depleted uranium shells to Ukraine / *Guardian*, March 21, 2023).

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что с самого начала специальной военной операции Великобритания занимала жесткую позицию в отношении Российской Федерации, став продвигать идею о необходимости ее изоляции. Активная поддержка Украины обоснована попыткой защитить весь «свободный мир», а также основные нормы и принципы международного права, на которых зиждется межгосударственное взаимодействие. Однако существует целый ряд других причин, которыми обусловливается поведение Соединенного Королевства в данном вопросе.

Во-первых, конфликт на Украине стал «благословением» для бывшего премьер-министра Б. Джонсона, поскольку он позволил отвлечь внимание СМИ и общества от скандалов, связанных с его именем (UK's strong support hides a less glorious past / Chatham House, May 11, 2022). У главы правительства появилась возможность убедить население и политические элиты, оппозиционно настроенные к нему, в существовании более насущной проблемы – угрозы подрыва архитектуры европейской безопасности, – требующей незамедлительного ответа от Лондона. И премьер-министру, так же, как и его преемникам, это удалось. Данный тезис является справедливым по двум причинам.

Согласно опросу общественного мнения, опубликованному 24 января 2023 г. агентством Ipsos, 79% британцев считают, что отказ от решительных действий приведет к наращиванию РФ своей военной активности в Европе и Азии. Примерно столько же опрошенных (78%) убеждены, что важно сохранять ограничения на российские нефть и газ, даже если этой зимой возникнут трудности с отоплением (для сравнения: на первый вопрос в 28 государствах, чье население участвовало в опросе, в среднем дали положительный ответ 63% респондентов. Что касается второго вопроса, то его задавали

лишь в 13 странах, и средний показатель составил 67% Подробнее: Britons more likely to back actions in support of Ukraine than many other countries surveyed / Ipsos, January 24, 2023). Не менее показательным является то, что 70% респондентов поддерживают применение «наиболее суровых» экономических санкций против РФ, и 68% выступают за необходимость оказания поддержки Украине до тех пор, пока российские вооруженные силы не покинут ее территорию.

К ключевым выводам исследования также относятся: 63% британцев выступают за поставки вооружений и систем ПВО ВСУ, 57% – за идею отправки военного контингента в страны НАТО, граничащие с Украиной и 55% – за ограничение импорта газа и нефти из России, даже если это приведет к серьезному повышению цен на энергию и продовольствие. Наконец, меньшинство (33%) поддерживает направление солдат непосредственно в зону боевых действий, и столько же опрошенных хотели бы поддерживать дипломатические отношения с РФ.

Вторая причина связана с межфракционным консенсусом в Палате общин относительно оказания помощи Украине. Это подтвердил лидер Лейбористской партии Кир Стармер во время своего визита в Киев. Им было отмечено, что «по данному вопросу между политическими партиями не будет никаких разногласий, поэтому мы продолжим работать с правительством и обсудим, что еще мы можем сделать в качестве поддержки» (Keir Starmer visits Kyiv to emphasises Labour's backing for Ukraine / Guardian, February 16, 2023). Таким образом Стармер пытается заявить о себе как о надежном партнере и убежденном стороннике украинского народа.

Стоит отметить, что иную риторику представить себе довольно трудно, принимая во внимание значительную поддержку действий Соединенного Королевства со стороны подданных. Лидеру лейбористов, которые имеют все шансы одержать победу на всеобщих выборах в следующем году, крайне необходимо сохранить или приумножить популярность своей партии по мере того, как консерваторы сталкиваются с серьезными социально-политическими и экономическими вызовами, в том числе связанными с антироссийскими мерами. Тем не менее, за счет решений правительства на украинском направлении тори смогли избежать дополнительных проблем, в том числе в Вестминстере.

Во-вторых, перед правительством стояла задача продемонстрировать избирателям правильность решения о выходе из Европейского союза. Будучи членом ЕС, Великобритания была так или иначе институционально ограничена в своих действиях, в частности во внешней политике [\[18\]](#). Теперь же у кабинета министров появилась возможность показать, что Королевство может действовать быстро, решительно, целеустремленно и ответственно, не оглядываясь на своих партнеров. Именно это стало одним из основных стимулирующих факторов при активном введении ограничений против РФ – хотя исследователями отмечается, что еще при Д. Кэмероне сохранение санкционных режимов могло быть связано именно с жесткой риторикой Лондона в данном вопросе [\[19\]](#).

В дополнение к этому, Великобритания смогла взять на себя роль координатора процесса распределения военной экипировки и оборудования, предоставления гуманитарной помощи и сбора доказательств якобы противоправных действий российской стороны (*The Case for an Ambitious British Role in Ukraine's Reconstruction / British Foreign Policy Group, July 4, 2022*). Выполняя эти задачи, государству удалось заработать себе репутацию преданного и гибкого партнера.

В-третьих, конфликт на Украине – это возможность повысить свою значимость в Европе как игрока, влияющего на внутрирегиональные процессы. Великобритания стремится опередить своих главных конкурентов – Францию и Германию, – что подтверждается ее стремительными, решительными и жесткими действиями в отношении России. Кроме того, данный интерес увязывается истеблишментом с дальнейшей судьбой архитектуры безопасности на континенте. Причина заключается в том, что без сохранения устойчивых позиций в Европе, Соединенное Королевство не сможет говорить о наращивании сотрудничества с государствами в других регионах, прежде всего Индо-Тихоокеанском, который имеет особую значимость для страны в рамках реализации стратегии «Глобальная Британия» (The war in Ukraine as a test for «Global Britain» / New Eastern Europe, July 14, 2022). Об этом говорят и представители Палаты общин, члены Комитета по международным делам. В своем обновленном докладе по внешнеполитической доктрине страны они отмечают, что Лондон «не может успешно участвовать в процессах в Индо-Тихоокеанском регионе без крепкой основы в Европе, в особенности учитывая влияние, которым обладают несколько европейских стран в таких международных структурах, как ООН» (Refreshing our approach? Updating the Integrated Review / UK Parliament, December 18, 2022).

В-четвертых, для Британии открывается перспектива присутствия военно-морского флота в непосредственной близости к границам с РФ, что могло бы стать дополнительным рычагом давления на нее. Уже сейчас Соединенное Королевство пытается оказывать его за счет проведения военных учений с Румынией и Молдавией, а также, по некоторым заявлениям, содействуя Украине в нападении на российские корабли в Крыму (Moskau meldet beschädigtes Kriegsschiff / Spiegel, den 29. Oktober, 2022).

Наконец, доступ к Черному морю в перспективе может позволить увеличить масштаб политического, экономического и, возможно, военного взаимодействия с азиатскими странами. Уже сейчас Лондон пытается усилить свое влияние в отношениях с Тбилиси в рамках ежегодного «Стратегического диалога Уордропа», названного в честь Дж. О. Уордропа, британского дипломата, несшего службу в Закавказье в 1919-1921 гг. 26 января 2023 г. министр иностранных дел Соединенного Королевства Дж. Клеверли провел встречу со своим грузинским коллегой И. Дарчиашвили, на которой признал, что «вторжение России на Украину сделало очевидным необходимость развития и углубления сотрудничества со странами, включая Грузию, которые особенно уязвимы перед агрессией России» (UK firms up support for Georgia in annual Wardrop Dialogue / GOV.UK, January 26, 2023). Главой внешнеполитического ведомства Британии была выражена готовность играть ключевую роль в процессе повышения сопротивляемости гибридным угрозам. В ходе встречи министры условились наращивать сотрудничество по ряду приоритетных вопросов, включая стремления Грузии установить более тесные контакты с НАТО посредством «Пакета специализированной помощи».

В-пятых, для правительства крайне необходимо защитить либеральные ценности, которые лежат в основе британского общества и на которых зиждется видение миропорядка, продвигаемого «коллективным Западом». В противостоянии между государствами с «демократическими» и «авторитарными» режимами, в качестве воплощения которого представляется возможным рассматривать Украинский кризис, Королевство заинтересовано в победе первых, поскольку оно к ним непосредственно относится и их возглавляют США, его главный союзник. Безусловно, «особые» отношения между Лондоном и Вашингтоном носят неоднозначный характер, например, ввиду сложностей с заключением соглашения о свободной торговле, что в значительной степени ограничивает связи между ними. Тем не менее, учитывая положения США в

международной иерархии, поражение на Украине – пускай и опосредованное – приведет к серьезному снижению их влияния, а вместе с ними свои позиции будет сдавать и Великобритания. Учитывая ее амбиции, такой исход поставит крест на возможности их реализации. Говоря языком отечественных исследователей-реалистов, Соединенное Королевство не сможет самостоятельно предложить альтернативный вариант глобальной идеологии или прогрессивную стратегию, которые позволили бы говорить о нем как о великой державе, так как оно слишком долго было интегрировано в модель мирового порядка, где доминирующей силой являлись США [\[20\]](#).

В-шестых, британское правительство заинтересовано в победе Украины, поскольку она якобы заявляет о своих стремлениях к полноценному демократическому переходу и окончательному присоединению к «западному сообществу». Для Лондона нынешние события являются способом сигнализировать всему миру, что на международной арене существует актор, на которого можно положиться при борьбе за свободу. Именно за счет активной вовлеченности в Украинский конфликт и помочи Киеву Б. Джонсону удалось уйти с поста премьер-министра как отважному борцу за демократию (*Post-Boris Britain will continue to stand with Ukraine against Putin's war / Atlantic Council, July 8, 2022*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что причины опосредованного участия Великобритании в кризисе в Восточной Европе определяются множеством факторов, которые влияют на политику страны на национальном, региональном и глобальном уровнях. Учитывая некоторые расхождения между государствами-членами Североатлантического альянса в подходах в отношении РФ, Соединенное Королевство стремится действовать самостоятельно, собирая вокруг себя «единомышленников», якобы находящихся под наибольшей угрозой со стороны Москвы. Лондон тем самым стремится взять на себя главную роль в формировании новой архитектуры безопасности в Европе, что, в случае успеха, может оказаться выгодным при выходе в новые регионы.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что действия и цели Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Украинском конфликте в общих чертах объясняются стремлением продемонстрировать собственному населению и мировой общественности самостоятельность во внешней политике и желанием реализовать свои великодержавные амбиции. В дополнение к этому, нынешняя обстановка в Европейском регионе позволяет действовать сообща с оппозиционными силами, переключая их внимание с внутриполитических вызовов на воспринимаемые угрозы мирового масштаба. В отношениях с союзниками Лондон делает ставку преимущественно на те страны, которые находятся в непосредственной близости к РФ и придерживаются наиболее жесткой линии по отношению к ней. Так Британия стремится добиться первенства в Европе, чтобы определять повестку и дальнейшие действия «коллективного Запада» и сигнализировать нынешним и потенциальным партнерам в других регионах о своей готовности быть заслуживающим доверия лидером.

Безусловно, стратегия консервативного правительства привела к серьезным социально-экономическим последствиям, которые добавляются к издержкам от пандемии коронавируса и выхода из ЕС, а также поставили под угрозу положение всей партии. Однако ввиду высоких geopolитических ставок и рисков, Великобритания от выбранного подхода уже не откажется.

Библиография

1. Алексеева Т. А. (2021) Политическая философия: идеино-теоретические основания

- международных исследований: учебное пособие / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет. 236 с.
2. Капитонова Н. К., Романова Е. В. (2016) История внешней политики Великобритании: учебник. М.: Международные отношения. 840 с.
  3. Wertheim S. Tomorrow, the World: The Birth of U.S. Global Supremacy. Cambridge, 2012. 272 p.
  4. Memorandum on Security Assurances in connection with Ukraine's accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 16 p. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%203007/Part/volume-3007-I-52241.pdf>.
  5. Carr E. H. The Twenty Years' Crisis: 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. N.Y.: Perennial, 2001. 244 p.
  6. Ананьева Е. В. (2021) Россия в стратегии национальной безопасности Британии. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 5. №4. С. 453-459. doi: 10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459.
  7. Seldon A., Snowdon P. Cameron at 10. The Inside Story, 2010-2015. William Collins: London, 2015. 939 p.
  8. Чмырева В. А. (2021) Украина, Турция, Великобритания: контуры сотрудничества, риски и возможности для России. Постсоветские исследования. №4(3). С. 226-233.
  9. A Force for Good: Global Britain in a Competitive Age. 114 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_-_the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf.
  10. Истомин И. А. (2021) Логика поведения государств в международной политике. М.: Издательство «Аспект-Пресс». 304 с.
  11. Годованюк К. А. (2021) Украина в контексте внешнеполитических интересов Великобритании. Постсоветские исследования. Т. 4. №5. С. 427-434.
  12. Канарова В. Н., Семенова А. А. (2020) Двухсторонний диалог Украины и Великобритании после Brexit. Постсоветские исследования. Т. 3. №8. С. 685-693.
  13. Дьяченко М. В. (2016) Образ В. В. Путина на страницах русскоязычной британской газеты «Достижения». Вестник магистратуры. №3(54). С. 48-50.
  14. Годованюк К. А. (2020) «Глобальная Британия» в преддверии Брекзита. М.: Институт Европы РАН. 160 с.
  15. Brzezinski Z. (2009) Review: A Tale of Two Wars: The Right War in Iraq, and the Wrong One. Foreign Affairs. Vol 88. 3. PP. 148-152.
  16. Красина Е. А. (2021) Итоги Брексита: Глобальная Британия и противодействие России. Власть. №4. С. 259-263.
  17. Охощин О. В. (2022) Российско-британские отношения: от охлаждения к конфронтации. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 6. №4. С. 472-480. doi: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-472-480.
  18. Кавешников Н. Ю., Матвеевский Ю. А. (2018) Европейский союз: история, институты, политика: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ю. Кавешникова. М.: Издательство «Аспект-Пресс». 320 с.
  19. Капитонова Н. К. (2017) Британские премьер-министры. Политические портреты. М.: Международные отношения. 448 с.
  20. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке:

Учебник (2022) / Под ред. Т. А. Шакleinой, А. А. Байкова. М.: Издательство «Аспект-Пресс». 520 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает украинское направление внешней политики Великобритании с 90-х гг. XX в. по настоящее время. Учитывая высокую степень вовлечённости Соединённого Королевства в украинский конфликт, включая даже открытые поставки вооружения одной из сторон конфликта (не говоря уже о последовательной поддержке Украины на международной арене), актуальность выбранной автором темы трудно переоценить. Методология исследования, согласно декларации самого автора, включает историко-генетический метод, методологический инструментарий дискурс-анализа, а также проблемных узлов. К этому можно добавить институциональный метод, который также явно был использован (но не заявлен) автором. И наоборот, совершенно непонятно, зачем автор привлёк концепцию научно-исследовательских программ И. Лакатоса, учитывая, что его работа исследует политологическую проблематику, но никак не проблемы философии науки. Тем не менее, вполне корректное применение перечисленных выше методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленной автором связи между стремлением элит Великобритании самоутвердиться на международной арене, реализовать свои великодержавные амбиции, и их поддержкой Украины в рассматриваемом конфликте. Научный интерес представляет также заключение автора о попытках переключить внимание населения Великобритании с внутриполитических проблем на внешнеполитическую повестку. Наконец, любопытен вывод автора о стремлении Лондона добиться лидерских позиций в Европе. В структурном плане работа не вызывает особый нареканий. Несмотря на некоторую непропорциональность выделенных автором разделов в структуре статьи (третий раздел можно было бы разбить на два или даже на три), в целом логика текста последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В статье выделены следующие разделы: - вводный «Теоретико-методологическая основа исследования», где несмотря на некоторое несоответствие названия содержанию, ставится научная проблема исследования, обосновывается её актуальность, описывается цель(задача) исследования, а также его теоретико-методологическая база; - «Историческое обоснование вовлеченности Великобритании в Украинский конфликт», где анализируется предыстория и основные факторы стремления Великобритании принять участие в конфликте, разворачивающемся на территории Украины с 2014-го года по настоящее время; - собственно сам опыт этого участия анализируется в разделе «Специальная военная операция РФ на территории Украины и ответ Великобритании», где исследованы три основных аспекта проблемы (и, соответственно, данный раздел можно было бы разделить на три) – основные нарративы и интересы элит (их представления об акторах конфликта, его последствиях для России и Украины, специфика презентации СВО в дискурсе элит и т. д.), военная помощь Украине со стороны Великобритании, общественное мнение Великобритании о российско-украинском конфликте; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. С точки зрения стиля рецензируемую статью можно квалифицировать в качестве научной работы, тем не менее, имеющей некоторые недостатки. В тексте встречается

некоторое количество стилистических (например, повтор однокоренных слов в предложении «...Были применены: историко-генетический метод, применяемый для объяснения...»; или не очень удачное стилистически сочетание «стал объявляться» и «став продвигать» в предложениях «Вместо этого... стала объявляться защита...» и «Великобритания занимала жёсткую позицию..., став продвигать идею...»; или избыточные слова, как слово «воспринимаемый» в предложении «Рассмотренные случаи демонстрируют воспринимаемый переход к идеализму...»; и др.) и грамматических (например, опечатка в предложении «...Произошёл отказ от идеи расширения территории как явления в международных отношениях»; или пропущенная запятая после придаточного предложения, присоединённого союзом «для того, чтобы»: «Для того, чтобы иметь вес в регионе недостаточно поддерживать...»; название «украинский конфликт» также навряд ли следует писать с заглавной буквы, а вот название «Специальная военная операция», напротив, принято писать с прописной буквы; и др.) погрешностей, но в целом текст написан достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в достаточной мере презентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении специфики вовлечённости Великобритании в Специальную военную операцию, проводимую Россией на Украине. Хотя краткий обзор научной литературы по проблематике статьи не помешал бы.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Мировая политика» и будут представлять интерес для политологов, политических социологов, страноведов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика*Правильная ссылка на статью:*

Стенько А.И. — Духовное присутствие Русской Православной Церкви в Африке: текущая ситуация, актуальные риски и потенциальные угрозы // Мировая политика. — 2023. — № 2. — С. 74 - 83. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.40624 EDN: RHKSZL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40624

Духовное присутствие Русской Православной Церкви в Африке: текущая ситуация, актуальные риски и потенциальные угрозы

Стенько Александр Иванович

ORCID: 0000-0002-0951-7597

преподаватель, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ stenko-ai@rudn.ru[Статья из рубрики "Негосударственные акторы международных отношений"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8671.2023.2.40624

EDN:

RHKSZL

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2023

Дата публикации:

05-07-2023

Аннотация: Предмет исследования. Феномен нарастания комплексных юрисдикционно-догматических противоречий между Русской Православной Церковью и Александрийским Патриархатом, который при этом прикладывает все более настойчивые усилия к решению задачи торпедирования миссионерской деятельности РПЦ в Африке. Александрия в данном контексте делает ставку на привлечение на свою сторону влиятельных внешних игроков из числа представителей не только других конфессий, но и светских властей разных стран, особенно США. Цель. Провести ретроспективный обзор ситуации вокруг духовного присутствия Московского Патриархата в Африке, а также анализ актуальной законодательной и институциональной базы, лежащей в основе такого элемента внешней политики США, как продвижение «свободы вероисповедания в мире». Процедуры и методы. Исследование базируется на изучении среди доступных в сети Интернет документов из архивов Александрийской Православной Церкви и госорганов США (Конгресс, госдепартамент), направленных на закрепление сферы

«свободы вероисповедания в мире» в качестве одного из актуальных международных приоритетов политики Вашингтона. Новизна исследования. Проведено комплексное изучение предыстории конфронтации АПЦ с РПЦ, а также реализован анализ разнонаправленного арсенала имеющихся у Вашингтона инструментов для потенциального оказания давления на Московский Патриархат в контексте текущего духовного присутствия РПЦ на Африканском континенте. Результаты. Сформирована целостная картина вариантов взаимодействия Александрийского Патриархата и администрации США в рамках совместных попыток сдержать деятельность Москвы в Африке. Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в образовательной и просветительской деятельности в целях противодействия антироссийской пропаганде США и других стран Запада, все чаще затрагивающей и церковно-религиозное «досье».

Ключевые слова:

Русская Православная Церковь, Александрийский Патриархат, межправославные отношения, свобода вероисповедания, внешняя политика США, РПЦ в Африке, Соединенные Штаты Америки, администрация США, Совет национальной безопасности, Константинопольский Патриархат

Введение - Миссия Московского Патриархата в Африке в центре процесса политизации религии

С 2013 г. в отечественном и зарубежном политологическом дискурсе активно исследуется выявленная М.М.Мchedловой тенденция последовательного усиления религиозного фактора в современной социально-политической сфере на основе двуединого процесса «политизации религии и конфессионализации политики» [1]. Как представляется, за прошедшие десять лет данный феномен перешел из формата «фиксируемого тренда» в разряд «общепризнанного элемента» как внутренней политики многих формально секулярных государств, так и значительной части развивающихся на глобальной арене международных процессов.

Зачастую, особенно в течение крайне турбулентного для мировой политики 2022 года, не в полной мере заметными для неискушенного наблюдателя остаются множающиеся примеры форсированной интеграции религиозно-конфессиональных субъектов и объектов в ткань глобальных политических процессов. Весьма наглядно указанный тренд можно проследить на примере массированного внешнего противодействия, с которым столкнулась Русская Православная Церковь в рамках начатой также в прошлом году миссионерской деятельности на Африканском континенте. Речь идет о нарастающем внешнем общественно-дипломатическом прессинге РПЦ после учреждения в конце 2021 года Патриаршего экзархата Африки во главе с митрополитом Клинским Леонидом (Горбачевым). Главным «критиком» активизации миссионерства Московского Патриархата в регионе ожидаемо становится Александрийская Православная Церковь и ее предстоятель патриарх Феодор II (Хорефтакис), жестко выступающий против новой юрисдикционной структуры РПЦ.

Предыстория вопроса

Создание Патриаршего экзархата Африки явилось де-факто вынужденной ответной мерой на ранее произошедшее (8 ноября 2019 года) признание АПЦ автокефалии

учрежденной вопреки воле РПЦ неканонической религиозной структуры («Православной церкви Украины» под руководством С.Думенко, являвшегося до этого «епископом» другого непризнанного конфессионального объединения - «Украинской православной церкви Киевского патриархата»). После подобного демарша Александрии Священный Синод РПЦ в конце 2019 года постановил вывести «приходы Русской Православной Церкви, находящиеся на Африканском континенте из юрисдикции Александрийского Патриархата и наделить их ставропигиальным статусом, представительство патриарха Московского и всея Руси при патриархе Александрийском преобразовать в приход Русской православной церкви в Каире» [\[2\]](#).

В сентябре 2021 года в справке к журналу Священного Синода РПЦ № 61 указывалось следующее. «После разрыва общения с Александрийским Патриархатом «в Русскую Православную Церковь стали поступать многочисленные прошения о приеме в юрисдикцию Московского Патриархата от клириков Александрийской Церкви, не согласных с решением Патриарха Феодора о признании украинских раскольников и не желающих по этой причине пребывать под его омофором. Русская Православная Церковь воздерживалась от положительного ответа на таковые прошения в надежде на то, что Патриарх Феодор изменит свое решение, а архиереи Александрийской Церкви не поддержат легализацию украинского раскола. К сожалению, этого не произошло. 28 июля 2021 года Предстоятель Александрийской Церкви направил на организованное раскольниками мероприятие в Киеве своего официального представителя епископа Вавилонского Феодора, который огласил приветствие от имени Александрийского Патриарха. А 13 августа 2021 года Патриарх Феодор посетил о.Имврос (Турция) и за литургией, которую возглавил Константинопольский Патриарх Варфоломей, сослужил с главой так называемой «Православной церкви Украины», а затем в ходе отдельной встречи с ним заверил его в своей решительной поддержке. К настоящему времени никто из архиереев Александрийской Православной Церкви не выразил несогласия с действиями Патриарха Феодора по поддержке раскола на Украине» [\[3\]](#).

Ввиду указанных обстоятельств решением Священного Синода от 29 декабря 2021 года в юрисдикцию Московского Патриархата были приняты 102 клирика АПЦ из восьми африканских стран, а также создан Патриарший экзархат Африки, в составе которого были выделены Северо-Африканская и Южно-Африканская епархии [\[4\]](#).

Подобная институционализация духовного присутствия РПЦ в Африке мгновенно вызвала полное неприятие и разнонаправленное противодействие со стороны церковноначалия АПЦ. Уже на следующий день после учреждения Африканского экзархата патриарх Феодор выразил «глубочайшее сожаление в связи с вторжением Русской Церкви в каноническую юрисдикцию Александрии» [\[5\]](#). Впоследствии синод АПЦ на заседании 12 января 2022 года принял заявление, в котором осудил действия Москвы и охарактеризовал их как «безнравственное вторжение Церкви России, осуществлённое ... недостойными методами», а также как «попытку извратить православную экклесиологию по причинам, проистекающим из этнофилетизма, осуждённого Константинопольским Собором 1872 года, в то время как в деянии Московского Патриархата просматриваются признаки неоколониализма и притязания на глобальное доминирование, что противоречит православной традиции» [\[6\]](#).

В течение следующих месяцев 2022 года Александрийский Патриархат продолжил линию на формализацию «конфликта» с Русской Православной Церковью путем принятия все новых конфронтационных решений, кульминацией которых стало заседание синодалов АПЦ 22 - 25 ноября в Каире, объявивших о разрыве евхаристического общения с

Московским Патриархатом. Параллельно с этим александрийцами предпринимались во многом тщетные, но крайне резонансные шаги по торпедированию практической деятельности Африканского экзархата РПЦ. Так, в феврале «на церковный суд» в Александрию вызывались два клирика Московского Патриархата (по обвинению «в незаконном переводе африканского духовенства и верующих в новую юрисдикцию»), а в декабре было объявлено о запуске в АПЦ процедуры «извержения из сана» митрополита Леонида [\[7\]](#).

Действия ключевого регионального оппонента РПЦ

Последовательно наращивая конфронтационную линию в двустороннем диалоге с Русской Православной Церковью, Александрийский Патриархат планомерно активизирует разнообразные и не всегда чистоплотные политические методы для блокирования духовно-миссионерской деятельности РПЦ в Африке. В июле 2022 года, например, патриарх Феодор едва не спровоцировал разрыв общения с лидером важнейшей на севере Африки христианской конфессии, папой Коптской Православной Церкви Феодором II (Сулейманом) после направления ему письма с резкой критикой последнего за решение уступить коптский храм в Каире для богослужений РПЦ в обмен на аналогичный шаг по предоставлению для литургий одного из московских соборов [\[8\]](#). Параллельно с этим архиереи АПЦ форсировали инструменты «церковной дипломатии» в целях объединения вокруг себя «антироссийски настроенных союзников» из числа представителей религиозных центров и светских властей разных государств. Так, в течение года александрийский предстоятель активно контактировал с лидерами Константинопольского Патриархата и греческих православных церквей, используя каждую такую встречу для резонансных заявлений о якобы «антиканонических действиях Москвы в Африке». Особый «внешнеполитический» акцент в попытках Феодора создать вокруг себя «антироссийский церковно-светский фронт» был сделан на развитии диалога с администрацией США. Даже с учетом того, что большая часть подобных контактов проходила в неафишируемом формате, целый ряд из них стал достоянием общественности и освещался в СМИ - как, в частности, консультации александрийского патриарха Феодора с руководящими сотрудниками американского посольства в Египте в марте 2022 года [\[9\]](#).

Апогеем усилий АПЦ по привлечению на свою сторону Вашингтона представляется официальный визит Феодора в США в октябре 2022 года. В рамках поездки в Соединенные Штаты им были проведены встречи с ведущими функционерами американской администрации, а также лично с действующим президентом Джозефом Байденом. Согласно пресс-релизам, указанные встречи глава АПЦ во многом посвятил задаче доведения до собеседников «деталей вызывающею тревогу развития ситуации вокруг неканонического вторжения Московского Патриархата в экклезиологическую юрисдикцию Александрии» [\[10\]](#).

Хотя руководство США воздерживается от публичной реакции на напористый дипломатический натиск Александрийского Патриархата в контексте «вопроса Русской Церкви», в целом было бы оправданным предположить, что Белый дом окажет посильное, возможно не в полной мере открытое, содействие АПЦ в ее устремлениях по торпедированию деятельности РПЦ в Африке. Подобный шаг логичным образом будет укладываться в общий текущий курс Вашингтона на повсеместное сдерживание Москвы на глобальном уровне.

Политический инструментарий США в конфессиональной сфере

При этом следует учитывать тот факт, что американская сторона среди ключевых международных игроков накопила к настоящему времени наиболее значительный арсенал методов воздействия религиозной сферы в целях достижения своих стратегических приоритетов на мировой арене. Данное обстоятельство обуславливает необходимость проведения более детального анализа окончательно сформировавшейся к настоящему времени системы подключения церковно-конфессиональных инструментов к национальной иерархии органов государственной власти, осуществляющих реализацию внешней политики Соединенных Штатов.

Многие исследователи приходят к выводу, что у истоков современного подхода Белого дома к активному использованию религиозного фактора для обеспечения собственных интересов в мире стояла экс-госсекретарь Мадлен Олбрайт. Еще 23 октября 1997 года, выступая в Колумбийской юридической школе Католического университета в Вашингтоне, она заявила, что «поиск религиозной свободы и толерантности будет ... играть важную роль во внешней политике США, поскольку игнорирование свободы вероисповедания или угроза ее нарушения могут вызвать не только страх и столкновения, но и послужить причиной новой мировой войны» [\[11\]](#).

С подачи Олбрайт Конгресс США в ноябре 1998 года принял законодательный акт "О свободе вероисповедания в мире" (International Religious Freedom Act – IRFA). Основополагающие положения IRFA обосновали формирование (на тот момент, по сути, преимущественно формально) системы профильных государственных институтов. Так, в Госдепартаменте была учреждена должность посла по особым поручениям по вопросам международной свободы вероисповедания (Ambassador-at-Large for International Religious Freedom within the Department of State), а в Совете по национальной безопасности – пост специального советника по свободе религий (Special Adviser on International Religious Freedom within the National Security Council). Также были созданы аппараты сотрудников, необходимые для осуществления деятельности двух новых функционеров. Причем, параллельно в Конгрессе была сформирована двухпартийная Комиссия по международной свободе вероисповедания (United States Commission on International Religious Freedom – USCIRF) [\[12\]](#).

Вместе с тем (как не исключают отдельные американские ученые-политологи, во-многом из-за завершения в 2001 году министерской карьеры Олбрайт) деятельность указанных структур американской администрации после «громкого и амбициозного учреждения» почти двадцать лет носила достаточно формалистский характер, а проблематика религиозных свобод пребывала в относительном забвении со стороны американского дипкорпуса. Однако «новым идеологом» для этого направления внешней политики США стал один из преемников Олбрайт – госсекретарь в республиканской администрации 2018 - 2021 годов Майк Помпео.

Помпео, взяв работу структур «обеспечения религиозных свобод в мире» под личный контроль, не только вдохнул в них вторую жизнь, но и расширил их полномочия, а также стал «отцом-основателем» обновленной международной дискуссионной «площадки» высокого уровня - Международного альянса за свободу религий (International Religious Freedom or Belief Alliance) [\[13\]](#). Одной из задач формировавшейся в 2018 - 2020 годах структуры, к настоящему времени объединяющей представителей министерств иностранных дел 37 стран (не представителей религиозных конфессий, а политиков), является усиление инструментария дипломатического воздействия США и их союзников на третьи страны. Как отмечает ряд исследователей, включая черногорского политолога И.Дамьяновича, относительно недавние процессы создания неканонических

православных церквей на Украине в Черногории в значительной мере осуществлялись при поддержке Государственного департамента США и других структур в американской администрации [\[14\]](#). Кроме того, например, уже в первые дни продолжающегося украинского кризиса Международный альянс за свободу религий по инициативе Великобритании опубликовал официальное заявление с «осуждением России за развязывание военных действий против многоконфессиональной украинской демократии» [\[15\]](#).

В этом контексте оправданным представляется обратить внимание на практические аспекты устоявшейся сейчас правоприменительной практики использования «вероисповедательного досье» во внешней политике США. К настоящему времени главным прикладным инструментом в этом становится так называемый «ежегодный доклад Госдепартамента о ситуации со свободой в вероисповедательной сфере в мире». Указанный документ с начала 2000-х годов на регулярной основе готовится к публикации профильными экспертами Госдепартамента и Конгресса. Как правило в течение мая каждого года по данному докладу проходят специальные слушания в Палате представителей и Сенате, в рамках которых обсуждается развитие религиозной ситуации в разных странах за период предшествующего календарного года [\[16\]](#).

Те государства, правительственные учреждения, юридические и физические лица, которые (на взгляд американцев) «нарушают права и свободы различных конфессиональных групп», попадают в разряд «вызывающих особое беспокойство» (Countries or Entities of Particular Concern). Причем, включение в этот «черный список» формально открывает путь для дальнейших прикладных шагов администрации США в целях «устранения выявленных религиозных нарушений». Законодательно утверждена «расширенная номенклатура» допустимых в этих целях последовательных действий. Соответствующий алгоритм на первом этапе подразумевает сугубо дипломатические меры - демарши, публичные заявления и осуждения, отмена встреч и контактов с представителями страны или организации, нарушающей «свободу вероисповедания». В дальнейшем исполнительные органы администрации Соединенных Штатов уполномочены самостоятельно выбирать масштаб и специфику применяемых политических или же экономических ограничений - вплоть до введения санкций против отдельных государств [\[16\]](#).

Заключение

В утвержденном ранее Конгрессом США законодательном акте "О свободе вероисповедания в мире" и принятых в последствии различными администрациями исполнительных инициатив очевидным образом просматривается настрой Вашингтона на создание институционально-юридической базы для поддержки неканонических движений в разных регионах мира. Форсированное морально-идеологическое сближение Белого дома с Александрийской Православной Церковью при этом явно несет в себе угрозу нового противостояния России и Соединенных Штатов во внешнеполитической деятельности, которая тесно переплетена с конфессиональными делами. Религия в данном случае выступает как фактор мягкой силы на международной арене, особенно в контексте все усиливающегося противопоставления так называемого западного мира Российской Федерации, в первую очередь в контексте кризиса на Украине.

Как представляется, с подачи Александрийского Патриархата американские госорганы, профилирующиеся на тематике «международной свободы вероисповедания», в обозримой перспективе возьмут в фокус своего внимания миссионерскую деятельность

Русской Православной Церкви на Африканском континенте. В частности, не исключено, что данное «досье» может найти отражение и в готовящемся к публикации к лету текущего года «ежегодном докладе Госдепартамента США о ситуации со свободой в вероисповедательной сфере в мире». Реализация же подобного сценария в свою очередь создаст формальные и юридические предпосылки для осуществления правительством США в будущем разнонаправленных дипломатических, политических и административных шагов, способных затруднить деятельность Московского Патриархата не только в Африке, но и в других регионах духовного присутствия РПЦ.

Библиография

1. М.М. Мчедлова, Возвращение религии, или новый мир: в поисках объяснения-М.: Издательство ИНИОН РАН, 2013. С.25-47.
2. Официальное заявление главы Александрийского патриархата в связи с признанием автокефалии «Православной церкви Украины», 08.11.19, <https://orthodoxtimes.com/the-patriarchate-of-alexandria-recognizes-the-orthodox-church-of-ukraine>.
3. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 23-24 сентября 2021 года, <http://www.patriarchia.i-u/db/text/5837973.html>.
4. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 29 декабря 2021 года, <http://www.patriarchia.ru/db/text/5877047.html>.
5. Официальное заявление главы Александрийского Патриархата в связи с учреждением Патриаршего экзархата Африки Русской Православной Церкви, 30.01.21, <https://www.patriarchateofalexandria.com/en/anakoinwoen-patriarxeioy-alexandreias-30122021>.
6. Официальный пресс-релиз решения Синода Александрийской Православной Церкви от 12.01.22, <https://www.patriarchateofalexandria.com/el/anakoinwoen-ths-icras-synodoy-toy-patriarxeioy-alexandreias-kai-pashs-afrikhs>.
7. Официальный пресс-релиз по итогам заседания Синода Александрийской Православной церкви, 22.11.22, <https://www.patriarchateofalexandria.com/27617/?lang=en>.
8. Текст письма Александрийского патриарха в адрес главы Коптской Православной Церкви, 13.07.22, <https://orthodoxtimes.com/patriarch-theodores-harsh-reaction-to-the-granting-of-a-church-by-the-copts-to-the-russian-church>.
9. Сообщение пресс-службы Александрийского Патриархата, 2.03.22, <https://www.patriarchateofalexandria.com/us-deputy-ambassador-visits-the-patriarch-of-alexandria/?lang=en&print=print>.
10. Сообщение пресс-службы Североамериканской архиепископии Константинопольской Православной Церкви, 11.10.22, <https://www.goarch.org/-/press-release-october-l-1-2022>.
11. Стенограмма выступления М.Олбрайт из архива Госдепартамента США, <https://1997-2001.state.gov/statements/971023a.html>.
12. Текст закона о Свободе вероисповеданий с официального Интернет-портала правительства США, www.uscirf.gov/index.php?option=com_content&task=view&id=349&Itemid=45.
13. Официальная страница Международного альянса за свободу религий на сайте Госдепартамента США, <https://www.state.gov/international-religious-freedom-or-belief-alliance/>.
14. Интервью И.Дамьяновича, ТАСС, 26.12.2019, [https://tass.ru/mezhnarodnaya-](https://tass.ru/mezhunarodnaya-)

panorama/7429209.

15. Текст официального заявления председателя Международного альянса за свободу религий Ф.Брюс, <https://www.state.gov/irfba-statement-on-the-situation-in-ukraine/>.
16. Доклад Исследовательской службы Конгресса США о политике Белого дома в сфере обеспечения свободы вероисповедания в мире, <https://crsreport.congress.gov/product/pdf/IF/IF10803>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данное исследование посвящено весьма любопытному аспекту противостояния России и США на международной арене – а именно в религиозно-церковной сфере на примере миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на африканском континенте и деятельности Александрийской Православной Церкви, которая в нарушение некоторых синодальных правил предпринимает попытки создания автономных структур, поддерживающих раскольнические движения в Европе и других регионах мира. Несмотря на актуальность данной тематики и вполне понятную предметную область исследования, автору все же рекомендуется сменить заголовок статьи, поскольку в данном виде он представляет собой разновидность кричащего вида газетного заголовка. Вместе с тем исследовательский вопрос в названии публикации сформулирован достаточно однозначно. предметом исследования является миссионерская деятельность Русской православной церкви на африканском континенте. Автор рассматривает противостояние Александрийской Православной Церкви, которая стремится заручиться поддержкой США, русской православной миссии в Африке. На примере принятого Конгрессом США законодательного акта "О свободе вероисповедания в мире" автор демонстрирует, как американское руководство всячески поддерживает неканонические движения в европейском регионе, и обращает свое внимание на африканский регион, что несет в себе угрозу нового противостояния Москвы и Вашингтона во внешнеполитической деятельности, которая тесно переплетена с делами религии. Религия в данном случае выступает как фактор мягкой силы на международной арене. Тематика исследования суперактуальна в контексте все усиливающегося противопоставления так называемого западного мира России, данные тенденции усиливаются на фоне непрекращающихся попыток агрессивных военных действий на территории Украины.

Однако автору стоит существенным образом доработать статью, несмотря на то, что в ней уже проанализировано не только серьезная научная литературы, но и источники и прикладные документы, исследовательский аппарат не сформирован в должной мере. Так, отсутствует в принципе описание общечелевой установки исследования, ряда задач, которые стремится автор решить в ходе описания конфликта двух крупных церковных структур на африканском континенте. В нарушение требований, предъявляемых к публикациям в изданиях Nota Bene, автором не артикулирована структура статьи и ее методологическая часть, непонятно, каких методов придерживается исследователь. Вместе с тем, как уже было обозначено, статья несет в себе большой научный потенциал и представляет значительный интерес для читателей журнала "Мировая политика". Рекомендуется усилить содержательный компонент исследования, показав коренные отличия идеологических позиций, по которым у РПЦ и Александрийской православной церкви произошли расхождения. Также хотелось бы

увидеть конкретные выводы, помимо прогнозов сформулированных авторов, какие тенденции в религиозной сфере уже отмечаются как деструктивные и негативные.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает деятельность Русской православной церкви (далее – РПЦ) на Африканском континенте. Автор совершенно справедливо связывает высокую актуальность своей работы с наблюдаемыми в последние десятилетия усилением религиозного фактора в политике и политизацией самой религии. К сожалению, автор не дал себе труда отрефлексировать должным образом теоретико-методологические основания собственного исследования, что несколько снижает научную ценность рецензируемой работы. Из контекста можно понять, что кроме традиционных для подобного рода исследований аналитических методов применялись исторический и институциональный подход, а также некоторые элементы контент-анализа официальных церковных документов. Но недостаточная теоретико-методологическая рефлексия имеет следствием излишне сильное влияние религиозных установок автора на его заключения и выводы. В частности, вся логика его исследования состоит в том, чтобы в выгодном свете представить деятельность РПЦ, и при этом виновниками конфликта выставить Александрийский патриархат, американскую администрацию и т. д., действующих «не всегда чистоплотными политическими методами». Подобное доминирование оценок над научной методологией не может не снижать научную ценность проведённого исследования. На будущее автору можно порекомендовать больше внимания уделять научной методологии. Тем не менее, некоторые результаты проведённого исследования имеют признаки научной достоверности и новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленных автором установках администрации США на институционализацию поддержки неканонических движений в различных регионах мира, что может повлечь новый виток противостояния США и России (хотя утверждение автора о «тесном переплетении внешнеполитической деятельности США и России с конфессиональными делами» представляется несколько преувеличенным). Некоторый интерес представляет также рассмотрение религии в качестве одного из элементов «мягкой силы» на международной арене. Хотя такой подход далеко не нов. В структурном плане рецензируемая работа не вызывает нареканий: её логика достаточно последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение...», где ставится научная проблема и обосновывается актуальность её решения, но полностью отсутствует описание и аргументация методологического выбора, а также анализ основных подходов к решению проблемы; - «Предыстория вопроса», где раскрываются основные причины, приведшие к конфликту РПЦ с Александрийской православной церковью (далее – АПЦ); - «Действия ключевого регионального оппонента», где описываются усилия АПЦ по привлечению на свою сторону администрации США; - «Политический инструментарий США в конфессиональной сфере», где формы участия США в конфликте; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования и делаются выводы. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, злоупотребление церковной терминологией) и грамматических (например, ошибочное написание названий церквей с заглавных букв («Русская Православная Церковь», «Александрийская Православная Церковь» и т. д.), то есть, так, как это принято в церковно-религиозных документах; однако научный

журнал не обязан следовать правилам церковной орфографии, соответственно, автор должен придерживаться общепринятых правил, изложенных в орфографических словарях и справочниках; то же касается и других церковных слов и выражений (например, названия «Московский патриархат», «Александрийский патриархат», «Священный синод», а не «Московский Патриархат», «Александрийский Патриархат», «Священный Синод» и т. д.; любопытно, что выражения «Православная церковь Украины», «Киевский патриархат» и др. автор пишет правильно, что выдаёт некоторую идеологизированность рецензируемого текста); и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, весьма профессиональным языком. Терминология рецензируемой статьи небезупречна: автор отдаёт предпочтение церковной терминологии в НАУЧНОЙ статье, обращаясь к НАУЧНОМУ сообществу политологов социологов, международников и т. д.; в то время как целый ряд употребляемых автором терминов может вызывать затруднения в понимании научной аудиторией, не имеющей отношения к религиоведению. Например, выражения «духовное присутствие», «экзархат», «каноническая юрисдикция» и целый ряд других специфических религиозных терминов навряд ли будут однозначно и верно истолкованы далёкими от религии обществоведами. В связи с этим автору можно порекомендовать на будущее лучше учитывать специфику аудитории, которой он адресует свои тексты. Библиография насчитывает 16 наименований и в должной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усиlena за счёт включения источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении предыстории конфликта.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Несмотря на некоторые недостатки в дизайне проведённого исследования, полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Мировая политика» и будут представлять интерес для политологов, политических социологов, религиоведов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Англоязычные метаданные

On the Institutional Status of the Armed forces of Tajikistan

Khadyrov Ravshan Yunusovich

PhD in Politics

Postgraduate student, Department of World Political Processes, MGIMO

115764, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Moscow, 63, of. Moscow

✉ khadyrov.r.u@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the new topic of determining the institutional status of the National Army in the state-political system of Tajikistan. Of interest is the positioning of the army institute in the totality of the political institutions of the state and society, its evolution in the process of depoliticization of power structures. It is established that the institute of the Army of Tajikistan has evolved from a political institution during the Civil war into an instrument of the policy of the peacetime authorities, and the actual power component of effectiveness does not fully correspond to the level of external threats. 30 years ago, on February 23, 1993, the armed forces of independent Tajikistan were born. On the anniversary date, speeches by the president, political and military figures, scientists are published, revealing the outstanding role of the army in saving the state during the difficult years of brutal political and military confrontation between secular patriotic and Islamist forces. However, the topic of the connection between the army and politics, the role of the army in politics is not in the focus of interest of the scientific community of Tajikistan, although addressing this issue is relevant in light of the rapid and dangerous changes in the military-political situation in the world and the Central Asian region. These circumstances determined the research question about the status of the Tajik army - it is a political institution or a policy tool, as well as the purpose and objectives of the publication – to reveal the conditions and process of institutionalization of the Tajik army, its functions and status as an institution of the state and society.

Keywords: armed forces, depoliticization, political institutions, army as institution, army, Tajikistan, political regime, political process, politics, state

References (transliterated)

1. O Vooruzhennykh Silakh Respubliki Tadzhikistan : zakon Respubliki Tadzhikistan ot 25.06. 1993 g. : zakon RT v red . zakona RT ot 26.07.2014 g. № 1099 // Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Tadzhikistan, 1993 g., № 14, st. 285.;
2. O statuse voennosluzhashchikh : zakon RT ot 1.03. 2005 g. № 90. : ofits. tekst // Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan, 2005 g., № 3, st. 130.;
3. Ob obrone : zakon Respubliki Tadzhikistan ot 4.11. 1995 g., № 208 : ofits. tekst v red. zakona ot 08.06.2022. № 1875.;
4. Voennaia doktrina Respubliki Tadzhikistan Utverzhdena Postanovleniem Madzhlisi Namoyandagon Madzhdisi Oli Respubliki Tadzhikistan ot 3.10. 2005 g. № 103. – 13 s.;
5. Kontseptsiya politiko-vospitatel'noi raboty v Vooruzhennykh Silakh Respubliki Tadzhikistan. Utverzhdena Uказом prezidenta Respubliki Tadzhikistan 20.02. 2015 g. № 369.;
6. Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (v red.

- zakona SSSR ot 26.12. 1990 g. № 86-I., prekratila deistvie). Rezhim dostupa: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/977/red_977/549448/. (data obrashcheniya : 16.01.2023);
7. Ob uprazdnenii voenno-politicheskikh organov v Vooruzhennykh silakh SSSR, voiskakh Komiteta gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR, vnutrennikh voiskakh Ministerstva vnutrennikh del SSSR : ukaz prezidenta SSSR ot 29.08. 1991 g. N UP-2488. [Sait]. Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/6334637/>. (data obrashcheniya : 19.01.2023);
  8. Abdullo R.G. ODKB – garant bezopasnosti Tadzhikistana? / IA Kabar Aziya. Rezhim dostupa: <http://cabar.asia. https://cabar.asia/ru/cabar-asia-odkb-garant-bezopasnosti-tadzhikistana>. (data obrashcheniya : 08.02.2023);
  9. Volgin E. I. Problema depolitizatsii vooruzhennykh sil i pravookhranitel'nykh organov SSSR i RSFSR — RF v nachale 1990-kh godov // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), 2018.-№ 2. – S. 113-134.;
  10. Vorob'ev V. V. Rol' armii v sovremenном Pakistane // Vestnik MGIMO-Universiteta, 2014.-№ 3(36). – C. 156-164.;
  11. Zyryanov A. V. Vooruzhennye sily kak element i faktor gosudarstvenno-politicheskoi sistemy (mezhdunarodnyi opyt) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya, 2022.-T. 8.-№ 3.-S. 5–15.;
  12. Kamari A. IWPR Tajikistan: Tadzhikskuyu armiyu prodolzhayut popolnyat' prinuditel'no/ IA Kabar Aziya. [Sait]. Rezhim dostupa: <http://cabar. asia/ru/iwpr-tajikistan-tadzhikskuyu-armiyu-prodolzhayut-popolnyat-prinuditelno/> (data obrashcheniya : 08.02.2023);
  13. Kolesnichenko K. Yu. Armiya i politika: teoriya i praktika prikladnogo politicheskogo analiza : monografiya / K.Yu. Kolesnichenko. – Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2014. – 144 s.;
  14. Makarevich G. G. Generaly ukhodyat, armiya ostaetsya: politicheskii kontekst novykh naznachenii v voennom komandovanii Pakistana // IMEMO RAN, 27.11.2022. [Sait]. Rezhim dostupa: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/generals-leave-army-stays-the-political-context-of-new-appointments-in-pakistans-military-command>. (data obrashcheniya : 11.02.2023);
  15. Moskalenko V. N. Politicheskaya rol' pakistanskoi armii : sbornik statei / Armiya i vlast' na Blizhnem Vostoke: ot avtoritarizma k demokratii / otv. red. V. M. Akhmedov.-M. : IIIIBV, 2002. – 400 s.;
  16. Rodachin V. M. Armiya i politicheskaya vlast' // Voennaya mysl', 1993,-№ 5.-S. 12-19.;
  17. Rol' Narodno-Osvoboditel'noi Armii v obshchestvenno-politicheskoi sisteme Kitaya. Kitaiskaya voennaya moshch' kak novyi faktor mirovoi politiki // Otv. red. A. A. Krivopalov – M. : Nauchnyi ekspert, 2016. – 112 s.;
  18. Saidzoda M. Voennaya reforma v Vooruzhennykh Silakh strany prodolzaetsya : interv'yu ministra oborony Tadzhikistana Sh: Mirzo // NIAT «Khovar», 23.02.2021. [Sait]. Rezhim dostupa: <https://tajikistan24.com/sheralli-mirzo-voennaja-reforma-v-vooruzhennyh-silah-strany-prodolzaetsja-ministr-oborony-tadzhikistana-otvetil-na-voprosy-korrespondenta-niat-hovar/>. (data obrashcheniya : 01.02.2023);
  19. In his last public address, COAS Bajwa slams anti-army narrative, asks political stakeholders to move forward // Dawn, Pakistan daily newspaper, 23. 2022. [Sait]. Rezhim dostupa: <https://www.dawn.com/news/722654>. (data obrashcheniya : 09.02.2023).

Socio-Political Factors of the Military Conflict in the Syrian

Arab Republic

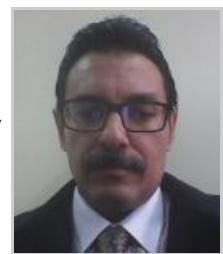
El'zeni Nedal Khafez Zakariya Khafez

PhD in Politics

Postgraduate student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky University

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 37

✉ nedalzakariya@gmail.com

Abstract. The article "Socio-political factors of the military conflict in the Syrian Arab Republic" examines the main factors influencing the conflict in Syria. The study is based on the analysis of statistical data and the results of a survey conducted in Syria. The article shows that the military conflict in Syria is caused by political instability, economic problems and disagreements between various political groups. In addition, ethical and religious differences and the influence of external forces on the situation in the country are also important factors in the conflict.

The findings of the study emphasize the need to continue work to resolve the conflict in Syria through political dialogue and peaceful negotiations between the parties, as well as creating conditions for political stability, justice and economic well-being for all segments of the population.

The military conflict in the Syrian Arab Republic has many causes and factors that interact with each other and strengthen the situation in the country.

Political instability and divisions between different political groups, the presence of economic problems and injustices, ethical and religious differences and the influence of external forces on the situation in the country - all these factors contribute to the aggravation of the conflict. However, despite the complexity of the situation in Syria, there are chances to resolve the conflict through political dialogue and peaceful negotiations between the parties. To do this, it is necessary to eliminate the roots of the conflict, to ensure political stability, justice and economic well-being for all segments of the population.

Thus, it is important to continue research on the socio-political factors of the military conflict in Syria and work on creating conditions for a peaceful resolution of the conflict, which will ensure the security and well-being of the inhabitants of this country.

Keywords: reconstruction and stabilization, religious differences, international politics, refugees, economic crisis, socio-political factors, Civil War, military conflict, Syria, terrorism

References (transliterated)

1. Abubakarov A.A. Voennyi konflikt v Sirii: prichiny, posledstviya i perspektivy razresheniya // Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki. 2021.-467-475 s.
2. Popov D.A. Konflikt v Sirii: politicheskie i sotsial'nye faktory // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019.-33-42 c.
3. Khil'berg M.A. Istoricheskii opyt sovremennoi Sirii: sotsiokul'turnyi fon i global'nyi kontekst // Vestnik SPbGU. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018.- 200-216 c.
4. Hinnebusch, R., & Al-Nakhal, A. Syria: Revolution from Above. Journal of International Affairs, 2019. – p. 49-64.
5. Hoffman, D. The Syrian Conflict: A Clash of Interests, Strategies, and Proxy Wars. Journal of Strategic Studies, 2018. – p. 369-401.

6. Pierret, T. Religion and Revolution in Syria: The Sunni Ulama's Role. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2019. – p. 289-305.
7. Saad-Filho, A., & Morais, L. The Political Economy of the Syrian Conflict. *Third World Quarterly*, 2019. – p. 1059-1078.
8. Sayigh, Y. The Syrian Military and the State: Between Repression and Consent. *Middle East Journal*, 2020. – p. 196-214.
9. Siegel, T. What Remains? The Political Economy of Syria's Reconstruction. *Middle East Report*, 2018. – p. 22-31.
10. Tarabishi, B. Why the Syrian Regime Endures: A Political Economy Analysis. *Journal of Conflict Transformation & Security*, 2020. – p. 50-69.
11. Teitelbaum, J. Power, Sect, and State in Syria: The Politics of Marriage and Identity among the Druze. *International Journal of Middle East Studies*, 2018. – p. 1-18.
12. Walt, S. M. The Syrian Conflict and the Principle of Non-Intervention. *International Relations*, 2018. – p. 26-45.
13. Yacoubian, M. The Future of Syria: Intractable Conflict or Path to Peace?. *The Washington Quarterly*, 2018. – p. 59-74.

Transatlantic Security Relations: NATO Relevance Issues

Sosnitskaia Viktoriia

Student, Chair of Global politics, Moscow State Institute of International Relations

76B Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119454, Russia

✉ 17.vs@mail.ru

Abstract. This article focuses on the crisis of transatlantic relations, which seriously affect the formation of the European security architecture. The author examines the system of interaction between European countries in a historical perspective in order to find the prerequisites for the existing ties within the Alliance. The analysis of NATO's transformation after the Cold War also reveals the relationship between the goals of unification and the realization of their interests mainly under the guise of universal security, which is quite clearly seen in the relations between the United States and NATO. The high uncertainty of the Alliance in the distribution of priorities, the difference in positions regarding the regional focus of the association and often the impossibility of consolidation in the mobilization of available resources have been corroding the unity of the union for many years, which makes it a rather controversial instrument of global governance to maintain peaceful coexistence of states. The main conclusion of the study is that the main challenge NATO cannot cope with is the internal crisis caused by the inconsistency of the actions of the participating countries, the American dominance in decision-making process, the dependence of European economies on the United States. Acting as a provider of international security, in reality, the alliance is rather an instrument for the realization of the national interests of individual states participating in the military-political bloc. Despite the fact that the question of the relevance of NATO has been raised more than once in the history of its existence, the Alliance continues to gravitate towards expansion. However, this will hardly save it from internal contradictions, which with each new challenge from the outside are exposed more and more clearly and cause more and more concern among the codependent members of the Alliance.

Keywords: the United States, NATO expansion, Cold War, Europe, NATO challenges,

collective security, international security, world politics, foreign policy, NATO

References (transliterated)

1. Severoatlanticheskii dogovor ot 4 aprelya 1949 goda URL:
https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm
2. Strategicheskaya kontseptsiya NATO 2022. URL:
https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf
3. Ofitsial'nyi dokument po itogam sammita v Bryussele 2021. URL:
https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm
4. Ennio Di Nolfo. Storia delle Relazioni Internazionali. 1918–1999. Bari, Editori Laterza, 2016.
5. Magadeev, I. E. Pervaya mirovaya voyna i trendy evropeiskoi istorii XX veka. Moskva: Aspekt Press, 2021. C. 257.
6. Sagalova. A. L. Funktsional'naya organizatsiya vo vzglyadakh Devida Mitrani. // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2013. № 14
7. M.A. Troitskii. Transatlanticheskii soyuz. 1991–2004. Transformatsiya sistemy amerikano-evropeiskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti. M.: NOFMO, 2004. C. 252.
8. Powell C. The American Commitment to European Security / / Survival. Summer 1992. Pp. 3-11
9. Zelikow P., Rice C., Spohr K., Goldgeier J., Mastny V. Ending the Cold War and Entering a New Era: Perspectives on To Build a Better World. // Journal of Cold War Studies 2021. 23 (4): Pp. 181–210.
10. Istomin I. A., Bolgova I. V. Budushchee NATO: istochniki neopredelennosti i vozmozhnye stsenarii razvitiya. // Diskussionnyi klub Valdai. 2018.
11. Peterson. James W. NATO and Terrorism // The Continuum International Publishing Group, New York, 2011.
12. Blackwill R. Archik K. Task Force on the Future of Transatlantic Relations: How Much Does the Transatlantic Relationship Matter After the End of the Cold War? // Council on Foreign Relations. January 1997.
13. Risso L. NATO and the Environment: The Committee on the Challenges of Modern Society. // Contemporary European History. 2016. 25(3), Pp. 505-535.
14. Nedel'. A. Yu. Nezhelatel'nyi kontent: politicheskaya vlast' v epokhu vozniknoveniya novoi antropologii / A. Yu. Nedel', E. N. Fanailova; SPb: Aleteiya, 2021. C. 263.
15. Trachtenberg M. The United States and the NATO Non-extension Assurances of 1990: New Light on an Old Problem? // International Security. 2021. Vol. 45 No. 3 (Winter 2020/21). Pp. 162-203
16. Nadtochei Yu. I., Khristenko D. N. Razdelenie finansovogo bremeni v NATO: staraya problema v novom zvuchanii. // Aktual'nye problemy Evropy, 2019. № 1. C. 56–77.
17. Ponomareva E.G., Frolov A.V. Agressiya NATO protiv Jugoslavii: mezhdunarodno-pravovye, voenno-strategicheskie i geopoliticheskie posledstviya. // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2019. № 2(65). S. 32–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-32-56>
18. Kostin K. B., Khomchenko E. A. Vliyanie pandemii COVID-19 na mirovyyu ekonomiku. // Ekonomicheskie otnosheniya. 2020. Tom 10. № 4. C. 961–980.
19. Mezhdunarodnaya bezopasnost': global'nye i regional'nye aktory monografiya / E. A.

- Antyukhova, E. Ya. Arapova, S. P. Arteev [i dr.]; otv. red. M. M. Lebedeva, Yu. A. Nikitina. M: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2020. C. 320
20. Sakva R. Rossiya protiv ostal'nykh: krizis mirovogo poryadka posle okonchaniya kholodnoi voiny / R. Sakva; red. A. Bondarenko; per. s angl. N. V. Zaborina, E. Lukinoi, S. Saf'yan. M.: Ves' Mir, 2020. C. 416
21. Mazzaglia R. The Ghetto in European Perception: From Cities to Bodies. // PAJ: A Journal of Performance and Art. 2022. № 44 (1 (130)): Pp. 66–78.
22. Oatley Th. Energy and the Complexity of International Order. // Global Environmental Politics. 2021. № 21 (4). Pp. 20–41.
23. Evropeiskii Soyuz i regional'nye konflikty / Otv. red. – Arbatova N. K., Kokeev A. M. M.: IMEMO RAN. 2011. S. 143

Discussion of definition of defence and security cooperation between Chinese and Russian scientists

Han Shiying

PhD in Politics

Postgraduate Student, Chair of International Security, School of World Politics Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ hanshiying@bfsu.edu.cn

Abstract. With the deepening and growing cooperation between Russia and China, studies pertaining to relevant international cooperations between the two states, including those on defense and security cooperation, have drawn the attention of many researchers. However, the differences in schools of research on safety and cooperation have made the boundaries on said matter more complex and diverse. Russian and Chinese researchers have further displayed different understanding and perception on the definition of national safety cooperation. Hence, the paper aims to carry out in depth analysis and discussion on the definition of defense and security cooperation based on Russian and Chinese literature.

Keywords: security, cooperation, realism, liberalism, interests, threat, international relations theory, Russia, China, constructivism

References (transliterated)

1. Bartosh A. A. Osnovy mezhdunarodnoi bezopasnosti. Organizatsii obespecheniya mezhdunarodnoi bezopasnosti: uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 320 S.
2. Ivonina, O. I. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2015. 188 S.
3. Kardashova I. B. Osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti: uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2020. 332 C.
4. Lanko, D. A. Problema sotrudnichestva v tret'em "bol'shom spore" v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. № 2. S. 92-97.
5. Muntyan M.A. Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Uchebnoe posobie. M.: Izd-

- vo MABiU, 2006. 164 S.
6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. 4-e izdyu, ispr. i dop. M.: Izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1960. S. 84
  7. Romanova T. A. O neoklassicheskem realizme i sovremennoi Rossii // Rossiya v global'noi politike. 2012. T. 10. № 3 (mai-iyun'). S. 8–21.
  8. Tsygankov P. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Ucheb. posobie. M.: Gardariki, 2003. 590 C.
  9. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essay on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962, P. 150.
  10. Buzan B, Wæver O, Wæver O, et al. Security: A new framework for analysis. Boulder & London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 237 P.
  11. Collins J.M. Grand Strategy: Principles and Practices, 1973. Definitions of Grand or National Security Strategy and Statecraft // Course 1: Foundations of National Security Strategy. National War College. Washington, DC, 1993.PP. 1-4.
  12. Keohane R. O. After hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton university press, 1985. 290 P.
  13. Milner H. International theories of cooperation among nations: Strengths and weaknesses // World politics. 1992. Issue. 44(3): PP. 466-496.
  14. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge University Press, 1999. 429 P.
  15. Van Bo, Tsin' Khueiin'. Gotszi khetszo yan'tszyu: lyupai chzhenmin, lilun' chengo tszi tszyuisyan' [Issledovaniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva: polemika shkol, teoreticheskie dostizheniya i ograniceniya] // Ukhan' dasyue syuebao (chzesyue shekhuei kesyueban'). 2007. № 3. S. 433-439.
  16. Van Fan', Lu Tszin. Gotszi an'tsyuan' gailun' [Vvedenie v Sovremennuyu mezhdunarodnuyu bezopasnost']. Pekin: Chzhungo zhen'min' dasyue chuban'she, 2016. S. 12.
  17. Van Tszyun'shen. Chzhentisin khetszo lilun' yui chzhoubyan' khetszo [Teoriya tselostnogo sotrudnichestva i sotrudnichestvo Kitaya s sosedyami] // Chzhungun chzhunyan dansyao (gotszya sinchzen syueyuan') syuebao. 2020. № 4. S. 69-78.
  18. Li Syuebao. Dandai gotszi an'tsyuan' khetszo de tan'so yui chzhenmin [Issledovanie i protivorechie sovremennogo mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti bezopasnosti]. Pekin: Shitsze chzhishi chuban'she, 2006. 281 S.
  19. Sun' Tszin'pin. Gotszi guan'si lilun' chzhun de gotszyaan'tsyuan' lilun' [Teoriya natsional'noi bezopasnosti v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii] // Gotszi guan'si syueyuan' syuebao. 2000. № 4. S. 3-9.
  20. Su Khao. Tsun yalin dao gan'lan': yatai an'tsyuan' khetszo yan'tszyu [Ot gantelei k olivkam: issledovanie sotrudnichestva v oblasti bezopasnosti v Aziatsko-Tikookeanskem regione]. Pekin: Shitsze chzhishi chuban'she, 2003. S. 4.

Nordic Defence Cooperation in the Post-Bipolar World

Abstract. The author examines the specific features of defense cooperation in Northern Europe and considers its future prospects amid the transformation of the global political landscape. The author regards the Nordic sub-region as a regional security complex (RSC) and scrutinizes historical similarities and dissimilarities in the Nordic approaches to security issues; distinctive features of the Nordic integration in general and sub-regional defence cooperation in particular; structure and possible prospects of the NORDEFCO. The author concludes that defence cooperation deepened the integration model in Northern Europe significantly, thus highlighting the ability of the Nordic states to cooperate in matters of security. Nevertheless, the aspirations of Finland and Sweden for NATO membership overshadow the NORDEFCO as a local security mechanism. The author contributes to the study of the issue by suggesting possible scenarios of the Nordic defence cooperation development. It is highly likely that NORDEFCO will be marginalized within the framework of Nordic cooperation, since NATO will meet almost all needs of the Nordic states in the field of defense and security. The scientific novelty of the research results from the revision of the Nordic domestic and foreign policy priorities in the field of security after 2014 and 2022, the impact of the deteriorating relations between Russia and Western countries on defence cooperation in the sub-region and the political and military relevance of the issue for the future of Russia.

Keywords: post-bipolar world, national security, RSC, defence cooperation, sub-regional groups, regional integration, regionalism, NATO, Nordic states, NORDEFCO

References (transliterated)

1. Nadtochei Yu. I. Voenno-politicheskie aspeky subregional'noi integratsii v Evrope // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2017. №1. S. 175-184.
2. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Voronkov L. S. «Severnoe sotrudничество» i osobennosti severoevropskoi integratsii / M.: MGIMO-Universitet, 2016.
4. Voronov K. V. Severnye strany v transatlanticheskem partnerstve: proverka na prochnost' // Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya. 2016. №3. S. 27-35.
5. Græger N. Illiberalism, geopolitics, and middle power security: Lessons from the Norwegian case // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2019. 71(1). Pp. 84-102.
6. Gleditsch N. P. The strategic significance of the Nordic countries // Current Research on Peace and Violence. 1986. 9(1/2). Pp. 28-42.
7. Padelford N. Regional Cooperation in Scandinavia // International Organization. 1957. 11(4). Pp. 597-614.
8. Ørvik N. Nordic Cooperation and High Politics // International Organization. 1974. 28(1). Pp. 61-88.
9. Zhuravel' V. P. Sotrudничество стран Severnoi Evropy v voennoi sfere i tendentsii ego razvitiya // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2017. №4. S. 23-29.

10. Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya / Pod red. Yu. S. Deryabina, N. M. Antyushinoi. M.: Ves' Mir, 2008.
11. Evropeizm i atlantizm v politike stran Evropeiskogo soyuza / Otv. red. N. K. Arbatova.- M. : IMEMO RAN, 2009.
12. Babynina L. O. Referendum ob otmene isklyucheniya v sfere oborony ES v Danii // Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN. 2022. №19. S. 73-79.
13. Plevako N. S. Shvedskii i finskii neutralitet. V proshlom? // Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN. 2022. №2. S. 24-31
14. Naper A. A. Compassionate Border Securitisation? Border Control in the Scandinavian News Media during the «Refugee Crisis» // Nordic Journal of Migration Research. 2022. 12 (1). Pp. 4-20.
15. Bailes A., Herolf G., Sundelius B. (Eds.) The Nordic Countries and the European Security and Defence Policy. New York: Oxford University Press, 2006.
16. NORDEFCO Annual Report 2019 // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. <https://www.nordefco.org/Files/Nordefco%20Annual%20Report%202019%20Webb.pdf> (data obrashcheniya: 03.01.2023).
17. Nordic defence cooperation strengthens regional stability // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/nordic-defence-cooperation-strengthens-regional-stability> (data obrashcheniya: 03.02.2023).
18. Speech by Permanent Secretary Arto Räty at the European Security: Military and Political Approach-conference in Moscow // Ministry of Defence of the Finnish Government: [official website]. URL: https://www.defmin.fi/en/topical/speeches/speech_by_permanent_secretary_arto_raty_at_the_european_security_military_and_political_approach_-conference_in_moscow.5521.news (data obrashcheniya: 05.03.2023).
19. Wilhelmsen J. Spiraling toward a New Cold War in the North? The Effect of Mutual and Multifaceted Securitization // Journal of Global Security Studies. 2021. 6 (3). Pp. 1-19.
20. Friis K. Analyzing Security Subregions: Forces of Push, Pull, and Resistance in Nordic Defense Cooperation // Journal of Global Security Studies. 2021. 0(0). Pp. 1-18.
21. Nadtochei Yu. I. Oboronnoe sotrudnichestvo v Evrope: subregional'nyi uroven' // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. №3(48). S. 134-143.
22. Nadtochei Yu. I. Modeli oboronnoi kooperatsii na Severnom i vostochnom flange ES (opyt «Nordena» i Vishegradskoi gruppy) // Sravnitel'naya politika. 2018. №2. S. 26-40.
23. Komissarov Yu. D. Bezopasnost' i sotrudnichestvo: opyt evropeiskogo Severa / M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1989.
24. Wæver O. Nordic nostalgia: Northern Europe after the Cold War // International Affairs. 1992. 68(1). Pp. 77-102.
25. Haugevik K., Svendsen Ø., Creutz K., Olesen M. R., Regnér A. L., Schmidt J. L. Security debates and partnership choices in the Nordic states: From differentiation to alignment. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), 2022.
26. New vision for Nordic defence cooperation a priority during Sweden's 2023 chairmanship of NORDEFCO // Government Offices of Sweden: [official website]. URL: <https://www.government.se/articles/2023/02/new-vision-for-nordic-defence-cooperation-a-priority-during-swedens-2023-chairmanship-of-nordefco/> (data obrashcheniya: 26.03.2023).
27. Voronov K. V. Strany Severa i novaya transformatsiya sistemy evropeiskoi

- bezopasnosti v postbipolyarnyi period (1990-e gody) // Severnaya Evropa: Problemy istorii. M.: Nauka, 1999. S. 265-284.
28. Memorandum of understanding on Nordic defence cooperation // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO) [official website]. URL:
<https://www.nordefco.org/files/Design/ARMA/NORDEFCO%20MoU.pdf> (data obrashcheniya: 03.03.2023).
29. Speech by Minister for Defence Peter Hultqvist at Hanating, 17 November 2020 // Government Offices of Sweden: [official website]. URL:
<https://www.government.se/speeches/2020/11/speech-by-minister-for-defence-peter-hultqvist-at-hanating-17-november-2020/> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
30. NORDEFCO Annual Report 2020 // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/files/NORDEFCO-annual-report-2020.pdf> (data obrashcheniya: 05.03.2023).
31. First meeting between NORDEFCO and the United States at the military level // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL:
<https://www.nordefco.org/First-meeting-between-NORDEFCO-and-the-United-States-at-the-military-level> (data obrashcheniya: 11.03.2023).
32. Græger N. From «forces for good» to forces for «status»? // Small State Status Seeking. London: Routledge, 2014. Pp. 86-107.
33. Severnyi soyuz // Rossiiskii sovet po mezhunarodnym delam: [sait]. URL:
<https://russiangroup.ru/analytics-and-comments/analytics/severnyy-soyuz/> (data obrashcheniya: 23.01.2023).
34. Thorhallsson B. How Do Little Frogs Fly?: Small States in the European Union. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), 2015.
35. Khudolei K. K, Lanko D. A. Finskaya dilemma bezopasnosti, NATO i faktor Vostochnoi Evropy // Mirovaya ekonomika i mezhunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63 (№ 3). S. 13-20.
36. Goverment's Defence Report 2017 // Ministry of Defence of the Finnish Government: [official website]. URL:
https://www.defmin.fi/files/3688/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf (data obrashcheniya: 05.01.2023).
37. Minister of Defence Jussi Niinistö at the Security Seminar in Stockholm // Ministry of Defence of the Finnish Government: [official website]. URL:
https://www.defmin.fi/en/topical/speeches/minister_of_defence_jussi_niinisto_at_the_security_seminar_in_stockholm.8587.news (data obrashcheniya: 26.01.2023).
38. Danilov D. A. Finlyandiya i Shvetsiya na puti v NATO // Obozrevatel'. 2022. №5-6. S. 27-39.
39. Saxi H. L. Alignment but not Alliance: Nordic Operational Military Cooperation // Arctic Review on Law and Politics. 2022. 13. Pp. 53-71.
40. Wegge N. The Strategic Role of Land Power on NATO's Northern Flank // Arctic Review on Law and Politics. 2022. 13. Pp. 94-113.
41. «U Rossii stanet bol'she vragov» Finlyandiya i Shvetsiya skoro vstupyat v NATO. Chem eto ugrozhaet Rossii? // Setevoe izdanie «Lenta.Ru»: [sait]. URL:
https://m.lenta.ru/articles/2022/04/27/fin_sve/ (data obrashcheniya: 15.01.2023).
42. Opening speech by the Minister for Defence Pål Jonson at the conference on security and defence within the framework of Sweden's presidency of the EU // Government Offices of Sweden: [official website]. URL:
<https://www.government.se/speeches/2023/02/opening-speech-by-the-minister-for->

- defence-pal-jonson-at-the-conference-on-security-and-defence-within-the-framework-of-swedens-presidency-of-the-eu/ (data obrashcheniya: 21.03.2023).
43. Nordic Defence Cooperation Vision 2025 // Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): [official website]. URL: <https://www.nordefco.org/Files/nordefco-vision-2025-signed.pdf> (data obrashcheniya: 17.01.2023).
44. Luchko M. L. Pozitsii stran Severnoi Evropy cherez prizmu mezhdunarodnykh reitingov // Sovremennaya Evropa. 2020. №3. S. 83-95.
45. Voronov K. V. Severnye strany i Rossiya: «neprikosnovennyi zapas» prochnosti dvukhstoronnikh otnoshenii // Sovremennaya Evropa. 2021. №1. S. 33-40.
46. Ålander M. End of an era: Future of Nordic security from a Finnish perspective. Norwegian Institute of International Affairs (NUPI), 2003.

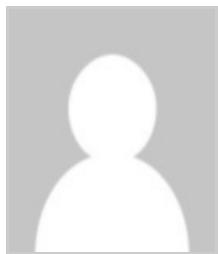
The Ukrainian dimension of Britain's foreign policy amid the Russian special military operation

Gavrilenko Nikita Vladislavovich

Graduate student, Department of Applied International Analysis, Moscow State Institute of International Relations (University)

76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

 gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru

Abstract. The article looks at the UK's foreign policy in Ukraine against the background of the special military operation of the Russian Federation. The author examines historical prerequisites for Britain's involvement in the conflict, in particular, reveals the process of forming a model of the state's behaviour in the international arena and shows how bilateral relations between London and Kiev have developed. The study also determines the significance of the events in Eastern Europe for the UK as a power with global ambitions. The scientific research program of realism is used as the theoretical basis of the article, with the historical—genetic method, discourse analysis and problem node decomposition used as its methodological basis. While conducting a research, an attempt was made to systemise all the goals and interests that the United Kingdom pursues. It was concluded that London takes part in the crisis in Ukraine indirectly for several reasons that are national, regional, and global in nature. All the efforts of the political leadership are aimed at diverting attention of British subjects from domestic political issues, strengthening the position of the state on the European continent and not allowing the Russian Federation to fulfil its strategic tasks, thereby creating new opportunities for itself elsewhere.

Keywords: NATO, Sovereignty, The Ukraine Conflict, The Special Military Operation, The Russian Federation, Ukraine, Great Britain, Global Britain, Democracy, Europe

References (transliterated)

1. Alekseeva T. A. (2021) Politicheskaya filosofiya: ideino-teoreticheskie osnovaniya mezhdunarodnykh issledovanii: uchebnoe posobie / Pod red. M. M. Lebedevoi. M.: MGIMO-Universitet. 236 c.
2. Kapitonova N. K., Romanova E. V. (2016) Iстория внешней политики Великобритании: учебник. М.: Международные отношения. 840 с.
3. Wertheim S. Tomorrow, the World: The Birth of U.S. Global Supremacy. Cambridge, 2012. 272 p.

4. Memorandum on Security Assurances in connection with Ukraine's accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 16 p. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%203007/Part/volume-3007-I-52241.pdf>.
5. Carr E. H. The Twenty Years' Crisis: 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. N.Y.: Perennial, 2001. 244 p.
6. Anan'eva E. V. (2021) Rossiya v strategii natsional'noi bezopasnosti Britanii. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 5. №4. S. 453-459. doi: 10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459.
7. Seldon A., Snowdon P. Cameron at 10. The Inside Story, 2010-2015. William Collins: London, 2015. 939 p.
8. Chmyreva V. A. (2021) Ukraina, Turtsiya, Velikobritaniya: kontury sotrudnichestva, riski i vozmozhnosti dlya Rossii. Postsovetskie issledovaniya. №4(3). S. 226-233.
9. A Force for Good: Global Britain in a Competitive Age. 114 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age---the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf.
10. Istomin I. A. (2021) Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike. M.: Izdatel'stvo «Aspekt-Press». 304 s.
11. Godovanyuk K. A. (2021) Ukraina v kontekste vneshnepoliticheskikh interesov Velikobritanii. Postsovetskie issledovaniya. T. 4. №5. S. 427-434.
12. Kanarova V. N., Semenova A. A. (2020) Dvukhstoronnii dialog Ukrayny i Velikobritanii posle Brexit. Postsovetskie issledovaniya. T. 3. №8. S. 685-693.
13. D'yachenko M. V. (2016) Obraz V. V. Putina na stranitsakh russkoyazychnoi britanskoi gazety «Dostizheniya». Vestnik magistratury. №3(54). S. 48-50.
14. Godovanyuk K. A. (2020) «Global'naya Britaniya» v preddverii Brekzita. M.: Institut Evropy RAN. 160 s.
15. Brzezinski Z. (2009) Review: A Tale of Two Wars: The Right War in Iraq, and the Wrong One. Foreign Affairs. Vol 88. 3. PP. 148-152.
16. Krasina E. A. (2021) Itogi Breksita: Global'naya Britaniya i protivodeistvie Rossii. 'Vlast'. №4. S. 259-263.
17. Okhoshin O. V. (2022) Rossiisko-britanskie otnosheniya: ot okhlazhdeniya k konfrontatsii. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 6. №4. S. 472-480. doi: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-472-480.
18. Kaveshnikov N. Yu., Matveevskii Yu. A. (2018) Evropeiskii soyuz: istoriya, instituty, politika: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. N.Yu. Kaveshnikova. M.: Izdatel'stvo «Aspekt-Press». 320 s.
19. Kapitonova N. K. (2017) Britanskie prem'er-ministry. Politicheskie portrety. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 448 s.
20. Megatrendy: Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke: Uchebnik (2022) / Pod red. T. A. Shkleinoi, A. A. Baikova. M.: Izdatel'stvo «Aspekt-Press». 520 s.

The spiritual presence of the Russian Orthodox Church in Africa: recent situation, current risks and potential threats

Stenko Aleksandr Ivanovich

Teacher, Institute of Foreign Languages, Peoples Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

✉ stenko-ai@rudn.ru

Abstract. The phenomenon of the growing complex jurisdictional and dogmatic contradictions between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Alexandria, which at the same time is making increasingly persistent efforts to solve the problem of torpedoing the missionary activity of the ROC in Africa is the object of research. In this context, Alexandria relies on attracting influential external players from among representatives of not only other faiths, but also secular authorities of different countries, especially the United States. Author strives to conduct a retrospective review of the situation around the spiritual presence of the Moscow Patriarchate in Africa, as well as an analysis of the current legislative and institutional framework underlying such an element of US foreign policy as the promotion of "freedom of religion in the world." The study is based on the documents available on the Internet from the archives of the Alexandria Orthodox Church and US government agencies (Congress, State Department) aimed at consolidating the sphere of "freedom of religion in the world" as one of the current international priorities of Washington's policy. A comprehensive study of the prehistory of the conflicts between the APC and the ROC was carried out, as well as an analysis of the multidirectional arsenal of tools available to Washington for potentially exerting pressure on the Moscow Patriarchate in the context of the current spiritual presence of the ROC on the African continent. A holistic picture has been formed of the options for interaction between the Patriarchate of Alexandria and the US administration in the framework of joint attempts to restrain Moscow's activities in Africa. The research materials can be used in educational activities in order to counter the anti-Russian propaganda of the United States and other Western countries, which is increasingly affecting the church-religious "dossier".

Keywords: Ecumenical Patriarchate, Security Council, US administration, United States of America, ROC in Africa, US foreign policy, religious freedom, intra-orthodox relations, Patriarchate of Alexandria, Russian Orthodox Church

References (transliterated)

1. M.M. Mchedlova, Vozvrashchenie religii, ili novyi mir: v poiskakh ob'yasneniya-M.: Izdatel'stvo INION RAN, 2013. S.25-47.
2. Ofitsial'noe zayavlenie glavy Aleksandriiskogo patriarkhata v svyazi s priznaniem avtokefalii «Pravoslavnoi tserkvi Ukrayny», 08.11.19, <https://orthodoxtimes.com/the-patriarchate-of-alexandria-recognizes-the-orthodox-church-of-ukraine>.
3. Zhurnaly zasedaniya Svyashchennogo Sinoda Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi ot 23-24 sentyabrya 2021 goda, <http://www.patriarchia.i-u/db/text/5837973.html>.
4. Zhurnaly zasedaniya Svyashchennogo Sinoda Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi ot 29 dekabrya 2021 goda, <http://www.patriarchia.ru/db/text/5877047.html>.
5. Ofitsial'noe zayavlenie glavy Aleksandriiskogo Patriarkhata v svyazi s uchrezhdeniem Patriarshego ekzarkhata Afriki Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 30.01.21, <https://www.patriarchateofalexandria.com/en/anakoinwoen-patriarxeioy-alexandreias-30122021>.
6. Ofitsial'nyi press-reliz resheniya Sinoda Aleksandriiskoi Pravoslavnoi Tserkvi ot 12.01.22, <https://www.patriarchateofalexandria.com/el/anakoinwoen-ths-icras-synodoy-toy-patriarxeioy-alexandreias-kai-pashs-afrikhs>.

7. Ofitsial'nyi press-reliz po itogam zasedaniya Sinoda Aleksandriiskoi Pravoslavnoi tserkvi, 22.11.22, <https://www.patriarchateofalexandria.com/27617/?lang=en>.
8. Tekst pis'ma Aleksandriiskogo patriarcha v adres glavy Koptskoi Pravoslavnoi Tserkvi, 13.07.22, <https://orthodoxtimes.com/patriarch-theodores-harsh-reastion-to-the-granting-of-a-church-by-the-copts-to-the-russian-church>.
9. Soobshchenie press-sluzhby Aleksandriiskogo Patriarkhata, 2.03.22, <https://www.patriarchateofalexandria.com/us-deputy-ambassador-visits-the-patriarch-of-alexandria/?lang=en&print=print>.
10. Soobshchenie press-sluzhby Severoamerikanskoi arkhiepiskopii Konstantinopol'skoi Pravoslavnoi Tserkvi, 11.10.22, <https://www.goarch.org/-/press-release-october-1-2022>.
11. Stenogramma vystupleniya M.Olbrait iz arkhiva Gosdepertamenta SShA, <https://1997-2001.state.gov/statements/971023a.html>.
12. Tekst zakona o Svobode veroispovedanii s ofitsial'nogo Internet-portala pravitel'stva SShA, www.uscirf.gov/index.php?option=com_content&task=view&id=349&Itemid=45.
13. Ofitsial'naya stranitsa Mezhdunarodnogo al'yansa za svobodu religii na saite Gosdepertamenta SShA, <https://www.state.gov/international-religious-freedom-or-belief-alliance/>.
14. Interv'yu I.Dam'yanovicha, TASS, 26.12.2019, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7429209>.
15. Tekst ofitsial'nogo zayavleniya predsedatelya Mezhdunarodnogo al'yansa za svobodu religii F.Bryus, <https://www.state.gov/irfba-statement-on-the-situation-in-ukraine/>.
16. Doklad Issledovatel'skoi sluzhby Kongressa SShA o politike Belogo doma v sfere obespecheniya svobody veroispovedaniya v mire, <https://crsreport.congress.gov/product/pdf/IF/IF10803>.